

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского»

ЖАНРЫ РЕЧИ

Международный научный журнал

Издается с 1997 года
Выходит 4 раза в год
Саратов (Россия)

2024 Том 19 № 3 (43)

Speech Genres

International Journal

Published from 1997
4 issues per year
Saratov (Russia)

- Журнал «Жанры речи» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76706 от 02.09.2019 г.
- Подписной индекс издания 70771. Подписку на печатные издания можно оформить в Интернет-каталоге ГК «Урал-Пресс» (uralpress.ru). Цена свободная. Электронная версия находится в открытом доступе (zhanry-rechi.sgu.ru)
- Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (категория К1, специальности: 5.9.1, 5.9.3, 5.9.5, 5.9.8)
- Журнал входит в ядро РИНЦ, включен в Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science
- Журнал входит в международные базы данных Scopus, ERIH PLUS, DOAJ

ISSN 2311-0740 (Print)
ISSN 2311-0759 (Online)

© Саратовский университет, 2024

Редакционная коллегия

Главный редактор

В. В. Дементьев, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Л. В. Балашова, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

О. В. Кощеева, кандидат филол. наук, доц. (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

- В. М. Алтатов*, доктор филол. наук, проф. (Москва, Россия)
Е. Ю. Викторова, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)
М. Еленевская, Ph.D., проф. (Хайфа, Израиль)
Е. Г. Елина, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)
В. И. Карасик, доктор филол. наук, проф. (Москва, Россия)
И. Э. Клюканов, Ph.D., проф. (Вашингтон, США)
Р. Лакофф, Ph.D., проф. (Беркли, США)
Т. В. Ларина, доктор филол. наук, проф. (Москва, Россия)
Э. Лассан, Ph.D., проф. (Каунас, Литва)
М. Макуховска, Ph.D., проф. (Ополе, Польша)
В. А. Маслова, доктор филол. наук, проф. (Витебск, Белоруссия)
А. Мустайоки, Ph.D., проф. (Хельсинки, Финляндия)
Б. Ю. Норман, доктор филол. наук, проф. (Минск, Белоруссия)
Н. В. Орлова, доктор филол. наук, проф. (Омск, Россия)
В. В. Прозоров, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)
Р. Ратмайр, Ph.D., проф. (Вена, Австрия)
В. А. Салимовский, доктор филол. наук, проф. (Пермь, Россия)
П. Серию, Ph.D., проф. (Лозанна, Швейцария)
О. Б. Сиротина, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)
М. Сифиану, Ph.D., проф. (Афины, Греция)
Т. И. Стеклова, доктор филол. наук, проф. (Новосибирск, Россия)
З. К. Темиргазина, доктор филол. наук, проф. (Павлодар, Казахстан)
Р. Г. Тирадо, Ph.D., проф. (Гранада, Испания)
Хуан Мэй, Ph.D., проф. (Пекин, КНР)
Т. В. Шмелёва, доктор филол. наук, проф. (Великий Новгород, Россия)

Editorial Board

Editor-in-Chief

Vadim V. Dementyev (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-7532-5788>

Deputy Editor-in-Chief

Lubov' V. Balashova (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-3979-2143>

Executive Secretary

Olga V. Koshcheeva (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-8506-0867>

Members of the Editorial Board:

- Vladimir M. Alpatov* (Moscow, Russia), <https://orcid.org/0000-0003-4323-2832>
Elena G. Elina (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-9797-3145>
Vladimir I. Karasik (Moscow, Russia), <https://orcid.org/0000-0001-8306-5317>
Robin Lakoff (Berkeley, USA)
Igor E. Klyukanov (Washington, USA), <https://orcid.org/0000-0003-2240-0980>
Tat'yana V. Larina (Moscow, Russia), <https://orcid.org/0000-0001-6167-455X>
Eleonora Lassan (Kaunas, Lithuania), <https://orcid.org/0000-0001-9415-9757>
Marzena Makuchowska (Opole, Poland), <https://orcid.org/0000-0003-1357-2211>
Valentina A. Maslova (Vitebsk, Belarus), <https://orcid.org/0000-0001-8717-9231>
Mei Huang (Beijing, China), <https://orcid.org/0000-0003-3580-0107>
Arto Mustajoki (Helsinki, Finland), <https://orcid.org/0000-0002-6609-7090>
Boris Y. Norman (Minsk, Belarus), <https://orcid.org/0000-0001-8520-5387>
Natalia V. Orlova (Omsk, Russia), <https://orcid.org/0000-0003-1761-4765>
Valeri V. Prozorov (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-6386-0759>
Renate Rathmayr (Vienna, Austria), <https://orcid.org/0000-0003-3038-2276>
Vladimir A. Salimovsky (Perm, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-4925-2490>
Patrick Sériot (Lausanne, Switzerland), <https://orcid.org/0000-0002-4805-883X>
Tat'yana V. Shmelyova (Velikiy Novgorod, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-3360-0518>
Maria Sifianou (Athens, Greece), <https://orcid.org/0000-0002-3231-937X>
Olga B. Sirotinina (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-3258-4536>
Tat'yana I. Steksova (Novosibirsk, Russia), <https://orcid.org/0000-0003-4275-7450>
Zifa K. Temirgazina (Pavlodar, Kazakhstan), <https://orcid.org/0000-0003-3399-7364>
Rafael Guzman Tirado (Granada, Spain), <https://orcid.org/0000-0002-4615-6436>
Elena Yu. Viktorova (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-3989-1897>
Maria Yelenevskaya (Haifa, Israel), <https://orcid.org/0000-0001-7155-8755>

СОДЕРЖАНИЕ

Общие проблемы теории речевых жанров

- Степанов В. Н.,
Кривонос А. Д.** Ярославль, Россия
Санкт-Петербург, Россия
- Жанровая пиарология и конвергенции жанров PR-текста..... 212

Исследования отдельных жанров

- Карасик В. И.** Москва, Россия
- Лингвокультурные характеристики речевого жанра
«пожелание» 225
- Алпатов В. М.** Москва, Россия
- Жанр сезонных приветствий в японской культуре..... 233
- Халиков М. М.** Самара, Россия
- Когнитивно-операциональный и речевжанровый
универсализм оксюморона..... 237
- Веселкова Т. В.** Саратов, Россия
- Жанрообразующие признаки самопрезентации
(на материале самопрезентации студентов) 247

Жанры в художественном творчестве

- Чжу Биин** Нанкин, Китай
- Жанровый синтез в лирической прозе и стихотворениях
в прозе Н. М. Карамзина..... 256

Жанры СМИ

- Кириллова К. И.** Саратов, Россия
- Аналитический обзор о США в современных российских
массмедиа: особенности жанровой структуры
(на материале пространственных метафор)..... 266
- Марьина О. В.,
Сухотерина Т. П.** Барнаул, Россия
- Жанровые формы в детском журнале «Трамвай» 277

Интернет-жанры

- Ким Л. Г.,
Рольгайзер А. А.** Кемерово, Россия
- Комментарий vs интернет-комментарий: к проблеме
специфики жанра виртуальной коммуникации 286
- Дегальцева А. В.** Саратов, Россия
- «Так готовили царям»: аттрактивные приёмы
в названиях видеорецептов на платформе «Дзен» 295

CONTENTS

General Problems of the Speech Genres Theory

- Stepanov V. N.,
Krivonosov A. D.** Genre PRology and convergence of genres of PR text 212
Yaroslavl, Russia
St. Petersburg, Russia

Studies of Individual Genres

- Karasik V. I.** Linguistic and cultural characteristics
Moscow, Russia of the speech genre “wish” 225
- Alpatov V. M.** Genre of seasonal greetings in Japanese culture 233
Moscow, Russia
- Khalikov M. M.** Cognitive-operational and speech-genre universalism
Samara, Russia of the oxymoron 237
- Veselkova T. V.** Genre-forming signs of self-presentation
Saratov, Russia (based on the material of students’ self-presentation) 247

Genres in Art

- Zhu Biying** Genre synthesis: Lyrical prose and a poem in prose
Nanjing, China by N. M. Karamzin 256

Genres of Mass Media

- Kirillova K. I.** Analytical review of the USA in modern Russian
Saratov, Russia Mass Media: Features of the genre structure
(based on spatial metaphors) 266
- Maryina O. V.,
Sukhoterina T. P.** Genre forms in the children’s magazine “Tram” 277
Barnaul, Russia

Internet Genres

- Kim L. G., Rolgayzer A. A.** Comment vs Internet comment: On the issue of the specific
Kemerovo, Russia genre characteristics of virtual communication 286
- Degaltseva A. V.** “This is how food was cooked for kings”: Attractive
Saratov, Russia techniques in the names of video cooking recipes
on the Zen platform 295

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

Жанры речи. 2024. Т. 19, № 3 (43). С. 212–224

Speech Genres, 2024, vol. 19, no. 3 (43), pp. 212–224

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-3-43-212-224>, EDN: ВХКНСЕ

Научная статья

УДК [[316.77+659.4]:004.738.5]+81'27'38'42

Жанровая пиарология и конвергенции жанров PR-текста

В. Н. Степанов¹✉, А. Д. Кривоносов²

¹Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ), Россия, 150003, г. Ярославль, ул. Советская, д. 80

²Санкт-Петербургский государственный экономический университет (СПбГЭУ), Россия, 191034, г. Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, д. 30–32

Степанов Валентин Николаевич, доктор филологических наук, профессор, проректор по управлению знаниями, заведующий кафедрой массовых коммуникаций, stepanov@mubint.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8198-2517>

Кривоносов Алексей Дмитриевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой коммуникационных технологий и связей с общественностью, krivonosov.a@unesp.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3713-198X>

Аннотация. В основе особого направления пиарологии как науки о связях с общественностью – жанровой пиарологии – лежит критерий многообразия форматов PR-информации в условиях мультимедийной публичной коммуникации. В качестве предмета жанровой пиарологии рассматривается конвергенция информационных форматов PR-текста в условиях мультимедийного PR-дискурса. В жанровой ревизии PR-коммуникации в социальных сетях на жанровые трансформации PR-текстов влияют следующие факторы: 1) технологический, 2) интенциональный, 3) структурный. В технологическом отношении PR-тексты, функционирующие в пространстве социальных сетей, характеризуются поликодовой структурой, предполагающей равноценность вербального и невербального уровней означивания; трансгрессивным характером публикации, определяющим мультипликацию сообщения и его трансгрессию (перемещение) в цифровом пространстве. PR-тексты полиинтенциональны по своей природе. В структурном отношении PR-тексты в социальных сетях подвергаются конвергенции трех видов: 1) собственно структурной, или презентационной, 2) дискурсивной и 3) жанровой. Структурная, или презентационная, конвергенция PR-текстов в социальных сетях связана с выделением в структуре поста презентации (собственно текст и иконические материалы) и реакции (комментарии читателей). Дискурсивная конвергенция PR-текста связана с диффузией институционального и интенционального типов дискурса, межинституциональным дискурсивным взаимодействием (PR и реклама). Жанровая конвергенция PR-текстов представляет собой жанровый симбиоз трех типов – конвергенцию первичных и вторичных речевых жанров, конвергенцию первичных простых жанров PR-текста, интермедийную конвергенцию.

Ключевые слова: пиарология, PR, текст, жанр, информация, коммуникация, трансформация, конвергенция, дискурс, пост

Для цитирования: Степанов В. Н., Кривоносов А. Д. Жанровая пиарология и конвергенции жанров PR-текста // *Жанры речи*. 2024. Т. 19, № 3 (43). С. 212–224. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-3-43-212-224>, EDN: ВХКНСЕ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Genre PRology and convergence of genres of PR text

V. N. Stepanov¹✉, A. D. Krivonosov²

¹International Academy of Business and New Technologies (IBUNT), 80 Sovetskaya St., Yaroslavl 150003, Russia

²Saint Petersburg State University of Economics (SPbGEU), 30–32 emb. Canal Griboedova, Saint Petersburg 191034, Russia

Valentin N. Stepanov, stepanov@mubint.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8198-2517>

Aleksey D. Krivososov, krivososov.a@unecon.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3713-198X>

Abstract. In the basis of a special area of genre PRology as a branch of the science of public relations the authors put the criterion of the diversity of PR-information in multi-channel public communication via new media. As a subject of genre PRology, the authors consider convergence of information formats of a PR text in a multi-channel PR. In the genre revision of PR communication in social media, the genre transformations of PR texts are influenced by the following factors: 1) technological, 2) intentional, 3) structural. Technologically, PR texts functioning in the space of social networks are characterized by 1) a polycode structure, which implies the equivalence of verbal and non-verbal levels of meaning; 2) the transgressive nature of the publication, which determines the animation of the message and its transgression (movement) in the digital space. PR texts are multi-intentional in nature. Structurally, PR texts in social networks undergo three types of convergence: 1) structural or presentational, 2) discursive, and 3) genre. Structural, or presentational, convergence of PR texts in social media is associated with the allocation in the post structure of the presentation (the actual text and iconic materials) and the reaction (readers' comments). Discourse convergence of PR-text is associated with 1) diffusion of institutional and intentional types of discourse, 2) inter-institutional discursive interaction (PR and advertising). Genre convergence of PR-texts is a genre symbiosis of three types – convergence of primary and secondary speech genres, convergence of primary simple genres of PR-text, and intermedial convergence.

Keywords: PRology, PR, text, genre, information, communication, transformation, convergence, discourse, post

For citation: Stepanov V. N., Krivososov A. D. Genre PRology and convergence of genres of PR text. *Speech Genres*, 2024, vol. 19, no. 3 (43), pp. 212–224 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-3-43-212-224>, EDN: BXXHSE

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

1. Постановка проблемы

Назвать науку о связях с общественностью *пиарологией* предложила в книге «Паблик рилейшнз в системе управления» [1] профессор М. А. Шишкина. В определении пиарологии, используемом в рамках Петербургской школы PR, в качестве родового признака исследователь указала следующее: наука «о закономерностях, принципах и механизмах формирования и функционирования связей с общественностью как совокупности социальных коммуникативных практик» [1: 24]. Характеристики пиарологии представлены через понятия «коммуникация» и «информация», наука о связях с общественностью трактуется как «информационно-коммуникационное знание, ее объектом выступает социальная коммуникация» [1: 24].

В определении предмета науки акцент делается на *социальной* природе и *информационно-коммуникативной* сущности пиарологии: связи с общественностью представляют собой совокупность *социальных практик*, которые направлены, во-первых, «на производство и воспроизводство эффективных публичных коммуникаций», а во-вторых, на «оптимизацию информационных взаимодействий между социальными субъектами и их целевыми группами» [1: 28].

Системное представление о связях с общественностью опирается на понятие *PR-информации*, которая представляет собой разновидность социальной информации и, во-первых, «производится в процессе деятельности социального субъекта (фирмы, организации, персоны) – базисного субъекта PR»; во-вторых, распространяется по его же инициативе; в-третьих, «отражает в оптимизированном селективном виде значимые факты деятельности данного субъекта»; в-четвертых, «предназначена для определенного сегмента общественности»; в-пятых, «служит целям формирования эффективной коммуникационной среды данного социального субъекта» [2: 35].

Результатами PR-деятельности признаются следующие феномены информационно-коммуникативной сферы: паблисити, репутация, (позитивный) имидж, бренд, репутация, (положительное) общественное мнение, корпоративная идентичность (в совокупности корпоративной стратегии и политики, корпоративной философии и корпоративной культуры). В качестве обобщающего наименования результатов PR-деятельности в Петербургской школе PR используется понятие «*паблицитный капитал*», или капитал публичности, известности, имиджевый капитал. Этот особый вид капи-

тала формируется в пространстве публичных коммуникаций базисного субъекта PR [1].

В научном дискурсе фиксируется малое количество исследований специфики относительного нового научного знания – пиарологии. Однако еще в начале 2000-х гг. вопросы статуса пиарологии рассматривались российскими исследователями С. М. Емельяновым и Г. И. Герасимовой [3, 4], а в монографии одного из авторов статьи уже в 2011 г. были определены фундаментальные и прикладные задачи российской пиарологии [5: 29–46].

Нельзя не отметить исследование И. П. Кужелевой-Саган, которая разработала авторскую «обобщенную транспективную модель пиарологии» и предлагает понимать данную научную область как открытую самоорганизующуюся когнитивную систему, синтез трех частных моделей: 1) «классическая» пиарология («социальная механика»); 2) «неклассическая» пиарология («социальная кибернетика»), 3) «постнеклассическая» пиарология («социальная синергетика») [6: 423].

Современный этап в онтогенезе пиарологии И. П. Кужелевой-Саган определяет как «постнеклассическую пиарологию» и «социальную синергетику», ориентированные «на решение задач выявления свойств PR как самоорганизующейся системы, “человекообразного объекта” и его возможностей в конструировании социальной среды (надсистемы)» [6: 412]. Становление данного этапа связано с разнообразием информационных каналов и коммуникативных практик (мультиканальностью) современной публичной коммуникации.

В начале XXI в. актуальное состояние пиарологии диктовало комплексное описание системы текстов, функционирующих преимущественно на бумажном носителе. Сегодня PR-информация транслируется по различным каналам и с помощью разных коммуникационных технологий [7]. В целом глобализация информационного пространства тесно связана с совершенствованием компьютерных, информационных и телекоммуникационных технологий. Значительная часть PR-информации сейчас передается целевой общественности прежде всего по электронным каналам. В современном обществе Интернет является своеобразным комплексным феноменом и выполняет разные функции: и как источник, и как средство передачи информации, и как средство коммуникации [2: 57].

Медиаизация влияет на трансформации современной массовой коммуникации и служит формированию новой информационно-коммуникационной среды, виртуализации и запечатлению (импринтингу) социального опыта [8]. Ее воздействие на медиареальность в целом и связи с общественностью в частности,

их практику и результаты (эффекты) имеет цивилизационный масштаб. Составляющие публичного капитала, к которым в рамках Петербургской школы PR, напомним, относят паблисити, репутацию, имидж, бренд, позитивное общественное мнение и корпоративную идентичность, сегодня представляют собой *медийные публичные явления* и формируются в рамках *медийных публичных коммуникаций*, а их конструкты формируют новую форму реальности – *медиаторную*, или опосредующую.

В данных условиях пришло время выделить *жанровую пиарологию* в особое направление науки о связях с общественностью и предложить в качестве предмета новой отрасли пиарологии актуальное и растущее в условиях мультиканальной публичной коммуникации и мультиканального PR-дискурса многообразие технологических форматов PR-информации – цифровых и текстовых. Отметим, что работы по изучению интернет-жанров журналистского текста уже имеются [9, 10]. С одной стороны, жанровая пиарология становится частью «открытого когнитивного пространства» *генологии* в терминологии М. Войтак [11: 205], а с другой – изучает «речежанровые изменения» и «речежанровую картину современности» и становится частью *теории речевых жанров* в терминологии В. В. Дементьева [12].

В качестве исследовательских *направлений* жанровой пиарологии следует выделить изучение структурно-семантических, функциональных, когнитивных, психологических, прагматических, технологических характеристик жанров PR-коммуникации.

Определение *PR-текста*, введенное в научный оборот одним из авторов статьи в 2001 г., на современном этапе очевидно требует уточнения, которое касается последней характеристики (7) и не затрагивает базовые признаки (1–6). Итак, PR-текст рассматривается как «простой или комбинированный текст», (1) который содержит PR-информацию, (2) инициируется базисным субъектом PR, (3) функционирует в пространстве публичных коммуникаций, (4) служит целям формирования или приращения публичного капитала данного базисного PR-субъекта, (5) адресован определенному сегменту общественности, (6) обладает скрытым (или значительно реже прямым) авторством, (7) распространяется «путем прямой рассылки, посредством личной доставки или опосредованной через СМИ» [2: 58]

Комфортной технологической средой для новых жанровых форматов PR-текста является мультиканальная коммуникация в рамках *новых медиа* и *социальных сетей*, которые обеспечивают PR-тексты цифровыми инстру-

ментами разного рода жанровых конвергенций [7, 13].

В качестве источников материала исследования в данной статье используются публикации в коллективных аккаунтах (пабликах) Российского государственного академического театра драмы имени Федора Волкова [14], Культурно-образовательного центра имени Ивана Дмитревского [15] при Волковском театре, Школы авторской кинорежиссуры Николая Бурляева [16].

2. Ревизия жанров PR-текста

В жанровой ревизии PR-коммуникации учитываются следующие факторы, влияющие на жанровые трансформации PR-текстов: 1) технологический, 2) интенциональный, 3) структурный.

В *технологическом* отношении PR-тексты, функционирующие в пространстве социальных сетей, характеризуются 1) *поликодовой структурой*, предполагающей равноценность вербального и невербального уровней означивания; 2) *трансгрессивным характером публикации*, определяющим мультипликацию сообщения и его трансгрессию (перемещение) в цифровом пространстве.

Трансгрессия может быть двух видов: *прямая* (при этом сообщение публикуется в новостной ленте «чужого» аккаунта или в тематическом архиве – агрегаторе) и *косвенная* (при этом адресат уведомляется о публикации и тем самым приглашается к обсуждению). Подобного рода интерактивные инструменты позволяют сократить дистанцию контакта с адресатом.

Семиотические коды в рамках публикации взаимодействуют по принципу *комплементарности* и дополняют друг друга. Работа над *эмоциональностью* (означивание эмоций) и *эмоциогенностью* («вызывание» эмоций) сообщения происходит с помощью эмодзи (смайлов), использование которых подчиняется определенному роду грамматике, в рамках которой эмодзи замещают слова, знаки препинания, маркируют начало и конец абзаца и предложения (рис. 1–3; тексты 1–7).

Отличительный признак текста в мультимедийной коммуникации – *трансгрессивность*, которая проявляется в структуре, композиции и языке (стиле) текста [13]. К трансгрессивному инструментарию в тексте относятся инородные *вставные* текстовые элементы (метки) – инсеты, или теги (хештеги, гиперссылки, геолокация, геотегинг) (см. рис. 1–3; тексты 1–7).

К важнейшим функциям трансгрессии относятся, во-первых, *мультипликация* сообщения, во-вторых, *увеличение* охвата аудитории и в-третьих, как следствие двух первых, *приращение* публичного капитала социального

субъекта. Использование инсетов (меток) в качестве композиционного стержня текста и способность за их счет создавать информационную глубину и семиотическую многослойность текста требуют от профессионального спичрайтера и корпоративного блогера высокой степени мастерства (см. рис. 1–3; тексты 1–7).

Изучение трансгрессии позволяет уточнить принципы и механизмы «цифровой географии» мультимедийной коммуникации, очертить границы и векторы расширения «цифрового пространства» и «цифрового времени», которые преодолевают «реальные» пространство и время с опорой на специальные инструменты связи с другими аккаунтами и агрегаторами. По времени, указанном в публикациях, можно рассчитать степень оперативности пользовательских реакций (см. рис. 1–3; тексты 1–7).

Примером симбиоза семиотической сложности и трансгрессивности публикаций в современных социальных сетях являются *геймифицированные продукты* (технологические решения, основанные на игровых механизмах), которые позволяют увеличить вовлеченность аудитории аккаунта в социальных сетях, стимулируют креативность пользователей, структурируют цифровые материалы (конкурсы, опросы, голосования) На рис. 2 представлен пример геймифицированного продукта – голосование о проектах Культурно-образовательного центра имени Ивана Дмитревского при Театре имени Федора Волкова в Ярославле в театральном сезоне и реакции пользователей.

В *интенциональном* отношении PR-тексты полиинтенциональны. Иерархия целей в PR-текстах определяется следующим:

во-первых, *адресной* (таргетированной и сегментированной) коммуникацией базисного субъекта PR в титульном (официальном) аккаунте в социальной сети в соответствии с сегментами целевой общественности;

во-вторых, *эмоциогенным* характером общения, в рамках которого доминантой является психологическое заражение аудитории, т. е. *передача* эмоционального состояния или психологического отношения адресанта человеку или группе людей (адресату – пользователям), которые перенимают и присваивают это состояние или отношение, «заражаются» ими;

в-третьих, доминантой *целеполагания* в общении в социальных сетях является *вовлечение* читателя в общение и формирование определенной *когнитивной реакции*: *эмоциональной* – через лайки, *рационально-волевой* – через комментарии, *ценностной* – через репосты, «расшаривание».

Примеры эмоциональной, рационально-волевой и когнитивной реакции пользователей представлены на рис. 1–3. Реакции пользо-

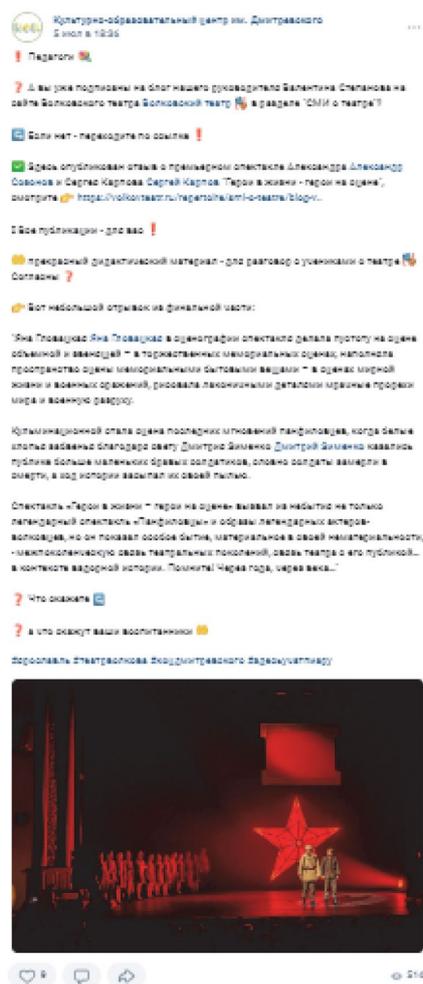

Рис. 1. Структура поста – презентация и реакция
 Fig. 1. Post structure – presentation and reaction

(1)

(2)

Культурно-образовательный центр им. Дмитревского
 5 июл в 18:36

(3)

! Педагоги 🌸

(4)

? А вы уже подписаны на блог нашего руководителя
 Валентина Степанова на сайте Волковского
 театра Волковский театр 🗣️ в разделе "СМИ о театре"?

(5)

🔗 Если нет - переходите по ссылке !

(6)

✅ Здесь опубликован отзыв о премьерном спектакле
 Александра Александр Созонов и Сергея Карпова Сергей
 Карпов "Герои в жизни - герои на сцене", смотрите 🗣️
<https://volkovteatr.ru/repertoire/smi-o-teatre/blog-v..>

(7)

Все публикации - для вас !

(8)

👉 прекрасный дидактический материал - для разговор с
 учениками о театре 🗣️ Согласны ?

(9)

👉 Вот небольшой отрывок из финальной части:

(10)

"Яна Гловацкая Яна Гловацкая в сценографии спектакля
 сделала пустоту на сцене объемной и звенящей – в
 торжественных мемориальных сценах, наполняя
 пространство сцены мемориальными бытовыми вещами – в
 сценах мирной жизни и военных сражений, рисовала
 лаконичными деталями мрачные прорехи мира и военную
 разруху.

(11)

Кульминационной стала сцена последних мгновений
 панфиловцев, когда белые хлопья забвенья благодаря свету
 Дмитрия Зименко Дмитрий Зименко казались публике
 больше маленьких храбрых солдатиков, словно солдаты
 замерли в смерти, а ход истории засыпал их своей пылью.

(12)

Спектакль «Герои в жизни – герои на сцене» вызвал из
 небытия не только легендарный спектакль «Панфиловцы» и
 образы легендарных актеров-волковцев, но он показал особое
 бытие, материальное в своей нематериальности, -
 межпоколенческую связь театральных поколений, связь
 театра с его публикой... в контексте вздорной истории.
 Помните! Через года, через века..."

(13)

? Что скажете 🗣️

(14)

? а что скажут ваши воспитанники 🗣️

(15)

#ярославль #театрволкова #коцдмитревского #здесьучатпиару

Текст 1 / Text 1

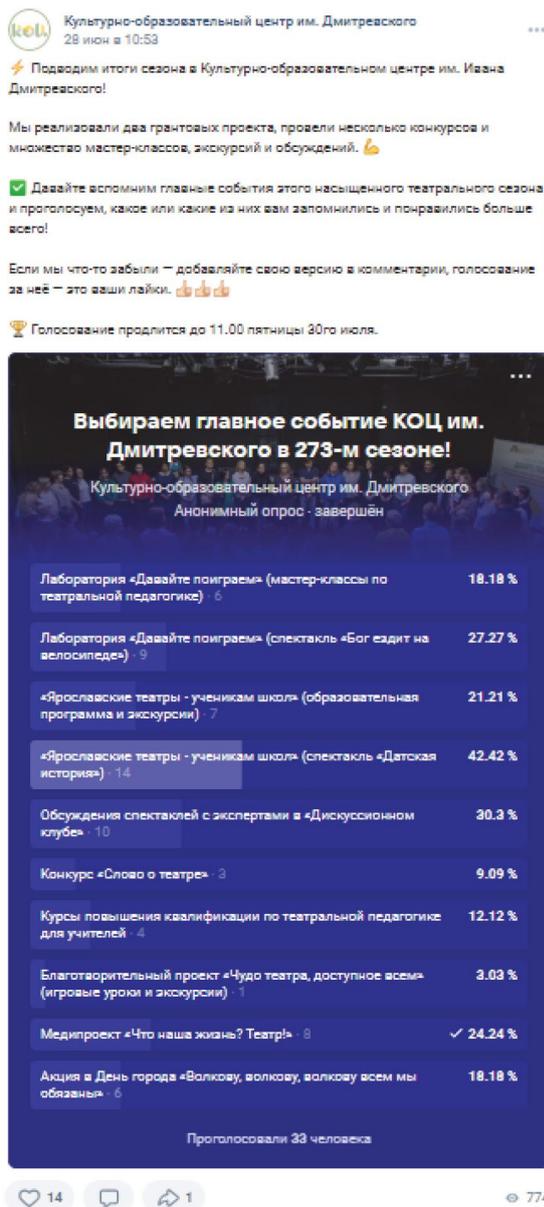

Рис. 2. Пост с голосованием / Fig. 2. Post with voting

вателей имеют различный психологический «вес»: *эмоциональная* реакция (эмотиконы) указывает на простую эмоцию с выбором из шести вариантов означивания, *рационально-волевая* предполагает вербализацию или невербальное означивание мысли или психологического отношения в комментарии под публикацией, *ценностная* – самая «глубокая» в психологическом и когнитивном отношении – реакция свидетельствует о высокой степени «вовлечения» пользователей на ценностном (мировоззренческом) уровне, вплоть до «присваивания» сообщения и публикации в собственном аккаунте (репост, «расшари-

(1)

(2) Культурно-образовательный центр им. Дмитревского
28 июня в 10:53

(3)

⚡ Подводим итоги сезона в Культурно-образовательном центре им. Ивана Дмитревского!

(4)

Мы реализовали два грантовых проекта, провели несколько конкурсов и множество мастер-классов, экскурсий и обсуждений. 👍

(5)

✅ Давайте вспомним главные события этого насыщенного театрального сезона и проголосуем, какое или какие из них вам запомнились и понравились больше всего!

(6)

Если мы что-то забыли — добавляйте свою версию в комментарии, голосование за неё — это ваши лайки. 👍👍👍

(7)

🏆 Голосование продлится до 11.00 пятницы 30го июля.

Текст 2 / Text 2

вание») или в личном сообщении другим пользователям, это яркий пример проявления «коллективного» авторства публикации в социальных сетях. Возможна и четвертая реакция, которую в определенной степени можно охарактеризовать как *рефлекторную*, поскольку она указывает на просмотры – первичную рефлекторную реакцию пользователя на уведомление о данной публикации в новостной ленте его аккаунта.

Целеполагание в рамках отдельной публикации учитывает потребности пользователей и может быть направлено на продвижение в целом и удовлетворение конкретной по-

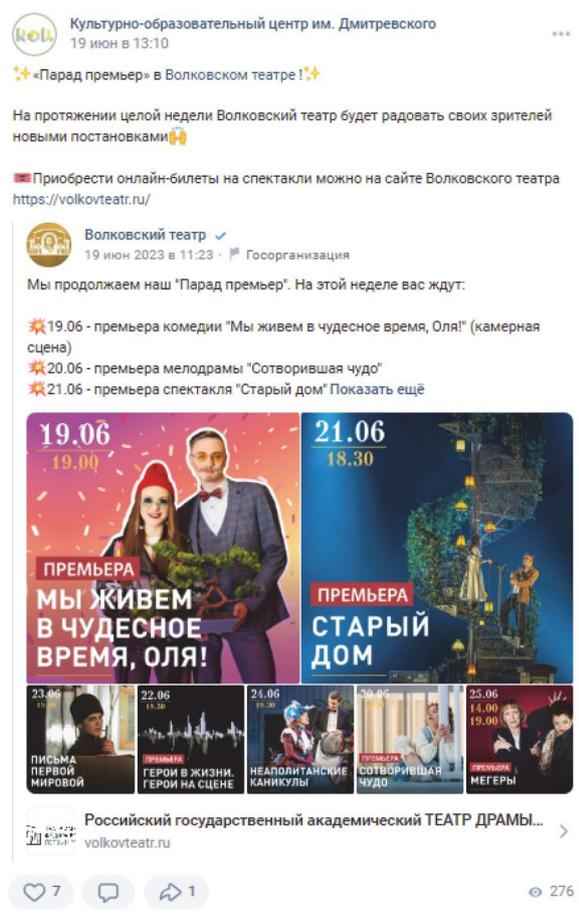

Рис. 3. Пост с репостом / Fig. 3. Reposted post

(1)

(2) Волковский театр

5 июл в 16:15 · Госорганизация

(3)

Открыта продажа билетов на спектакли XXIII Международного Волковского фестиваля!

(4)

Фестиваль пройдет с 19 по 26 сентября. Среди наших гостей театры из Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, Калуги, Твери, Ижевска, Рыбинска, а также из Донецка, Белоруссии, Сербии и Армении!

(5)

Фестивальная программа будет представлена на 3-х площадках - театр драмы имени Федора Волкова, КЗЦ Миллениум и Дом актера имени Сергея Пускепалиса.

(5)

Классические и современные постановки, драмы, комедии и трагифарсы, Островский, Толстой, Гончаров, Гоголь, Достоевский, Салтыков-Щедрин - репертуар Международного Волковского фестиваля сможет порадовать любого зрителя!

(6)

Партнеры фестиваля: Банк ВТБ и Фонд поддержки и развития театра им. Ф. Волкова

(7)

Организаторы фестиваля Министерство культуры Российской Федерации и Ярославская область

(8)

Билеты на спектакли фестиваля можно приобрести на нашем сайте <https://volkovteatr.ru/>

Текст 3 / Text 3

требности, например: во-первых, биогенной (в безопасности), во-вторых, психофизиологической (в здоровье и комфорте), в-третьих, социальной (в статусе и успехе), в-четвертых, духовной (в самоактуализации). Как показывает практика, основными в данной структуре потребностей становятся *психофизиологические* и *социальные* потребности, реже или вообще могут не фиксироваться в публичных коммуникациях *биогенные* и *духовные*. Для субъекта PR основной (и практически единственной) является *социальная* потребность.

Анализ субъект-объектных отношений трансформирующейся информационно-коммуникативной реальности позволяет выделить

еще один эффект медиатизации – *трансфигурацию* субъекта общения. Традиционное, формировавшееся годами и сформировавшее определенное рода стереотипы, представление об персональных (личностных) и профессиональных компетенциях современного человека, «жителя Интернета», трансформируется в новых условиях – в контексте интенсивного развития массовой коммуникации Публикационная активность в социальных сетях и более широком публичном поле неразрывно связана с *публичным статусом* «публикатора», формированием и укреплением его *публичного имиджа* Это важно как для конкретного субъекта PR, так

(1)

(2)

Культурно-образовательный центр им.
Дмитревского
26 июня в 11:00

(3)

Итаак, раскрываем карты! 🎴

(4)

В новом выпуске медипроекта «Что наша жизнь? Театр!» нашими гостями стали:

(5)

! Валерий Соколов и Михаил Емельянов !

(6)

🎬 Проект Волковского театра «Что наша жизнь? Театр!» — серия видеointервью, в которых артисты-наставники со своими юными коллегами в формате карточной игры говорят об искусстве

(7)

☑ Валерий Соколов — Заслуженный артист России. В 1970 окончил Ярославское театральное училище (руководитель курса В.А. Солопов), в 1985 — Ярославский театральный институт (руководитель курса Г.Б. Дроздов).

С 1970 года артист Ярославского академического ордена Трудового Красного Знамени драматического театра имени Ф.Г. Волкова (с 1992 — Российский государственный академический театр драмы имени Фёдора Волкова).

(8)

☑ @<https://vk.com/invinus> (Михаил Емельянов) — Окончил Саратовский театральный институт (мастерская Риммы Беляковой). Лауреат стипендии имени Олега Табакова.

С 2015 года артист Российского государственного академического театра драмы имени Федора Волкова.

(9)

🎤 Ведущий проекта — руководитель Культурно-образовательного центра им. Дмитревского Валентин Степанов

📹 Видеограф — Михаил Волгусов

📷 Бэкстейдж сняла Елизавета Щеголева

(10)

#Ярославль #Волковскийтеатр #КОЦДмитревского

Текст 4 / Текст 4

(1)

(2)

Ярославский художественный музей
сегодня в 10:03 · Госорганизация

(3)

Художественный руководитель Музыкального фестиваля «Лимон» Вадим Эйленкриг приветствует зрителей и приглашает на фестиваль.

(4)

Увидимся уже скоро – 29 июля 2023,
Губернаторский сад, Ярославль.

(5)

Для вас выступят:

Вадим Эйленкриг & Eilenkrig crew – современный авторский джаз

Трио Даниила Крамера – традиционный джаз, кроссовер

Трио Kle2Go – авторский фолк-джаз

Илиана Санчез (Куба) & Ритмы Гаваны – латин-джаз

(6)

Билеты: <https://vk.cc/coODm8>

Оплатить Пушкинской картой: <https://vk.cc/cp2KXo>

Текст 5 / Text 5

(1)

(2)

Школа авторской кинорежиссуры Николая Бурляева
30 июн в 9:58

(3)

Дорогие друзья!

(4)

Проект «Школа авторской кинорежиссуры Николая Бурляева», поддержанный Президентским фондом культурных инициатив, подходит к своему завершению. В связи с этим предлагаем подвести его итоги.

(5)

За год работы Киношколы:

(6)

✓ Была разработана модульная дополнительная программа профессиональной переподготовки по кинематографу, состоящая из трех модулей: «Основы кинодраматургии», «Основы кинорежиссуры», «Основы актерского мастерства», создано 3 уникальных электронных курса по модульным программам.

(7)

✓ Проведено 10 тренингов и 16 мастер-классов народных и заслуженных артистов России на крупных площадках города Ярославля – КЗЦ «Миллениум», Дворец Молодежи, ДК имени А. М. Добрынина и Российский государственный академический театр драмы имени Ф. Волкова.

(8)

✓ Более 200 человек из разных регионов страны приняли участие в онлайн-состязании «На пути к киношедеврам: Школа авторской кинорежиссуры». Победители и призеры получили ценные призы от партнеров проекта.

(9)

✓ 16 мая в стенах Академии МУБиНТ состоялся круглый стол: Итоги реализации проекта «Школа авторской кинорежиссуры Николая Бурляева», в ходе которого были награждены самые активные участники мероприятий Школы авторской кинорежиссуры – представители образовательных учреждений города Ярославля, а также партнеры проекта.

(10)

✓ 120 человек прошли обучение по отдельным образовательным модулям: «Основы кинодраматургии», «Основы кинорежиссуры», «Основы актерского мастерства».

(11)

✓ Была осуществлена профпереподготовка 49-ти педагогов и лиц, планирующих обучать молодежь основам киноискусства.

(12)

✓ 16 итоговых работ были представлены на XXXII Международном Кинофоруме «Золотой Витязь». Экспертным жюри был особо отмечен документальный

(1)

(2)

Волковский театр
5 июл в 18:30 · Госорганизация

(3)

👉 До 1 августа продлевается приём заявок на драматургический конкурс «Жемчужина театра»: Федор Волков и его время». Знакомимся с экспертами.

(4)

Лето — время для творчества! 📝✍️ Хотите написать пьесу для Первого Русского театра? У вас ещё есть такой шанс, ведь мы приняли решение продлить до 1 августа прием заявок на конкурс, объявленный театром в преддверии своего 275-летия. Мы продолжаем искать драматургов, которые готовы погрузиться в эпоху Фёдора Волкова, время театрального барокко и дворцовых переворотов.

(5)

Сейчас мы принимаем только творческие заявки от драматургов, ещё не готовые тексты. Сочинять произведения будем уже осенью, вместе с финалистами конкурса и с нашими экспертами, которых мы готовы представить вам уже сегодня!

(6)

Наш первый эксперт поможет разобраться, что же такое современная биографическая драма и спектакль для Большой сцены.

(7)

👉 Встречайте Александр Вислов — театральный критик, драматург, эксперт фестиваля "Золотая Маска". С 2011 года преподает в ГИТИСе. Помимо работы в качестве театрального критика, эксперта многочисленных фестивалей и лабораторий, занимается драматургической деятельностью, ставит спектакли. Его инсценировки и оригинальные пьесы шли на сценах Санкт-Петербурга, Красноярска, Новокузнецка.

(8)

Второй эксперт будет отвечать за погружение в жанр иммерсивного театра и расскажет, как строятся спектакли-променады, также известные как "бродилки".

(9)

👉 Это будет Александр Созонов — главный режиссёр Российского государственного академического театра драмы имени Федора Волкова, выпускник Школы-студии МХАТ, номинант национальной театральной премии «Золотая маска», постановщик многих спектаклей в жанре иммерсивного театра.

фильм Екатерины Гусевой «Ляля».

(17)

Торжественное вручение дипломов выпускникам

Киношколы состоялось 7 июня.

По итогам проекта был проведен семинар, посвященный стратегии дальнейшей реализации Школы авторской кинорежиссуры, в ходе которого была отмечена успешность проекта и важность расширения масштабов на другие регионы.

(18)

Проект Школа авторской кинорежиссуры Николая

Бурляева реализуется Академией #МУБиНТ при поддержке Президентского фонда культурных инициатив.

(19)

#Фондкультурныхинициатив #Грантдлякреативныхкоманд

Текст 6 / Text 6

и для таких пользователей социальных сетей, как «трендсеттеры», «селебрити» и «драйверы».

Особый аспект трансфигурации субъекта общения в социальных сетях затрагивает природу порождаемого текста в посте, который за счет публикации и появления реакции на него становится *коллективным*, приобретает *коллективное авторство*. Эту особенность диалогической коммуникации еще в XX в. отметил Ю. М. Лотман, который рассматривал диалогический текст как «единый текст» и считал, что «транслируемый текст и полученный на него ответ должны образовывать, с некоторой точки зрения, единый текст», при этом каждая часть подобного рода коллективного коммуникативного продукта «не только представляет отдельный текст, но имеет тенденцию быть текстом на другом языке (выделение наше. – Авт.), транслируемый текст должен, упреждая ответ, содержать в себе элементы перехода на чужой язык (выделение наше. – Авт.)» [17: 19]. С этой точки зрения, изучение текста, функционирующего в условиях мультимедийной коммуникации, касается вопросов *транслатологии* и предполагает исследование принципов и механизмов перевода сообщения с одного семиотического кода на другой.

Структурный критерий позволяет описать жанрообразующие и жанроопределяющие признаки PR-текста в новых и разных технологических условиях, *интенциональные* – лежащие в его основе коммуникативные интенции, обусловленные многокомпонентной ситуацией мультимедийного общения, опосредованного тем или иным медиа, и *технологические* – технологический инструментарий, доступный в условиях мультимедийной цифровой коммуникации.

(10)

Мы напоминаем, что все пьесы, даже поданные в "свободную номинацию", должны касаться темы становления русского театра в 18 веке, личности Фёдора Волкова и его сподвижников.

(11)

Подробные правила и форму заявки ищите на сайте театра:

<https://volkovteatr.ru/news/news/vserossiyskiy-konkur..>

Текст 7 / Text 7

В структурном отношении PR-тексты в социальных сетях подвергаются конвергенции трех видов: 1) собственно *структурной*, или презентационной, 2) *дискурсивной* и 3) *жанровой*.

3. Структурная конвергенция PR-текста

Структурная, или презентационная, конвергенция PR-текстов в социальных сетях связана с выделением в структуре поста *презентации* (собственно текст и – возможно – иконические материалы) и *реакции* (комментарии читателей).

Автор конвергентного PR-текста в социальных сетях остается *анонимным* или *мнимым* (корпоративное имя, «ник», см. рис. 1–3, тексты 1–7), но подвергается трансфигурации, и в результате появляется коллективный автор – 1) сам (условно) написавший или опубликовавший сообщение (публикатор), 2) все те, кто оставил комментарии и «включился» в обсуждение и 3) модератор, отвечающий на комментарии. Первая и третья авторские позиции могут совпадать. Категория *трансфигурация автора* обнажает суть цифровой субстанции (цифрового) «медиасапиенса».

Отличительные признаки структурной конвергенции PR-текстов будут рассмотрены на примере поста как одного из жанров интернет-коммуникации. Под постом понимается сложно структурированный (комплексный) жанр интернет-коммуникации, сферой функционирования которого является массовая коммуникация, в структуре которого выделяются определенные дискурсивные *жанрообразующие* признаки (см. рис. 1–3): во-первых, собственная *двучленная структура*, включающая в себя *презентацию* (инициируемое адресантом сообщение) и *реакцию* (сообщения других членов сообщества – в комментариях и репостах); во-вторых, *ком-*

плексная структура собственно презентации и реакции; в-третьих, *поликодовый* характер текста и равноценная репрезентация вербально и невербально выраженного смысла; в-четвертых, *интенциональность* и *интенсивность* взаимодействия в данном сообществе; в-пятых, формирование *социального капитала* участников сообщества в качестве базовой интенции общения, речь при этом идет о такой разновидности социального капитала, как *когнитивный капитал*, который характеризует интенциональный уровень общения и призван формировать особые отношения между его участниками.

Выделим следующие *жанроопределяющие* признаки поста:

- 1) а) в структуре презентации выделяются следующие компоненты (цифровые форматы): *текст* (см. рис. 1–3, тексты 1–7), *картинка (фотография)* (см. рис. 1, 3), *гиперссылка* (см. рис. 1–3, тексты 1–7), *видеоматериал* (см. текст 5), *конкурс, опрос* (см. рис. 2); б) публикации делятся на два вида: с конкретной адресацией (см. текст 1) и безадресные (см. рис. 1–3, тексты 2–7);
- 2) в структуру реакции входят следующие цифровые инструменты: *репост, комментарий (текст, эмодзи, гиперссылка, картинка), лайк*;
- 3) в основе общения лежат следующие интенции: а) *информирование* сообщества и *формирование* информационной картины участников группы, б) *формирование эмоционального фона* общения в данном сообществе.

4. Дискурсная конвергенция PR-текста

Дискурсная конвергенция PR-текста связана с 1) диффузией институционального и интенционального типов дискурса, 2) межинституциональным дискурсным взаимодействием (PR и реклама).

В отношении диффузии институционального и интенционального типа наблюдается следующее. С одной стороны, PR-текст обеспечивает рост публичного капитала базисного субъекта и *институционально* относится к профессиональной сфере связей с общественностью. А с другой – демонстрирует признаки особого типа дискурса, *интенционального*, и включает в себя, во-первых, вербальные и невербальные репрезентации психологических механизмов *символизации, демонстрация* и *ретрансляция* реальной или искусно имитируемой интенции адресанта вызвать у массового адресата демонстрируемое психологическое состояние (провоцирование); во-вторых, характерные для непрямого коммуникации когнитивные схемы косвенных

сообщений; в-третьих, характерные для сферы межличностной коммуникации речевые жанры, которые составляют тем не менее базовый пласт общения в массовой коммуникации. Данный интенциональный тип дискурса принято называть *провокативным* и рассматривать как комплексное жанровое образование, призванное выразить провокативное намерение (провоцирующего, или провоканта) и в результате воздействия скорректировать коммуникативную активность провоцируемого для апелляции в нём демонстрируемого провоцирующего психологического состояния, которое может не соответствовать актуальному состоянию реципиента провоцирования [8].

В представленных примерах представлены обе жанровые провокативные стратегии (ПС). ПС *заботы* представлена следующими элементарными провокативными жанрами (ПЖ): *провокативный вопрос* в тексте 1 фрагменты (4, 13, 14), в тексте 7 фрагмент (4), *совет* в тексте 1 фрагмент (5), в тексте 2 фрагмент (6), в тексте 7 фрагмент 11), *професема* в тексте 2 фрагмент (7), в тексте 3 фрагмента (5), в тексте 5 фрагменты (4, 5), в тексте 7 фрагменты (6, 8). ПС *признания* представлена следующими элементарными ПЖ: *демонстративом* в тексте 1 фрагменты (6, 9), *представлением* в тексте 3 фрагменты (6, 7), в тексте 4 фрагменты (7, 8, 9), в тексте 5 фрагмент (3), в тексте 7 фрагменты (7, 9).

Межинституциональное дискурсное взаимодействие определяется на уровне PR- и рекламной информации как компонентов, репрезентантов социальной информации, которая «производится в процессе человеческой деятельности, отражает факты с точки зрения их общественной значимости и служит для общения между людьми и достижения ими своих целей, обусловленных социальным положением» [2: 128].

Публикации в социальных сетях часто демонстрируют неразличение этих типов информации, и тогда текст соединяет в себе признаки обоих типов институционального дискурса, как, например, в тексте 3 фрагмент (8), в тексте 5 фрагмент (6).

5. Жанровая конвергенция PR-текста

Жанровая конвергенция PR-текстов представляет собой жанровый симбиоз трех типов: это конвергенция первичных и вторичных речевых жанров, конвергенция первичных простых жанров PR-текста, интермедияльная конвергенция.

Конвергенция первого типа «смешивает» *первичные и вторичные речевые жанры* в рамках одной публикации, при этом жанры первого вида характерны для межличностной коммуникации, второго – для специальной ком-

муникации, в данном случае – в публичной сфере связей с общественностью. Публикации в новых медиа и социальных сетях представляют сегодня симбиоз межличностной и массовой коммуникации и используют богатый инструментарий обоих видов коммуникации.

При конвергенции *первичных простых жанров* PR-текста, в соответствии с классификацией одного из авторов статьи [2], в рамках одной публикации происходит «бленд» жанров, относящихся к одной или нескольким из пяти жанровых групп: в группу оперативно-новостных жанров входят пресс-релиз, приглашение, информационное письмо; исследовательско-новостных – бэкграундер, лист вопросов и ответов; фактологических – факт-лист, биография, некролог; исследовательских – заявление для СМИ; образно-новостных – байлайнер, поздравление, письмо и благодарственное письмо.

В рамках *интермедиальной* конвергенции в одной публикации «встречаются» жанры, традиционно относящиеся к разным медиа, с разными технологическими характеристиками – печатные, электронные, цифровые. Примером такой конвергенции является рассмотренный в разделе о структурной конвергенции *post* как автономный жанр интернет-коммуникации и основной инструмент публичной коммуникации в социальных сетях (см. рис. 1–3, тексты 1–7).

Заключение

В основе особого направления пиарологии как науки о связях с общественностью – жанровой пиарологии – лежит критерий многообразия форматов PR-информации в условиях мультимедиа публичной коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шишкина М. А. Паблик рилейшнз в системе социального управления. СПб. : Изд-ва «Паллада-медиа» и СЗРЦ «РУСИЧ», 2002. 444 с.
2. Кривоносов А. Д. PR-текст в системе публичных коммуникаций. Изд. 2-е, доп. СПб. : Петербургское Востоковедение, 2002. 288 с.
3. Герасимова Г. И. Связи с общественностью в контексте социально-гуманитарных знаний. СПб. : Роза Мира, 2009. 208 с.
4. Емельянов С. М. Статус паблик рилейшнз как науки: вопросы методологии // Петербургская школа PR: от теории к практике : сб. ст. / отв. ред. А. Д. Кривоносов. СПб. : Роза Мира, 2004. Вып. 2. С. 71–79.
5. Кривоносов А. Д. Очерки истории науки и методики паблик рилейшнз. Владимир : Изд-во ВИБ, 2011. 163 с.
6. Кужелева-Саган И. П. Научное знание о связях с общественностью (PR): Философский анализ. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 464 с.

В качестве предмета жанровой пиарологии рассматривается конвергенция информационных форматов PR-текста в условиях мультимедиа PR-дискурса.

В жанровой ревизии PR-коммуникации в социальных сетях на жанровые трансформации PR-текстов влияют следующие факторы: 1) технологический, 2) интенциональный, 3) структурный. В технологическом отношении PR-тексты, функционирующие в пространстве социальных сетей, характеризуются 1) поликодовой структурой, предполагающей равноценность вербального и невербального уровней означивания; 2) трансгрессивным характером публикации, определяющим мультипликацию сообщения и его трансгрессию (перемещение) в цифровом пространстве. PR-тексты полиинтенциональны по своей природе. В структурном отношении PR-тексты в социальных сетях подвергаются конвергенции трех видов: 1) собственно структурной, или презентационной, 2) дискурсной и 3) жанровой.

Структурная, или презентационная, конвергенция PR-текстов в социальных сетях связана с выделением в структуре поста презентации (собственно текст и иконические материалы) и реакции (комментарии читателей).

Дискурсная конвергенция PR-текста связана с 1) диффузией институционального и интенционального типов дискурса, 2) межинституциональным дискурсным взаимодействием (PR и реклама).

Жанровая конвергенция PR-текстов представляет собой жанровый симбиоз трех типов – конвергенцию первичных и вторичных речевых жанров, конвергенцию первичных простых жанров PR-текста, интермедиальную конвергенцию.

7. Шилина М. Г. Текстогенные трансформации инфосферы. Методологический эскиз становления Интернета. М. : ООО «РИЦ Северо-Восток», 2012. 734 с.

8. Степанов В. Н. К вопросу об эмоциогенной коммуникации // Иностранные языки в высшей школе. Рязань, 2012. Вып. 1 (20). С. 12–34.

9. Тертычный А. А. Особенности жанрообразования в интернет-СМИ // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. 2013. № 61 (149), вып. 17. С. 172–179.

10. Киуру К. В. Интернет-жанрология как направление изучения журналистского текста // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 26 (355). Филология. Искусствоведение. Вып. 93. С. 51–55.

11. Войтак М. Генология как когнитивное пространство // Жанры речи. 2020. № 3 (27). С. 205–213. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-3-27-205-213>

12. Дементьев В. В. Жанры в меняющемся мире: креационистские потенции речевых жанров и эпистемологические потенции теории речевых жанров // Жанры

речи. 2019. № 1 (21). С. 6–21. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-6-21>

13. Stepanov V. N. Ontology of transgressive social media // RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism. 2021. Vol. 26, № 4. P. 641–648. <https://doi.org/10.22363/2312-9210-2021-26-4-641-648>

14. Волковский театр: страница // ВКонтакте : сайт. URL: https://vk.com/volkov_teatr (дата обращения: 22.03.2023).

15. Культурно-образовательный центр им. Дмитревского: страница // ВКонтакте: сайт. URL: <https://vk.com/kocim.ivandmitrevsky> (дата обращения: 22.03.2023).

16. Школа авторской кинорежиссуры Николая Бурляева // ВКонтакте: сайт. URL: <https://vk.com/kinoshkolanpb> (дата обращения: 22.03.2023).

17. Лотман Ю. М. Избранные статьи : в 3 т. Т. I. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн : Александра, 1992. 479 с.

REFERENCES

1. Shishkina M. A. *Public relations v sisteme sotsial'nogo upravleniya* [Public relations in the system of social management]. Saint Petersburg, Publishing house Pallada-media and RUSICH, 2002. 444 p. (in Russian).

2. Krivososov A. D. *PR-text in the system of public communications*. 2nd ed., add. Saint Petersburg, Petersburg Oriental Studies, 2002. 288 p. (in Russian).

3. Gerasimova G. I. *Svyazi s obshchestvennost'yu v kontekste sotsial'no-gumanitarnykh znaniy* [Public relations in the context of social and humanitarian knowledge]. Saint Petersburg, Rose of the World, 2009. 208 p. (in Russian).

4. Emelyanov S. M. Status of public relations as a science: issues of methodology. In: *Peterburgskaya shkola PR: ot teorii k praktike: sb. st. Otv. red. A. D. Krivososov* [Krivososov A. D., chif. ed. Petersburg School of PR: From theory to practice: Coll. arts.]. Iss. 2. Saint Petersburg, Rose of the World, 2004, pp. 71–79 (in Russian).

5. Krivososov A. D. *Ocherki istorii nauki i didaktiki public relations* [Essays on the history of science and didactics of public relations]. Vladimir, VIB Publishing House, 2011. 163 p. (in Russian)

6. Kuzheleva-Sagan I. P. *Nauchnoe znanie o svyazyakh s obshchestvennost'yu (PR): Filosofskij analiz* [Scientific

knowledge about public relations (PR): Philosophical analysis]. Moscow, Knizhny dom "LIBROKOM", 2011. 464 p. (in Russian).

7. Shilina M. G. *Tekstogennye transformatsii infosfery. Metodologicheskij eskiz stanovleniya Interneta* [Textogenic transformations of the infosphere. Methodological sketch of the formation of the Internet]. Moscow, RIC North-East, 2012. 734 p. (in Russian).

8. Stepanov V. N. On the issue of emotional communication. *Foreign Languages in Higher Education*. Ryazan, 2012, iss. 1 (20), pp. 12–34 (in Russian).

9. Tertychny A. A. Features of genre formation in Online media. *Scientific Vedomosti. Humanities series*, 2013, no. 61 (149), iss. 17, pp. 172–179 (in Russian).

10. Kiuru K. V. Internet genre as a direction in the study of journalistic text. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 2014, no. 26 (355). Philology. Art History, iss. 93, pp. 51–55 (in Russian).

11. Wojtak M. Genology as a cognitive space. *Speech Genres*, 2020, no. 3 (27), pp. 205–213 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-3-27-205-213>

12. Demytyev V. V. Genres in changing world: Creationistic potentials of speech genres and epistemological potentials of the theory of speech genres. *Speech Genres*, 2019, no. 1 (21), pp. 6–21 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-6-21>

13. Stepanov V. N. Ontology of transgressive social media. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 2021, vol. 26, no. 4, pp. 641–648. <https://doi.org/10.22363/2312-9210-2021-26-4-641-648>

14. Volkovsky Theater: Page. *Vkontakte: site*. Available at: https://vk.com/volkov_teatr (accessed March 22, 2023).

15. Cultural and educational center. Dmitrevsky: page. *Vkontakte: site*. Available at: <https://vk.com/kocim.ivandmitrevsky> (accessed March 22, 2023) (in Russian).

16. Nikolai Burlyayev's school of author's film directing: site. *Vkontakte: site*. Available at: <https://vk.com/kinoshkolanpb> (accessed March 22, 2023) (in Russian).

17. Lotman Yu. M. *Izbrannye stat'i: v 3 t. T. 1. Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury* [Selected articles: in three volumes. Vol. I. Articles on semiotics and typology of culture]. Tallinn, Alexandra, 1992. 479 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 22.07.2023; одобрена после рецензирования 11.09.2023; принята к публикации 21.09.2023
The article was submitted 22.07.2023; approved after reviewing 11.09.2023; accepted for publication 21.09.2023

ИССЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ЖАНРОВ

Жанры речи. 2024. Т. 19, № 3 (43). С. 225–232

Speech Genres, 2024, vol. 19, no. 3 (43), pp. 225–232

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-3-43-225-232>, EDN: CLRCIP

Научная статья

УДК 811.161.1'27'38

Лингвокультурные характеристики речевого жанра «пожелание»

В. И. Карасик

¹Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, Россия, 117485, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 6

²Московский государственный лингвистический университет, Россия, 119034, г. Москва, уд. Остоженка, д. 38, стр. 1

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, ¹профессор кафедры общего и русского языкознания, ²профессор кафедры русского языка как иностранного, vkarasik@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8306-5317>

Аннотация. Рассматривается речевой жанр «пожелание», представляющий собой эмоционально-волевое коммуникативное событие, содержанием которого является высказанное желание об осуществлении чего-либо приятного либо неприятного в чьей-либо жизни. Грамматическим способом прямого выражения этого жанра выступает оптатив как особая разновидность наклонения. Речеактовая структура пожелания предполагает некоторое положение дел, вызывающее эмоциональную реакцию говорящего. В качестве этикетного речевого действия в ответ на благопожелание обычно произносятся слова благодарности. В случае злопожелания, выраженного в диалоге, общение переходит в ссору с ответным злопожеланием. Частотными объектами благопожелания являются здоровье, счастье, благополучие, успех и удача. Благопожелание может сочетаться с упреждающей критикой, обвинением, упреком и просьбой. Этот речевой жанр распадается на дискурсивно нейтральный и специфический типы (в речи военных, моряков, студентов), существуют этномаркированные благопожелания для людей старшего возраста и для особых ситуаций, в частности для свадьбы. Злопожелания, в прошлом используемые в качестве магических заклинаний, в наши дни употребляются как бранные или шутивно-бранные высказывания. Злопожелание часто сочетается с оскорблением.

Ключевые слова: речевой жанр, благопожелание, злопожелание, дискурс, концепт

Для цитирования: Карасик В. И. Лингвокультурные характеристики речевого жанра «пожелание» // *Жанры речи*. 2024. Т. 19, № 3 (43). С. 225–232. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-3-43-225-232>, EDN: CLRCIP

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Linguistic and cultural characteristics of the speech genre “wish”

V. I. Karasik

¹Pushkin State Russian Language Institute, 6 Acad. Volgin St., Moscow 117485, Russia

²Moscow State Linguistic University, 38/1 Ostozhenka, Moscow 119034, Russia

Vladimir I. Karasik, vkarasik@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8306-5317>

Abstract. The paper deals with the speech genre “wish” treated as emotional and volitive communicative event, its meaning is an expressed wish of implementation of something good or bad for somebody. Grammatically, this genre is a kind of mood named “optative”. It is a speech act describing a certain situation which implies an emotional reaction of a person. The reaction of an addressee for a good wish is usually expressed in words or gestures of gratitude. In case of a bad wish expressed directly it merges with a quarrel and a reverse bad wish.

Common objects of good wishes are good health, happiness, prosperity, success and good luck. Good wishes may be combined with proactive criticism, accusation, reproach, or request. This speech act may be either neutral or discourse specific (used by soldiers, sailors, students, etc.), it is specifically used when addressed to elder people or applied to certain events, e.g. weddings. Bad wishes were initially pronounced as magic meant to bring harm to someone, and nowadays they are used as a kind of invectives or jokes. Bad wishes are usually combined with insult.

Keywords: speech genre, good wish, bad wish, discourse, concept

For citation: Karasik V. I. Linguistic and cultural characteristics of the speech genre “wish”. *Speech Genres*, 2024, vol. 19, no. 3 (43), pp. 225–232 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-3-43-225-232>, EDN: CLRCIP

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Теория речевых жанров представляет собой активно развивающееся направление современной отечественной лингвистики [1–9]. Речевой жанр, понимаемый как культурно и ситуативно обусловленный текстотип, можно рассматривать с разных точек зрения. В семиотическом плане жанр представляет собой сложный знак, содержание которого соотносится с определенной тематикой, а форма выражена речевыми действиями в рамках того или иного дискурса. В соответствии с законом асимметричного дуализма языкового знака, по С. Карцевскому, тематика, и способы выражения речевых жанров обнаруживают вариативность в пределах узнаваемости этих коммуникативных образований. Можно выделить семантические, прагматические и синтаксические характеристики жанров – описание того, о чем идет речь, кто участвует в общении и с какими другими коммуникативными явлениями данное речевое событие интертекстуально соотносится. В аксиологическом плане речевые жанры продвигают ценности, нормы и традиции того или иного сообщества и тем самым подтверждают идентичность носителей конкретной культуры. В лингвокультурном плане речевой жанр может быть осмыслен и проанализирован как концепт – квант переживаемого знания, допускающий понятийное, образное и ценностное измерение.

Лингвокультурная типология речевых жанров может быть построена на основании разных критериев. В классической теории М. М. Бахтина выделяются первичные и вторичные речевые жанры, первые усваиваются в ситуациях естественного общения в домашних условиях (жалоба, розыгрыш, ссора), вторые требуют обучения в школе, университете или на производстве (доклад, диспут, рапорт). По соотношению универсальных и специфических признаков жанра в разных этнокультурах можно выделить нейтральные и маркированные речевые жанры. Например, извинение обычно является этнонейтральным жанром,

а пожелание – часто бывает этномаркированным. По исторической динамике развития жанра можно противопоставить исчезнувшие и сохранившиеся речевые жанры, например, вызов на дуэль и комплимент. По этому же признаку можно охарактеризовать жанровую неологию, в частности в рамках сетевого дискурса. По дискурсивной специфике противопоставляются речевые жанры, присущие определенному типу дискурса и проявляющиеся в разных типах дискурса с небольшой вариативностью. Например, передовая статья в газете является монодискурсивным жанровым образованием, в то время как рецензия – полидискурсивным, поскольку существует в научном, академическом и медийном типах дискурса. Есть речевые жанры, требующие вербального выражения либо допускающие преимущественно невербальную экспликацию (поздравление – соболезнование). Могут быть выделены и другие типы речевых жанров.

Понятийные и образно-ситуативные характеристики благопожелания

В данной работе рассматривается речевой жанр «пожелание». Исследователи неоднократно обращались к изучению благопожеланий [10–26].

Пожелание как лингвокультурный концепт определяется в словарях русского и английского языков следующим образом:

Пожелание – Высказанное, выраженное желание об осуществлении чего-либо (чаще приятного) (ССРЛЯ).

Пожеланием называется чье-либо высказанное желание об осуществлении чего-либо в чьей-либо жизни, деятельности (Дмитриев).

Wish – An expression of desire for another's welfare: often as a farewell greeting. Usually, now always, in pl. (OED).

Wish – an invocation of good or evil fortune on someone (MWED).

Приведенные определения дают возможность выделить следующие признаки в рассматриваемом концепте: 1) желание, 2) выска-

занное, 3) направленное на другого человека, 4) об осуществлении чего-либо, 5) приятного либо неприятного.

Этнокультурная и социокультурная специфика жанра благопожелания объясняется тем, что этот коммуникативный поступок представляет собой реликт магического воздействия на адресата. Такое действие показывает, что говорящий желает адресату добра и предпринимает усилия, чтобы обмануть темные силы, которые могут помешать успешно выполнить то, что планируется сделать. В качестве иллюстраций благопожелания в работе приводятся примеры из «Национального корпуса русского языка».

Универсальные по своей тематике благопожелания предполагают, что участники общения знакомы и / или настроены положительно друг к другу. Такое отношение соответствует принципу кооперативности, по П. Грайсу. Пожелание как концепт относится к сфере волеизъявления, распадается на благопожелание и злопожелание, соотносится с благословением и проклятием, представляет собой диалогическое речевое действие, имеет специфическое выражение в личностном и статусном типах дискурса.

Грамматической формой благопожелания является опатив, разновидность наклонения, выражающего желание говорящего:

Я искренне желаю, чтобы в твоей жизни не случилось большего горя, чем это! (Д. Донцова).

Объектом благопожелания часто является общая позитивная оценка того, что может произойти в будущем:

Вам от души желаю я, друзья, всего хорошего, а всё хорошее, друзья, даётся нам недёшево (С. Маршак).

Отметим при этом, что подобное обобщение завершает цепочку благопожеланий либо является формальным этикетным актом в переписке:

Всего Вам доброго / хорошего / всех благ!

Частотными объектами благопожелания являются здоровье, счастье, благополучие, успех и удача. Иначе говоря, благопожелание направлено на получение или сохранение того, что не гарантируется автоматически, а зависит от складывающихся обстоятельств. Это относится к физическому, психическому и экономическому состоянию адресатов.

Уточнения благопожелания дублируют или выделяют общую положительную оценку того, что должно произойти:

Желаю Вам всего самого доброго, приятного и интересного!

Порядок благопожеланий является свидетельством приоритетов как личности, так и общества в определенный период:

Желаю тебе счастья в личной жизни... успехов в труде... мирного неба над головой (Т. Толстая).

Всем желаю взаимной любви, терпения и мудрости (Анон., форум).

Грань между выражением собственно желания и благопожелания может быть размытой:

Поскольку конструктивного диалога с Вами не получается, то я покидаю Ваш сайт, желаю всем пишущим здесь и читающим избавиться от прозападных либеральных заблуждений (Pravdolub, форум).

Интересен пример благопожелания, включающий отрицание:

Как в предыдущие разы, / Желаю всяческой тревоги, / Грозы, заразы и слезы, / Бузы, Насильственной лозы, / Гюрзы, и бешеной козы, / И несчастливой полосы, / И слишком жирной колбасы / Избежать на своей дороге! (Ю. Ким).

Рифма этого развернутого пожелания, адресованного Зиновию Гердту, подчеркивает единство того, что автор иронично обозначает как разновидности угрозы.

Благопожелания уместны в ситуации соревнования:

От всей души желаю Вам и Вашей эстафетной команде победы на Олимпийских играх (С. Иванов).

Пожелания молодых людей своим сверстникам акцентируют те ценности, которые являются приоритетными для их возраста:

Желаю тебе, как всегда, всего самого наилучшего: приобрести много хороших друзей или пусть немного, но зато самых верных и преданных.

Благопожелания людям старшего возраста часто касаются преодоления недугов:

Желаю Вам сил и бодрости для выздоровления.

Благопожелания могут касаться определенной сферы деятельности:

Желаю знаменитым гроссмейстерам создать на шахматных досках произведения, достойные памяти великого предшественника, а всем любителям шахмат получить от этого незабываемое удовольствие (А. Жуков).

Желаю тебе, чтобы твое имя всегда стояло рядом со словами «в главных ролях» будь то в театральной программке или в титрах (Анон., форум).

Благопожелания могут включать сравнение:

И дожил, можно сказать, почти до ста лет, чего и тебе желаю (И. Гаммер).

Благопожелания могут быть метафорическими:

Вижу, – на высокую гору поднялись. Желаю еще выше взобраться. При случае и нас с малых горok вспоминайте (П. Бажов).

В случае недобрых испытаний, предстоящих адресату, ему желают сил и мужества:

Мои наилучшие пожелания тебе в случае, если ты скоро вернешься домой, в противном случае я желаю тебе мужества, много мужества, чтобы выдержать тюремные страдания (Д. Гранин).

Искренне желаю вам выползти живым из этого кошмара (Д. Рубина).

При выражении благопожеланий подчеркивается искренность и эмоциональность:

Искренне желаю Вам всяческих успехов! От всего сердца желаю Вам счастья!

Иногда подчеркивается формально-этикетный характер этого жанра:

Не могу сказать, что искренне желаю тебе здоровья, просто так принято (А. Козаев).

Благопожелание может принимать юмористическую окраску:

... желаю тебе влюбляться в кого надо и не влюбляться в кого не надо) (Swep, форум).

В ряде случаев благопожелание содержит рассуждение с обоснованием системы ценностей:

Желаю вам оставаться информированными, активными и ответственными людьми (Т. Ершова).

В ряде случаев в благопожелание встраивается иерархия приоритетов:

От души желаю вам счастья, потому что семейственное благополучие дороже всякой славы и честолюбивого поприща (И. Панаев).

Такие обоснования неизбежно носят субъективный характер.

Благопожелание может включать и другие субъективные обоснования:

Баррикады? Я желаю их вам. У меня их было достаточно (А. Цветков).

Мы понимаем, что есть люди, для которых счастье – в борьбе, и есть те, кто ищет покоя в жизни.

Заслуживает внимания индивидуально-авторское благопожелание:

А в страшный для нас Новый год после хрущевского разгона интеллигенции Эренбург прислал мне телеграмму: «Желаю Вам в новом году резвиться на лугу со всеми кузнечиками мира», – вспоминал Вознесенский (И. Вирабов).

Иногда благопожелание включает аксиологическое противоречие:

Послушай, пойдем лучше в ресторацию, там игра... мне нужны нынче сильные ощущения... – Желаю тебе проиграться... (М. Лермонтов).

В игре обычно рассчитывают на выигрыш.

Благопожелание может включать упреждающую критику:

Желаю вам успехов на достаточно тяжёлом поприще научной популяризации и не сбиться с пути, свернув на дорожку псевдонаучной развлекаловки (Р. Аджубей).

При выражении пожелания иногда мы сталкиваемся со слиянием речевых действий, например, просьбы и пожелания:

Пожелай мне удачи в бою, пожелай мне: / Не остаться в этой траве, не остаться в этой траве. / Пожелай мне удачи, пожелай мне удачи! (В. Цой).

Высказывание благопожелания часто носит ритуально-стандартный характер, обычно бывает эмоционально маркированным и в ряде случаев характеризуется этнокультурной и социокультурной спецификой. Таковы, например, англоязычные пожелания, произносимые при поздравлении с днем рождения (*Many happy returns of the day*). В русской лингвокультуре воинское приветствие представляет собой благопожелание: «Здравия желаю!». Морякам желают попутного ветра, хотя в наши дни парусные корабли остались только для учебно-тренировочного плавания, известна фраза «*Семь футов под килем*» (пожелание того, чтобы судно не село на мель). Рыбакам говорят: «*Таскать вам – не перетаскать!*». Обращаясь к студентам перед экзаменом, путешественникам и тем, кому предстоит важное дело, говорят: «*Ни пуха ни пера!*» (изначально – напутствие для охотников, чтобы обмануть лешего, в ответ говорят: «*К чёрту!*»). Англичане в таких случаях могут сказать: «*Break a leg!*» (понятно, что такое пожелание представляет собой шутовское обыгрывание ситуации, в ответ говорят: «*Thank you*»), немцы говорят: «*Hals- und Beinbruch!*» (букв. перелом шеи и ноги, изначально также пожелание охотнику). В Китае пожелания студентам соотносятся с древней традицией – победой на императорских экзаменах ([jɔnbʔng tɪmɪŋ], буквально: быть вписанным в золотой список) и с метафорой завершения плавания – ([shàng'àn], буквально: Желаю Вам успешно высадиться на берег). В интернете находим пожелание автомобилистам: «*Ни гвоздя, ни жезла!*». Специфичными являются пожелания долголетия в русской и китайской культурах: «*Сибирского здоровья и кавказского долголетия!*» и [shòu bì nán shǎn] «*Да будет Ваш возраст, как южные горы!*» (в наши дни фраза произносится только во время банкетов). В арабской лингвокультуре используется стандартное поздравление в день свадьбы: [alf mabru:k] – «*Тысяча поздравлений!*».

Жанр благопожелания иногда может сливаться с упреком:

Вот, говорит, что я вам скажу: враги мы до смерти... Ну, да бог с вами, руку вам подаю, – желаю вам когда-нибудь человеком стать – вполне, не по инструкции... (В. Короленко).

Фактически перед нами обвинение – субъект не считает своего адресата достойным человеком.

Пожелание в ряде случаев включает акцентированную констатацию отсутствия чего-либо у адресата:

Я искренне, от всей души желаю Вам найти себя, принять себя и полюбить! (Анон., форум).

Пожелание может включать полемику:

Дайте, по крайней мере, помереть за что сама желаю, уж во всяком случае, не за какой-нибудь «изм»! (А. Браво).

Жанровая контаминация применительно к благопожеланию может включать и целевое обоснование:

От всей души желаю Вам неиссякаемой энергии, удачи в реализации планов и начинаний на благо укрепления связей между нашими братскими народами (Новгородские ведомости, 2013).

Некоторые благопожелания допускают заведомо неясное толкование:

– Ну что же, – сказал хозяин кабинета после небольшой задумчивости, – желаю вам успехов на поприще всеобщего благоденствия (А. Уткин).

Возможно, в этом пожелании содержится ирония.

Понятийные и образно-ситуативные характеристики злопожелания

Злопожелания детально рассматривались в лингвистической литературе с позиций их происхождения, лексического состава, речеактовой структуры и способов выражения [27–31]. Злопожелание часто отождествляется с проклятием, хотя между этими жанрами есть некоторые отличия. Отмечено, что по способу представления речевые акты проклятия подразделяются на перформативные проклятия, проклятия-пожелания и злопожелания [32: 5]. В таком случае между этими концептами устанавливаются родовидовые различия, и злопожелание рассматривается как разновидность проклятия. Можно сказать, что злопожелание акцентирует позицию субъекта этого речевого жанра, в то время как проклятие представляет собой более древнее коммуникативное действие – обращение к высшим силам для того, чтобы проклинаемый был наказан. Этот жанр на протяжении своей истории подвергся семантическому ветриванию, если раньше это было действие, в результате которого у объекта или адресата

проклятия, как считалось, могла случиться беда, то сейчас это воспринимается как бранное или шутливо-бранное высказывание. Например, фраза «Ни дна тебе, ни покрывишки» означала, что субъект не будет похоронен на кладбище в гробу, так хоронили самоубийц, и это осмысливалось как страшное завершение жизни. Такие фразы, сказанные в лицо человеку, часто произносятся как шутки: «Пей кефир, чтоб ты пропал, и выздоравливай скорее!». Подобные высказывания ассоциируются с традиционным одесским юмором.

Самый простой пример злопожелания – это буквальное выражение желания, чтобы с адресатом случилось нечто плохое:

– Никому в жизни не желала плохого, – проговорила Лена тихо свои мысли вслух, – а тебе желаю! (Н. Нестерова).

– Я тебе в приказном порядке продуть желаю (В. Пелевин).

Заслуживают внимания нюансы оптативно-го осмысления будущего:

– Я не желаю ей смерти, – сказала она как-то, – но, врать не буду, жду (А. Слаповский).

Злопожелание часто соединяется с оскорблением:

Желаю тебе, змея подколодная, народить удаву гадюк (С. Черчесов).

– Чтоб тебе сгнуть заживо, гад ползучий! (Ф. Ошевнев).

– Леон, чтоб ты сдох со своими бандитскими делами! Леон, видишь, что ты наделал... куда мне теперь... гад, ублюдок, предатель!!! (Д. Рубина).

Злопожелание допускает уточнения:

Я слышу, как неведомый «умелец» промахивается мимо неведомой мне цели, и от всей души желаю ему угодить себе по пальцу (О. Зайончковский).

Интересен случай самооценки в жанре злопожелания:

Лично меня очень волнует слово «посадыт», хотя я редко кому желаю зла (С. Есин).

Обычно злопожелание выражается в виде эмоциональной формулы «чтоб ты / вы / тебе ...»:

Разве такое на стенку вешается? Чтоб ты лопнула, проклятая!.. Огорченный контролер размахнулся и ударил ладонью по картине (А. Аверченко).

Тут она ещё больше кричать стала: «Чтоб ты провалился!» (С. Савицкая).

Чтоб вы сгорели! – мысленно ругался Николай, лихорадочно соображая, что сделать (Р. Амосов).

Такие высказывания функционируют только в сниженной разговорной речи.

Заключение

Речевой жанр «пожелание» представляет собой эмоционально-волевое коммуникативное событие, содержанием которого является высказанное желание об осуществлении чего-либо приятного либо неприятного в чьей-либо жизни. Грамматическим способом его прямого выражения выступает оптатив как особая разновидность наклонения, его речеактовая структура предполагает некоторое положение дел, вызывающее эмоциональную реакцию говорящего. В качестве этикетного речевого действия в ответ на благопожелание обычно произносят слова благодарности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб. : Азбука, 2000. С. 249–298.
2. Балашова Л. В., Дементьев В. В. Русские речевые жанры: монография. М. : Издательский дом ЯСК, 2022. 832 с.
3. Вежбицка А. Речевые жанры // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 99–111.
4. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М. : Знак, 2010. 600 с.
5. Дементьев В. В. Снова о «жанрах речи и языке речи»: что дала жанроведению лингвистика? // Жанры речи. 2022. Т. 17, № 1 (33). С. 6–20. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-1-33-6-20>, EDN: DNAMMT
6. Москвин В. П. К соотношению понятий «речевой жанр», «текст» и «речевой акт» // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ИЦ «Наука», 2005. Вып. 4. С. 63–76.
7. Седов К. Ф. Человек в жанровом пространстве повседневной коммуникации // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация / под общ. ред. К. Ф. Седова. М. : Лабиринт, 2007. С. 7–38.
8. Шевченко И. С. Концепт коммуникативного поведения и жанр // Жанры речи. 2015. № 1 (11). С. 23–29. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2015-1-11-23-29>
9. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация / под общ. ред. К. Ф. Седова. М. : Лабиринт, 2007. С. 81–89.
10. Байкулова А. Н., Малашенкова Е. Н. Изучение речевого жанра «пожелание»: обзор работ в современной лингвистике // Жанры речи. 2023. Т. 18, № 1 (37). С. 74–91. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-1-37-74-91>, EDN: GFLQDW
11. Бобырева Е. В., Курченкова Е. А. Речевые акты благословения в индийском английском языке // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 9 (142). С. 2011–2015.
12. Голованова Е. И. Особенности повседневной интернет-коммуникации в современных условиях (на материале поликодовых текстов, пересылаемых в мессенджерах) // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2022. № 2 (44). С. 142–149. <https://doi.org/10.47475/2070-0695-2022-10218>
13. Гусаренко М. К. Дискурсивные разновидности, перлокутивная прагматика и пропозициональные характеристики речевого акта пожелания в современном

русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2005. 22 с.

Частотными объектами благопожелания являются здоровье, счастье, благополучие, успех и удача. Благопожелание может сочетаться с упреждающей критикой, упреком и просьбой. Этот речевой жанр распадается на дискурсивно нейтральный и специфический типы (в речи военных, моряков, студентов), существуют этномаркированные благопожелания для людей старшего возраста и для особых ситуаций, в частности для свадьбы. Благопожелания, в прошлом используемые в качестве магических формул, в наши дни употребляются как бранные или шутивно-бранные высказывания. Благопожелание часто сочетается с оскорблением.

русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2005. 22 с.

14. Демешкина Т. А. Жанровое своеобразие высказываний-пожеланий // Коммуникативные аспекты слова в текстах разной жанрово-стилевой ориентации : межвуз. сб. науч. тр. Томск : Том. пед. ин-т, 1995. С. 45–59.
15. Зорина Л. Ю. Вологодские диалектные благопожелания в контексте традиционной народной культуры: монография. Вологда : ВГПУ, 2012. 215 с.
16. Коморова Д. Ф. Прагмалингвистические особенности пожелания в немецком и русском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2005. 23 с.
17. Мекеко Н. М. Сопоставительный анализ функционирования единиц речевого этикета тематической группы «пожелание» в английском и русском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. 32 с.
18. Мешкова О. В. Трудные и профессиональные благопожелания: особенности поэтики и современного бытования // Вестник Челяб. гос. ун-та. 2018. № 6 (416). С. 113–118.
19. Михайлова Н. Д. Калмыцкие народные благопожелания : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Элиста, 2013. 22 с.
20. Норман Б. Ю. Речевой акт пожелания под психолингвистическим углом зрения // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности : Труды Урал. психолингв. о-ва. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2015. Вып. 13. С. 235–248.
21. Плешакова В. В. Русские благопожелания: Опыт типологии и истории : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1997. 19 с.
22. Ранних Н. А. Речевой акт пожелания и способы его выражения в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1994. 20 с.
23. Сеидова Н. Р. Благопожелания и проклятия во французском дискурсе : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Баку, 2021. 56 с.
24. Тихонова А. В., Чибисова О. В. Благопожелания в России и Китае: лингвистическая точка зрения // Вестник Кемер. гос. ун-та. 2017. № 4. С. 211–218. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2017-4-211-218>
25. Топка Л. В. Ситуация «Пожелание»: классический и прототипический подходы к исследованию // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2013. № 4. С. 191–199.

26. Чжан Хао. Речевые акты «Поздравление» и «Пожелание» в русской речи : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2022. 20 с.

27. Березович Е. Л., Сурикова О. Д. К реконструкции лексического состава проклятий: категория актора и особенности ее реализации в текстах (на материале русских народных говоров) // Вопросы языкознания. 2018. № 3. С. 89–111. <https://doi.org/10.7868/S0373658X18030042>

28. Виноградова Л. Н. Семейные ценности традиционной культуры: аксиологический аспект изучения славянских проклятий // Славяноведение. 2012. № 6. С. 29–34.

29. Воробьева С. Н. Роль проклятий в библейской коммуникации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 266–271. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-3-266-271>, EDN: QXWOTA

30. Чесноков И. И. Дискурсивная тактика злопожелания: косвенные формы объективации // Русский язык и литература в поликультурном коммуникативном пространстве : материалы междунар. науч. конф. : в 2 ч. Ч. 2. Псков : Псковский гос. ун-т, 2012. С. 192–197.

31. Юша Ж. М. Магические формулы проклятий у тувинцев // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 4. С. 106–108.

32. Крюкова И. В. Речевой акт проклятия и лексико-грамматические средства его осуществления : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2011. 20 с.

REFERENCES

1. Bahtin M. M. The problem of speech genres. In: Bahtin M. M. *Avtor i geroy. K filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk* [Bakhtin M. M. Author and Hero. To Philosophical foundation of the Humanities]. St. Petersburg, Azbuka, 2000, pp. 249–298 (in Russian).

2. Balashova L. V., Demytyev V. V. *Russkie rechevye zhanry: monografiya* [Russian Speech Genres: A Monograph]. Moscow, Izdatel'skiy dom YASK, 2022. 832 p. (in Russian).

3. Wierzbicka A. Speech genres. *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* [Speech Genres: Coll. of sci. arts]. Saratov, GosUNTs "Kolledzh", 1997, iss. 1, pp. 99–111 (in Russian).

4. Demytyev V. V. *Teoriya rechevykh zhanrov* [A Theory of Speech Genres]. Moscow, Znak, 2010. 600 p. (in Russian).

5. Demytyev V. V. "Genres of Speech and Language of Speech" Revisited: What has Linguistics given to Genres Theory. *Speech Genres*, 2022, vol. 17, no. 1 (33), pp. 6–20 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-1-33-6-20>, EDN: DNAMMT

6. Moskvina V. P. To the Correlation of Notions "Speech Genre", "Text" and "Speech Act". *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* [Speech Genres: Coll. of sci. arts]. Saratov, ITS "Nauka", 2005, iss. 4, pp. 63–76 (in Russian).

7. Sedov K. F. Man in Genre Space of Everyday Communication. In: *Antologiya rechevykh zhanrov: povsednevnyaya kommunikatsiya. Pod obshch. red. K. F. Sedova* [Sedov K. F., ed. Anthology of Speech Genres: Everyday Communication]. Moscow, Labirint, 2007, pp. 7–38 (in Russian).

8. Shevchenko I. S. A Concept of Communicative Behaviour and Genre. *Speech Genres*. 2015, no. 1 (11),

pp. 23–29 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2015-1-11-23-29>

9. Shmeleva T. V. A Model of Speech Genre. In: *Antologiya rechevykh zhanrov: povsednevnyaya kommunikatsiya. Pod obshch. red. K. F. Sedova* [Sedov K. F., ed. Anthology of Speech Genres: Everyday Communication]. Moscow, Labirint, 2007, pp. 81–89 (in Russian).

10. Bajkulova A. N., Malashenkova E. N. A Study of the Speech Genre "Wishes": An Overview of Modern Linguistics Papers. *Speech Genres*, 2023, vol. 18, no. 1 (37), pp. 74–91 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-1-37-74-91>, EDN: GFLQDW

11. Bobyreva E. V., Kurchenkova E. A. Speech Acts of Benediction in Indian English. *Bulletin of Volgograd State Pedagogical University*, 2019, no. 9 (142), pp. 2011–2015 (in Russian).

12. Golovanova E. I. Specificity of Everyday Internet Communication in Modern Conditions (on the Material of Policode Texts Transmitted via Messengers). *Sign: A Problem Field of Media Education*, 2022, no. 2 (44), pp. 142–149 (in Russian). <https://doi.org/10.47475/2070-0695-2022-10218>

13. Gusarenko M. K. *Discursive Varieties, Perlocutive Pragmatics and Propositional Characteristics of the Speech Act "Wishes" in the Modern Russian Language*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Stavropol', 2005. 22 p. (in Russian).

14. Demeshkina T. A. Genre Peculiarity of the Utterance of Wishes. In: *Kommunikativnye aspekty slova v tekstakh raznoj zhanrovo-stilevoj orientatsii: mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Communicative Aspects of Word in the Texts of Genre and Style Orientation: Internuniv. coll. of sci. papers]. Tomsk, Tomsk Pedagogical Institute Publ., 1995, pp. 45–59 (in Russian).

15. Zorina L. Yu. *Vologodskie dialektnye blagopozhelaniya v kontekste traditsionnoj narodnoj kul'tury: monografiya* [Vologda Dialect Good Wishes in the Context of Traditional Folk Culture: A Monograph]. Vologda, Vologda State Pedagogical University Publ., 2012. 215 p. (in Russian).

16. Komorova D. F. *Pragmatic Linguistic Peculiarities of Wishes in German and Russian*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Tomsk, 2005. 23 p. (in Russian).

17. Mekeko N. M. *A Comparative Analysis of Speech Etiquette Units Functioning in the Topical Group of "Wishes" in English and Russian*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Moscow, 2001. 32 p. (in Russian).

18. Meshkova O. V. Good Wishes in Work and Profession: Specificity in Poetics of Modern Existence. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2018, no. 6 (416), pp. 113–118 (in Russian).

19. Mikhajlova N. D. *Kalmyk Folklore Good Wishes*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Elista, 2013. 22 p. (in Russian).

20. Norman B. Yu. Speech Act of Goods Wishes from a Psycholinguistic Point of View. *Psycholinguistic Aspects of the Study of Speech Activity: Proceedings of the Ural Psycholinguistic Society*. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2015, iss. 13, pp. 235–248 (in Russian).

21. Pleshakova V. V. *Russian Good Wishes: A Study of Typology and History*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Moscow, 1997. 19 p. (in Russian).

22. Rannih N. A. *A Speech Act of Good Wishes and Ways of its Expression in the Russian Language*. Thesis

Diss. Cand. Sci. (Philol.). Moscow, 1994. 20 p. (in Russian).

23. Seidova N. R. *Good Wishes and Curses in the French Discourse*. Thesis Diss. Dr. Sci. (Philol.). Baku, 2021. 56 p. (in Russian).

24. Tikhonova A. V., Chibisova O. V. Good Wishes in Russia and China: A Linguistic Point of View. *Bulletin of Kemerovo State University*, 2017, no. 4, pp. 211–218 (in Russian). <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2017-4-211-218>

25. Topka L. V. A Situation “Good Wishes”: Classical and Prototype Approaches to Study. *Bulletin of Pushkin Leningrad State University*, 2013, no. 4, pp. 191–199 (in Russian).

26. Zhang Hao. *Speech Acts “Greeting” and “Good Wishes” in the Russian Speech*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Moscow, 2022. 20 p. (in Russian).

27. Berezovich E. L., Surikova O. D. To the Reconstruction of Lexical Composition of Curses: A Category of Actor and Specificity of its Realization in Texts (On the Material of the Russian Folk Dialects). *Bulletin of Linguis-*

tics, 2018, no. 3, pp. 89–111 (in Russian). <https://doi.org/10.7868/S0373658X18030042>

28. Vinogradova L. N. Family Values of Traditional Culture: Axiological Aspects of the Study of Slavic Curses. *Slavic Studies*, 2012, no. 6, pp. 29–34 (in Russian).

29. Vorob'eva S. N. The Role of Curses in Biblical Communication. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 266–271 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-3-266-271>, EDN: QXWOTA

30. Chesnokov I. I. Discursive Tactics of Bad Wishes: Indirect Forms of Objectivation. In: *The Russian Language and Literature in Multicultural Communicative Space: Materials of the International Scientific Conference: in 2 parts. Part 2*. Pskov, Pskov State University Publ., 2012, pp. 192–197 (in Russian).

31. Yusha Zh. M. Magic Formulae of Curses in Tuva. *The Humanities in Siberia*, 2007, no. 4, pp. 106–108 (in Russian).

32. Kryukova I. V. *A Speech Act of Curses and Lexical and Grammatical Means of its Realization*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Stavropol', 2011. 20 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 02.10.2023; одобрена после рецензирования 25.10.2023; принята к публикации 16.11.2023

The article was submitted 02.10.2023; approved after reviewing 25.10.2023; accepted for publication 16.11.2023

Жанры речи. 2024. Т. 19, № 3 (43). С. 233–236

Speech Genres, 2024, vol. 19, no. 3 (43), pp. 233–236

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-3-43-233-236>, EDN: FTNUCE

Научная статья

УДК 811.521'38

Жанр сезонных приветствий в японской культуре

В. М. Алпатов

Институт языкознания РАН, Россия, 125009, г. Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1

Алпатов Владимир Михайлович, доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник, заведующий центром социолингвистики, v-alpatov@ivran.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4323-2832>

Аннотация. В Японии даже сейчас распространен жанр сезонных приветствий, не имеющий аналогов в России или Европе. Такие жанры могут иметь лексическую специфику, нередко их единицы относятся к безэквивалентной лексике. Такие слова без потери или добавления информации нельзя перевести на другой язык одним словом или фразеологизмом, а «описательный» перевод может быть крайне неудобным и неэкономным, не подходящим стилистически, и какие-то компоненты значения могут потеряться или, наоборот, добавиться.

Пишутся по определенному шаблону и посылаются открытки с выражением чувств в связи с началом того или иного из 24 сезонов года. Они могут быть радостными или сочувственными в зависимости от погоды, типичной для данного сезона. Жанр, по-видимому, соотносится с особенностями японской картины мира. На основе несложного анализа лексики очевидно, что носители японского языка постоянно связаны с морем, морским климатом, морским промыслом, а скотоводство там не слишком распространено. Особое внимание к естественным процессам от погоды до нечленораздельных звуков часто свойственно японскому языку. Помимо выражения чувств в связи с сезонами особое значение у него имеют звукоподражания и образоподражания, такая лексика может появиться в самых разных жанрах.

Ключевые слова: время года, погода, японцы, открытка, радость, сочувствие, звукоподражание

Для цитирования: Алпатов В. М. Жанр сезонных приветствий в японской культуре // *Жанры речи*. 2024. Т. 19, № 3 (43). С. 233–236. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-3-43-233-236>, EDN: FTNUCE

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Genre of seasonal greetings in Japanese culture

V. M. Alpatov

Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences, 1 bld. 1 Bolshoy Kislovsky Lane, Moscow 125009, Russia

Vladimir M. Alpatov, v-alpatov@ivran.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4323-2832>

Abstract. In Japan, even now, the genre of seasonal greetings is widespread, which has no analogues in Russia or Europe. Such genres may have lexical specificity; often their units belong to non-equivalent vocabulary. Such words cannot be translated into another language with one word or phraseological unit without losing or adding information, and a “descriptive” translation can be extremely inconvenient and wasteful, not stylistically appropriate, and some components of meaning may be lost or, conversely, added.

Postcards are written according to a certain template and sent expressing feelings in connection with the beginning of one or another of the 24 seasons of the year. They can be joyful or sympathetic depending on the weather typical for the season. The genre, apparently, correlates with the peculiarities of the Japanese picture of the world. Based on a simple analysis of vocabulary, it is obvious that Japanese speakers are constantly associated with the sea, maritime climate, marine fishing; as for cattle breeding it is not very common there. Particular attention to natural processes from weather to inarticulate sounds is often characteristic of

the Japanese language. In addition to expressing feelings in connection with the seasons, onomatopoeia and imagery are of particular importance to it; such vocabulary can appear in a variety of genres.

Keywords: season, weather, Japanese, post-card, joy, sympathy, onomatopoeia

For citation: Alpatov V. M. Genre of seasonal greetings in Japanese culture. *Speech Genres*, 2024, vol. 19, no. 3 (43), pp. 233–236 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-3-43-233-236>, EDN: FTNUCE

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Каких-либо попыток каталогизировать всё множество речевых жанров, встречающихся в языках мира, пока что нет, и вряд ли можно ожидать их скорого появления. Тем не менее, можно выделять и жанры, которые отсутствуют в привычных нам языкам и не предусматриваются в обычной генрике. Они, как правило, тесно связаны с культурными особенностями.

Такие жанры могут иметь лексическую специфику, нередко их единицы относятся к безэквивалентной лексике. Такие слова без потери или добавления информации нельзя перевести на другой язык одним словом или фразеологизмом, а «описательный» перевод может быть крайне неудобным и незаконным, не подходящим стилистически, и какие-то компоненты значения могут потеряться или, наоборот, добавиться.

Разберем специфический жанр в японском языке, связанный с особой лексикой. Год у японцев традиционно разделен не только на весну, лето, осень и зиму, но и на 24 сезона в связи с типичной погодой в соответствующие числа календаря. Например, период с 6 по 19 января именуется *shookan* 'сезон вторых по суровости холодов', период с 20 января по 3 февраля – *daikan* 'сезон самых суровых холодов', период с 6 по 20 мая – *rikka* 'начало лета'. В русском языке (как и в западных языках) таких сезонных слов нет. Описательно, конечно, их переводить можно, но *вторые по суровости холода* у нас скорее ассоциируются не с периодом с 6 по 19 января, с реальной погодой в разные зимы и дни. В Японии тоже, конечно, раз на раз не приходится, но чередования сезонов достаточно устойчивы. И в Японии *shookan* независимо от реальной погоды – период с 6 по 19 января, не имеющий в других языках эквивалента для обозначения. Переводить *Сочувствую Вам в связи с наступлением 6 января* непонятно русскому читателю и вряд ли допустимо. Перевод же *Сочувствую Вам в связи с началом вторых по суровости холодов*, помимо громоздкости, будет понят как сочувствие при наступлении реальных холодов, что не всегда верно. А вот ещё группа слов того же семантического поля: *harukaze* 'весенний ветер',

kogarashi 'холодный влажный зимний ветер', *hanakaze* 'весенний (буквально: цветочный) ветер', *nowaki* 'холодный осенний ветер'. Все эти лексические единицы – не синонимы. Причина данной языковой особенности понятна. Большая часть густонаселённых районов Японии обращена к океану, и роль ветра в жизни, безусловно, велика. Как различия в их значении передать по-русски?

В Японии есть давняя традиция писать и отправлять радостные открытки к наступлению сезона, если данный сезон ассоциируется с хорошей погодой, и открытки сочувствия, например, в сезон самого большого холода. В Японии издавна существует и достаточно распространён особый эпистолярный жанр: сезонные приветствия [1]. Традиционно принято обмениваться текстами, в современном обществе – письмами (*mimaijoo*) по поводу наступления того или иного сезона. Если сезон стандартно связывается с плохой погодой, то в письме принято указывать сочувствие (*mimai*). Существуют специальные термины, например, *kanchuu-mimai* 'письмо сочувствия в связи с наступлением сезона холодов'. При этом вовсе не обязательно по суровости холода должны в данном году начаться именно 6 января: это стандартный день их наступления. Жанр сезонного приветствия стандартизован и строится по определенному плану, для него характерна архаичная лексика, в том числе слова и целые цитаты, взятые из камбуна – японизированного варианта старописьменного китайского языка, бывшего до XIX в. наиболее престижным языковым образованием в Японии. Штампы и цитаты из камбуна – некоторый аналог штампов и цитат из старославянского языка в современном русском языке. В целом сезонные приветствия такого рода представляют собой специфический элемент традиционной японской письменной культуры, не имеющий прямых аналогов в европейской или русской культуре. Вполне можно говорить об особом речевом жанре.

Разумеется, сезонные приветствия в широком смысле распространены и у нас, играя культурную роль, однако это приветствия в связи с годовщинами прошлых событий, происходивших в человеческом обществе:

день рождения и др. Пожалуй, некоторую аналогию имеет лишь Новый год – годовщина природного события, но и он имеет социальные коннотации. В Японии же ежегодные природные события закреплены в ритуале, который сохранился до сих пор. При этом большинство японцев живут на тихоокеанском побережье в субтропической зоне, со значительными, но не имеющими большого календарного разброса изменениями погоды. Поэтому ритуал вполне допускает приписать определенным календарным периодам типичную для данного времени года погоду. И в отличие, например от стандартных и для Японии новогодних приветствий, делается акцент на сочувствии из-за погоды, которую собеседники вынуждены пережить.

В какой-то степени данный жанр связан со свойственным даже современным японцам вниманием ко всему имеющему природное происхождение. В японском языке, например, столь значительно и бросается в глаза развитие звукоподражательной и образоподражательной лексики. Наш выдающийся лингвист, в том числе японист, А. А. Холодович отмечал, что в японских военных документах 1930-х гг. употреблялись звукоподражательные слова для обозначения воздействия газов и звука разрыва разных видов снарядов [2: 106]. В книге этого ученого показано, что в те времена жанр военных документов имел значительные особенности, тем не менее, данная лексика могла появляться даже там. Есть ли соответствующие слова по-русски? Очевидно, нет. Слова вроде *бах*, *бух*, *трах* – не эквиваленты. Во-первых, они имеют окраску, не позволяющую употреблять их в официальных и специальных текстах, во-вторых, главное, они не имеют строгих соответствий тем или иным звукам. То же и с воздействием газов, только это уже не звукоподражания, а так называемые образоподражания, передающие некоторые ментальные ощущения и впечатления. Примеры слов первого типа: *goso-goso* ‘шелест, шуршание, производимые твердыми, но легкими предметами при соприкосновении’, примеры слов второго типа – *pika-pika* ‘ощущение от сверкания молнии или блеска предмета’, *fusa-fusa* ‘ощущение от пушистой шерсти’, *bari-bari* ‘ощущение энергичной работы’. Такая лексика в полном смысле слова безэквивалентна.

Иногда точные денотативные соответствия есть, но стилистическая окраска другая. Однажды японец-переводчик сказал мне, что он установил, как будет по-русски называться широко в его стране известное морское животное: это *сепия*. А я этого сло-

ва не знал. Посмотрел в словаре, оказалось, что это животное (головоногий моллюск) – то же самое, что *каракатица*. Но если *сепия* – ученое слово с далекой периферии языка, то более известная *каракатица* – слово, ощущаемое как относящееся к сниженной лексике (правда, в третьем издании БСЭ *каракатица* дана полноценной статьей, а *сепия* – отсылочное слово). И какое слово можно считать нейтральным обозначением данного животного? Как будто его нет. Вероятно, дело в том, что в Японии мясо каракатицы нетрудно купить в магазине, а в Москве я его в продаже не видел. Вообще, лексика, связанная с морскими и речными животными в японском языке гораздо более дифференцирована, чем в русском. По-русски и рыба, которая плавает, и рыба как блюдо, и морская рыба, и речная рыба – всё имеет разные обозначения. Несколько видов креветок по-разному обозначаются. В подобных случаях богатство японской лексики легко объяснимо внеязыковыми причинами. Но опять вопрос: как переводить?

До сих пор я рассматривал чисто лексические примеры. Но могут быть случаи, связанные с другими сферами языка. Я столкнулся с этим ровно полвека назад, когда несколько месяцев был переводчиком на советской космической выставке в городе Симидзу. Надо было переводить на японский специальные тексты о космосе, которые художник должен был написать на стендах, и титры к кинофильмам. Я первый раз был в стране и слишком мало знал о ней, в том числе и в языковом отношении. Постоянно оказывалось, что переводный эквивалент вроде бы подобрать и можно, но все мои варианты браковались переводчиками с японской стороны из-за моего незнания сочетаемости тех или иных единиц. На одном из стендов речь должна была идти о советской научной станции в Антарктиде, которая называлась Дружная. Мне разъясняли, что наименование объекта не может быть выражено прилагательным и настаивали на переводе с помощью японского слова со значением *дружба*. Но для русского человека *дружный* и *дружба* не синонимы, и, в конце концов, пришлось название затранскрибировать. В русском языке превратить в наименование объекта можно чуть ли не любое слово, но в японском, видимо, не так. Прилагательное в японском языке – предикатное слово, по свойствам близкое к глаголу, но по-русски и глаголы могут становиться названиями чего-нибудь: *Не рыдай* и пр. А в японском есть какие-то глубинные запреты на то, чтобы называть поселение людей словом предикатной части речи?

Другой случай. Один из показывавшихся на выставке фильмов назывался «Здравствуй, лунный камень!» (в экспозиции был представлен образец лунного грунта). Но японские коллеги не знали, как можно здороваться с неодушевленным предметом, и адекватно перевести фразу ни мне, ни им не удалось. И совсем все стало в тупик, когда на банкете советский рабочий-макетчик провозгласил тост за *его величество рабочий класс*.

Итак, при любом переводе проблема поисков переводного эквивалента – сложнейшая задача. А причины несовпадений иногда лежат на поверхности. На основе несложного анализа лексики очевидно, что носители японского языка постоянно связаны с морем, морским климатом, морским промыслом, а скотоводство там не слишком распространено. Но многое понять сложнее, например, широкое распространение и часто жанровую нейтральность ономастических терминов в японском языке. По-видимому, это связано с различиями картин мира [3]. Лингвисты сейчас стали активно заниматься такими про-

блемами, но строгого метода здесь пока что наука не имеет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бессонова Е. Ю. Клише в эпистолярном стиле японского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 20 с.
2. Холодович А. А. Синтаксис японского военного языка (Язык военной документации). М. : Издательство иностранных рабочих в СССР, 1937. 246 с.
3. Haga Yasushi. *Nihonjin gengo bunka ron koogi* (nihonjinrashisa) no koozo. Tokyo : Taishukan-shooten, 2004. 267 p.

REFERENCES

1. Bessonova E. Yu. *Clichés in the epistolary style of the Japanese language*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Moscow, 2003. 20 p. (in Russian).
2. Kholodovich A. A. *Sintaksis yaponskogo voyennogo yazyka (Yazyk voyennoy dokumentatsii)* [Syntax of the Japanese military language (Language of military documentation)]. Moscow, Izdatel'stvo inostrannykh rabochikh v SSSR, 1937. 246 p. (in Russian).
3. Haga Yasushi. *Nihonjin gengo bunka ron koogi (nihonjinrashisa) no koozo* [Japanese language and culture theory Koozo (Japaneseness)]. Tokyo, Taishukan-shooten, 2004. 267 p. (in Japanese).

Поступила в редакцию 14.10.2023; одобрена после рецензирования 23.10.2023; принята к публикации 16.11.2023
The article was submitted 14.10.2023; approved after reviewing 23.10.2023; accepted for publication 16.11.2023

Жанры речи. 2024. Т. 19, № 3 (43). С. 237–246

Speech Genres, 2024, vol. 19, no. 3 (43), pp. 237–246

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-3-43-237-246>, EDN: JDTWPN

Научная статья

УДК 811.161.1'37'38

Когнитивно-операциональный и речеганровый универсализм оксюморона

М. М. Халиков

Самарский государственный университет путей сообщения, Россия, 443063, г. Самара,
ул. Свободы д. 2В

Халиков Магомед Магомедович, доктор филологических наук, профессор, заведующий
кафедрой лингвистики, magomed_samara@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1306-632X>

Аннотация. Предпринята попытка экспликации стилистической фигуры оксюморона как явления, представляющего собой репрезентацию в сфере языка специфического свойства человеческого сознания и структурируемой им картины мира – презумпции единичности природы противоположностей и возможности, на этой основе, их дискурсивной актуализации в формулах семантического синтеза. Показано, что контактное расположение кореферентных антонимов в единой синтагматической конструкции недостаточно для образования оксюморона (черно-белое кино). Эта фигура речи возникает как результат присутствия субъекта речи и его оценочно-характеризующей интенции в семантическом пространстве текста (грустно-веселые глаза). Оценка индивидуализирует модус рецепции и формирующуюся при этом картину мира. Таким образом, оксюморон выступает как способ организации когнитивной модели внеязыковой действительности, как индивидуальный опыт восприятия и семантизации предметов и явлений. На репрезентативном коммуникативно-речевом материале демонстрируется универсальный характер применения и актуализации оксюморона во всем спектре основных социально-релевантных типов дискурса. Важно отметить, что каждая речеганровая область отличается спецификой в трактовке текстообразующего и прагматического потенциала оксюморона. В поэзии она может выступать в качестве структурно-композиционной модели целого произведения, тотальным образом определяя возможность появления и функциональность всех других элементов текста. В официально-деловом дискурсе оксюморон присутствует имплицитно, как неартикулированная и принципиально отвергаемая прагматическая антитеза технике текстопостроения, фокусированной на исключительной и единственной релевантности денотативной семантики для организации сообщения. Конструктивно значимая роль оксюморона в процессах рецепции и вербальной репрезентации мира представляется доказанной.

Ключевые слова: онтология противоположностей, рецепция мира, антонимия, оксюморон, разговорная речь, художественная проза, философский дискурс, научная речь, публицистика, религиозный дискурс, официально-деловая речь

Для цитирования: Халиков М. М. Когнитивно-операциональный и речеганровый универсализм оксюморона // *Жанры речи*. 2024. Т. 19, № 3 (43). С. 237–246. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-3-43-237-246>, EDN: JDTWPN

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Cognitive-operational and speech-genre universalism of the oxymoron

M. M. Khalikov

Samara State Transport University, 2B Svobody St., Samara 443063, Russia

Magomed M. Khalikov, magomed_samara@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1306-632X>

Abstract. The article attempts to explicate the stylistic figure of the oxymoron as a phenomenon that shows the representation in the sphere of language of a specific property of human consciousness and the picture of the world structured by it – the presumption of the unsubstantial nature of opposites and the possibility, on this basis, of their discursive actualization in the formulas of semantic synthesis. It is shown that the contact arrangement of coreferent antonyms in a single syntagmatic construction is not enough to form an oxymoron (black-and-white movie). This figure of speech arises as a result of the presence of the subject of speech

and their evaluative-characterizing intention in the semantic space of the text (sad-happy eyes). Evaluation individualizes the mode of reception and the resulting picture of the world. Thus, the oxymoron comes into play as a way of organizing the cognitive model of non-linguistic reality, as an individual experience of perceiving and semantizing objects and phenomena. On the basis of representative communicative and speech material, the author demonstrates the universal nature of the application and actualization of the oxymoron in the entire range of the main socially relevant types of discourse. It is important to note that each speech-genre area differs in its specificity in the interpretation of the text-forming and pragmatic potential of the oxymoron. In poetry, it can act as a structural-compositional model of the whole work, totally determining the possibility of the appearance and functionality of all other elements of the text. In official business discourse, the oxymoron is present implicitly, as an unarticulated and fundamentally rejected pragmatic antithesis to the technique of textual construction, focused on the exclusive and only relevance of denotative semantics for the organization of the message. The author believes that the constructively significant role of the oxymoron in the processes of reception and verbal representation of the world is proven.

Keywords: ontology of contrary, perception of the world, antonymy, oxymoron, colloquial speech, fiction prose, philosophical discourse, scientific speech, journalism, religious discourse, official-and-business speech

For citation: Khalikov M. M. Cognitive-operational and speech-genre universalism of the oxymoron. *Speech Genres*, 2024, vol. 19, no. 3 (43), pp. 237–246 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-3-43-237-246>, EDN: JDTWPN

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В многообразии языковых явлений оксюморон выделяется не только как неординарная по интенсивности восприятия словесно-знаковая композиция, демонстрирующая возможности синтетического, трансграничного применения слова с целью максимально полной, эффективной и эффективной реализации его семантических и прагматических ресурсов, но и как коммуникативное событие, уникальным образом актуализирующее лингвистические аспекты духовно-интеллектуально-эмоциональной жизни человека и связи лингвистики с другими гуманитарными отраслями знаний – поэтикой, когнитологией, психологией, философией.

По проблематике оксюморона существует огромная литература, почти полностью она касается исключительности лингвистической феноменологии этой фигуры речи; важным достижением исследований в этой области является то, что собран значительный по объему материал, ярко иллюстрирующий прагматико-стилистические эффекты появления оксюморона в текстах художественных (по преимуществу – поэтических) произведений. Из новейших публикаций на эту тему заслуживают внимания прежде всего [1] и [2], в них раскрываются нетривиальные аспекты проблематики оксюморона. В монографии Э. Г. Шестаковой, например, представляет ценность развернутый обзор научной литературы по данной теме и богато иллюстрированный раздел о взаимодействии оксюморона с другими приемами художественной экспрессии, построенными на нарушении семантического баланса внутри художественного

микрконтекста, – фигурами парадокса, нон-сенса, абсурда, иронии и др. В статье В. И. Карасика несомненный научный интерес представляет описание семантических и прагматических разновидностей оксюморона, проведенное с использованием разноплановых текстовых данных. Общим инновационно-содержательным моментом этих работ является высказанная в них идея о необходимости изучения оксюморона в общекультурологическом контексте, в аспекте общей проблематики деятельности человеческого сознания и разнообразия социально-типизированных коммуникативных практик. Знакомство с указанными работами явилось инспирирующим толчком к завершению данной публикации, которая готовилась давно и проблемно-тематически восходит к исследованиям автора 80-х годов прошлого века.

Художественно-текстовая (поэтическая) субстанциональность оксюморона подобна вершине пирамиды, в которой наиболее зримо и в полноте своей сформированности проявляется когнитивный образ предмета. Внимание к наиболее зрелищному, дистинктивно-релевантному аспекту явления вполне закономерно, но значительный интерес представляет также рассмотрение объекта с точки зрения его природно-генетических оснований и неброской укорененности в общей систематике явлений. В приложении к исследуемому феномену – оксюморону – такая исследовательская установка предполагает необходимость его рассмотрения не в узких рамках проблематики поэтической экспрессии, а в более широком плане – как явления, глубоко укорененного в общей структуре феноменологии человеческого сознания.

Когнитивно-операциональный универсализм оксюморона

Познание мира – важнейший аспект духовно-интеллектуальной деятельности человека; наиболее полно, последовательно и системно он реализуется в науке, усилиями которой формируется рационально-логическая картина реальной действительности. Но значительная часть познавательной деятельности осуществляется вне сферы науки, в других формах общественного сознания – в бытовых когнитивных практиках, искусстве, философии, религии. Есть и инструментально-модусный аспект процесса познания, он осуществляется не только средствами эксплицитной научной терминологии, в строгих рамках рационально-логических построений, но и с участием эмоционально-чувственной сферы, интуиции, неартикулируемой рефлексии. Значительная часть информации и знаний остается на уровне подсознания, в виде неотрефлексированных имплицитных формаций сознания. Неструктурированность смыслов, невозможность их экспликации в четких словесных высказываниях формирует особую атмосферу и интенциональность сознания, а также сигнализирует о бесконечности процессов понимания и познания. Оксюморон – это операция со смыслами, способ организации когнитивных структур, семантическая сложность которых коррелирует с объективной сложностью и противоречивой сущностью явлений.

Примечательной характеристикой оксюморона является его способность резко усиливать эффект присутствия автора в текстовом сообщении. Лингвистически это проявляется в своеобразии словесного материала, используемого в целях создания этого приема – почти исключительно это лексика, относящаяся к референтной области абстрактных сущностей, способная отображать сферу эмоционально-оценочных рефлексий, которые по природе своей предполагают необходимость дистанцирования от эмпирически-наглядной вещественной субстанциональности объекта восприятия. Сравним два однотипных по синтаксическому рисунку и лексическому составу примера: *черно-белое кино* и *грустно-веселые глаза*. В обоих случаях используются классически-бесспорные антонимы и реализуется одна и та же синтагматическая формула, но эффект семантического противоречия, составляющий сущность оксюморонного синтеза, возникает только во втором примере. Причина уже названа: в оксюмороне репрезентирована интеллектуально-аналитическая интенция говорящего, его желание к оглашению сугубо личностного характеризующего отношения

к предмету изображения. Именно по этой интенциональности оксюморон тяготеет к поэтическому дискурсу, где, как известно, субъектность автора, его психо-эмоциональная и интеллектуальная индивидуальность проявляется наиболее рельефно и плодотворно.

Из сказанного выше вытекает, что оксюморон представляет собой особый взгляд на мир, особый аспект восприятия и репрезентации предметов, событий и состояний, актуализованных в рецептивном пространстве говорящего. Знаковая функция слова значительно усложняется и усиливается в оксюмороне: объекты и явления окружающей действительности репрезентированы здесь в двояком модусе – в аспекте их реального бытования во внешнем предметном мире и с точки зрения их релевантности для организации внутреннего субъективного мира говорящего. В этой констелляции обращает на себя внимание примечательный факт: с точки зрения коммуникативно-информационной значимости текста субъективно-оценочный аспект номинативно-сигнификативной функциональности оксюморона явным образом доминирует над предметно-референтным. Это вполне закономерно: в коммуникативной практике более значимым признается элемент текста, содержащий новую информацию. В оксюмороне таким элементом является именно субъективно-индивидуализированный, нетривиальный в силу самой эксцентрики словесной конструкции, взгляд на вещи – в гораздо большей степени, чем констатация факта наличия предмета в обозримом пространстве мысли.

Речевые акты и тексты возникают в информационно-коммуникативном пространстве как феномены адресной функциональности – они предназначены для восприятия другим(и). Полнота восприятия варьируется в широких пределах и зависит от многих факторов, к числу которых относится и модус когнитивно-семантического и словесно-текстового оформления сообщения. «Более эффективно усваивается, онтологизируется не полностью эксплицитное знание, а такое знание, над которым когнитивной системе приходится работать, прилагать определенные усилия, тратить ресурсы» [3: 175–176]. Сказанное наилучшим образом характеризует прагматический и когнитивно-операциональный функционал оксюморона. С одной стороны, он выступает как элемент метакоммуникативного регулирования, деавтоматизирует процесс чтения текста, а с другой – создает в месте своего появления эффект существенного прироста семантической субстанции, которая требует анализа и поиска возможных путей ее включения в широкий тезаурусный

контекст адресата. Второй названный здесь аспект означает, что оксюморон выступает не только как способ организации словесно-текстового пространства, но и как особая техника генерирования и репрезентации знаний, как операциональный аспект когнитивно-информационной деятельности.

Речезанровый универсализм оксюморона

Многие авторы считают оксюморон исключительно или преимущественно поэтическим явлением. Например, в словаре литературоведческих терминов он определяется как художественный троп, «встречающийся, как правило, в поэтических произведениях» [4: 252]. Есть основания полагать, что эта фигура речи относится к общеязыковым феноменам, явлениям, которые непосредственно вытекают из природы языка, его предназначения и особенностей социально-дискурсивного бытования. Важнейший аргумент в пользу тезиса об укорененности этого явления в природно-естественной онтологии языка и неправомерности его трактовки исключительно в аспекте категориальной специфики отдельно взятой области языкового функционирования – этимологическая семантика самого греческого термина (*oxus* «острый», *tóros* «глупый»), незатейливо-просторечная коннотация которой трудно ассоциируется с элитарно-возвышенным позиционированием поэзии в античной культуре и скорее относится к области повседневного бытового употребления языка. Также следует иметь в виду, что поэзия не является замкнутой на собственной феноменологии системой коммуникации, она субстанционально и дискурсивно связана с иными формами бытования языка – прежде всего, с разговорно-речевой практикой. В ней кристаллизуется весь коммуникативный опыт языка, все наиболее выразительное и эстетически значимое в нем. Экспрессия и стилистическая фигуративность поэзии – продукт целенаправленной селективной работы с материалом обыденного языка.

Все прочие дискурсивно-жанровые типы коммуникативной практики субстанционально производны от разговорной речи и представляют собой результат ее культивирования в соответствии с требованиями и социальными нормами общения в каждой из сфер, которую они обслуживают.

Разговорная речь

Разговорная речь – исторически первичная дискурсивная разновидность языка, в той или иной степени повлиявшая и продолжающая влиять на субстанцию и тональность

иных функциональных типов речи. Номенклатурная и качественная специфика различных дискурсивно-стилевых систем языка, выделяемых современной наукой, представляет собой результат стихийно-целенаправленной работы коммуникативно-языкового сознания в двух направлениях – по формированию фонда средств номинации и по выработке особой прагматики употребления языка в каждой из социально-дифференцированных областей его функционирования. В становлении функционально-дискурсивных (речезанровых) разновидностей языка заметно участие разговорной речи – либо в качестве донора вербальной субстанции (которая обрабатывается в соответствии с потребностями отраслевой коммуникации) и модуса ее применения, либо как модели употребления языка, от которой следует дистанцироваться.

Известно, что номинативные композиции с антонимичными компонентами – не редкость в обиходной речи: *ужасно красивый / хорошо / обрадовался, умный дурак, грустная улыбка, дела – как сажа бела, взрослый ребенок, взрослая девочка, сухое молоко, белая ворона, родные помойки*. При более широком рассмотрении эмпирического ландшафта языка-речи нельзя не отметить, что прием семантического противоречия, экспрессивная образность на основе алогизма и абсурда – явления обычные в бытовой разговорной практике (*сапоги всмятку*) и в фольклоре (*Когда рак на горе свистнет; Ехала деревня мимо мужика*). В этом плане язык выступает как непосредственное отображение реалий жизни: в окружающем нас мире также много нелепого и абсурдного. Гармония и противоречие в равной степени участвуют в структурировании мира и сознания человека, сама возможность их качественного различия обусловлена общностью онтологии. Нормоцентризм в той же мере формирует субстанциональность языка, в какой это делает стихия спонтанной народно-разговорной речи. Сложная диалектика социального бытования языка определяется этими двумя противоположно-направленными стратегиями, ср.: «...подлинная речь и письмо полностью противоречат всему, чему учит словарь и грамматика... суть речи как раз и заключается в постоянном нарушении грамматических правил и словарных норм» [5: 670]. Антонимические композиции оксюморонного типа вполне органично вписываются в общую картину диалектически-противоречивой сущности языка, в частности, они красочно орнаментируют фактуру разговорно-бытового функционального дискурса.

Примечательно, что в бытовом сознании и речевом употреблении существуют когнитивно-семантические модели оксюморона, которые регулярно появляются в коммуникативных практиках и варьируют при этом способы своего лексико-синтаксического воплощения. К таким константным явлениям семантики и вербальной текстуры разговорной речи можно отнести концептные композиции [ГРУСТНОЕ ВЕСЕЛЬЕ], [ГЛУПАЯ УЧЕНОСТЬ], [ВЕЖЛИВОЕ ХАМСТВО]. Они отражают насущные аспекты бытовой коммуникации и демонстрируют богатое разнообразие приемов словесно-текстового оформления.

Художественная проза

Вторая область естественно-репрезентативного присутствия оксюморона – реалистичная художественная проза, которая в значительной степени выступает как сбалансированная в отношении нормоцентризма и нормодистанцирования модель языкового употребления в обиходно-разговорной сфере. Блистательные образцы оксюморона, дискурсивно идентифицируемые как литературно-разговорные феномены языка и при этом ярко характеризующие идиостилевую системность / асистемность творчества писателя, можно найти у Ф. М. Достоевского. Рекуррентным, конструктивно-значимым и смысло-расширяющим элементом многих его произведений является семантическая формула *любовь-ненависть*. Она редко встречается именно в таком контактном лексическом оформлении (как сложное слово), которое, возможно, является калькой с немецкого узусального композита *Hassliebe* (писатель с детства хорошо знал немецкий язык и литературу, жил в Германии подолгу). Более характерно для нее синтаксически расчлененное и варьирующееся от текста к тексту речевое воплощение, приведем несколько примеров: «*Влюбиться можно и ненавидя*», «...За многое мы друг друга ненавидели, Катя, но клянусь, клянусь, я тебя и *ненавидя любил*, а ты меня нет» («Братья Карамазовы»); здесь и далее курсив в цитируемом материале мой. – М. Х.); «...Из-под беспре-рывной к вам *ненависти*, искренней и самой полной, каждое мгновение сверкает *любовь* и... безумие... самая искренняя и безмерная любовь и – безумие...» («Бесы»). Важное место в картине мира и художественно-смысловом пространстве писателя занимает мотив синкретичного бытования любви и ненависти, мысль о невозможности их разграничения: «...Неужели до такой страсти ее любит? или до такой страсти ее ненавидит?» («Подросток»); «...любил он эту женщину или ненавидел?» («Идиот»). Прототи-

пически такие текстовые структуры восходят к исследуемой фигуре речи, но интеррогативная интенциональность обоих фрагментов исключает возможность их оформления в виде эксплицитной формулы оксюморона. Когнитивная модель оксюморона *любовь-ненависть* нередко реализуется у Достоевского путем замещения одного из антонимических компонентов лексической единицей, входящей – по метонимической формуле – в ассоциативно-семантическое поле замещаемого концепта: «...со *злости любил*, эта любовь самая сильная» («Вечный муж»); «...тебя сквозь *отвращение* они *любят*» («Подросток»).

Вне всякого сомнения, мировоззренческую и нарративно-речевую модель оксюморона можно считать одной из стилеобразующих примет творческого метода мыслителя и писателя Ф. М. Достоевского. Об этом свидетельствует и частотность появления подобного рода конструкций на страницах его произведений, и структурно-типологическое, семантико-стилистическое их разнообразие, а также интеллектуально-рафинированный способ организации текста. Приведенные выше художественные цитаты показывают, что для писателя характерна стратегия диверсификации приемов структурно-смыслового решения данной стилистической фигуры.

Можно привести и другие приемы индивидуального своеобразия и разнообразия оксюморонных построений в произведениях писателя. Весьма частотны атрибутивные композиции, в которых семантическое противоречие создается путем акцентированного провокативного демонтажа привычных логических связей между предметами и явлениями: «...в *спокойствии бешенства*» («Игрок»; бешенство ассоциируется с буйством, драматичной потерей психологического равновесия); «*наслаждение отчаяния*» («Записки из мертвого дома»; отчаяние в привычном представлении не может быть источником наслаждения). Еще один прием диверсификации текстовых форм оксюморона в произведениях писателя – реорганизация, по модели антонимического замещения, узально-речевой идиоматической синтагматики слов: «...человек *глубоко необразованный*» («Подросток»; окказионально-трансформированное литературно-разговорное *человек глубоко образованный*); «...мы даже *обуреваемы* – именно *обуреваемы* – *благороднейшими идеалами*» («Братья Карамазовы»; глагол *обуревать* предполагает в качестве семантического агента низменные страсти). И, наконец, чрезвычайно выразительны, отличаются словесным лаконизмом в сочетании с бесконечной смысловой емкостью номинативные композиции на базе коннотативной антонимии:

«барон Помойкин» («Униженные и оскорбленные»); «*прет величественно*» («Подросток»). Прагматика таких построений – отдельная исследовательская проблема, которая может быть раскрыта в рамках комплексного лингво-поэтического анализа.

Представленные здесь примеры художественно-образной реализации стилистической фигуры оксюморона иллюстрируют индивидуальный мировоззренческий и повествовательный стиль Ф. М. Достоевского, но вместе с тем они должны рассматриваться и в исследовательском ракурсе русской национальной стилистики ресурсов, т. е. как явления общезыковой системы выразительности, обнаруженные и особым образом актуализованные автором в литературных сочинениях.

Философский дискурс

Среди познавательных монологических практик исторически первична и методологически значима философия – область мышления, предметно ориентированная на выявление предельных оснований бытия (М. К. Мамардашвили), а в систематике дискурса занимающая промежуточное положение между словесно-художественным и научным творчеством. В задачи философии входит не только производство текстов с некоторым набором абстрактных знаний о предмете рассмотрения, но и создание пространства мысли, вовлечение читателя / адресата в процесс интенсивного размышления. Поэтому риторический аспект имеет ключевое значение для философии, так же как и фактор идиостилевой релевантности текста – каждый философ пишет по-своему. В философских текстах находят применение все ресурсы выразительности национального языка – от явлений фонетической экспрессии до приемов когнитивной стилистики. Видную роль в построении философского нарратива играет оксюморон – прием, максимально приспособленный для когнитивного стимулирования адресата, создания атмосферы напряженного поиска истины. Нельзя не вспомнить в этой связи слова М. К. Мамардашвили о том, что «удивление лежит в основе философии» [6: 32].

Показательно, что в философских сочинениях оксюморон появляется, как правило, в местах, где рассматриваются ключевые и непростые для понимания проблемы; это способ маркирования концептуально значимых фрагментов текста и неартикулированной актуализации тезиса о неисчерпанности истины сказанным здесь. Текстовым маркером концептуально-содержательной значимости оксюморона часто является его рекур-

рентность. Например, оксюморон из предложения «Сама гносеология превращается в разновидность *негативно-позитивной трансформации бытия*, которое именуется знанием» [7: 123] еще два раза встречается в близком к нему контекстном пространстве.

О рекуррентности оксюморона можно говорить не только в пределах когнитивного пространства отдельно взятого текста, но и применительно ко всему философскому курсу. В частности, константным элементом текстов, посвященных гносеологии как важнейшей макроструктурной части философии, является восходящий к античности прототипический концепт «Знание есть незнание». Идеино-плодоносная миссия этой формулы эксплицитно выражена в авторских дефинициях Г. Г. Шпета «*Теория познания – теория незнания*» (цитируется по [8: 327]) и М. К. Мамардашвили «...философия есть *знающее незнание*: знать о том, что ты не знаешь, и есть философия» [6: 133]. Их инвариантный смысл находит в философских текстах разноплановое лексико-синонимическое выражение: *ведающее незнание, ученое незнание, ученое неведение* и др.

Для философского дискурса прагматически значима метатекстовая коммуникативная функция оксюморона – актуализация идеи о синкретичной онтологии противоположностей, о невозможности однозначной интерпретации многих явлений мира, о незавершенности процесса познания и т. д. Для подчеркивания этой эксплицитно невыраженной идеи авторы нередко прибегают к приему иконического усиления – путем сенситивно релевантного удвоения лексемного состава в фигуре хиазма. Слова повторяются, меняются синтаксическими позициями и ролями; количественное наращивание словесного присутствия воспринимается как сигнал о конструктивно-смысловой значимости этих элементов текста. Примеры: «...переживание, посредством которого мы оказываемся перед *невозможностью возможного* или перед *возможной невозможностью*» [6: 176]; «Игра – *неопределенная определенность, или определенная неопределенность*» [9: 61].

Научная речь

Когнитивный образ науки включает в себя в качестве определяющей ее феноменологию интенции предметно-референтную единичность слова и завершенность процесса смыслообразования. Все, что создает эффекты семантической диффузии и энтропии текста (средства вторичной номинации, экспрессивный синтаксис, фоностилистические изящества и проч.), несовместимо с требованиями научной рациональности. Оксюморон,

как одно из ярких явлений в этом ряду, должен отвергаться наукой. Но есть диалектический закон отрицания отрицания, и наука, выстраивая свою практику системного словоупотребления на идее отрицания собственной разговорной и некоторым другим типам речи толерантности к семантическому противоречию внутри языкового выражения, допускает возможность эпизодических «рецидивов» – возможность функционирования оксюморона в качестве терминологической номинации.

Примеры научных оксюморонов можно найти в математике, которая, как известно, в глобальном исследовательском социуме признана в качестве эталона точности и непротиворечивости эпистемологических процедур. Пожалуй, самым известным и операционально значимым оксюмороном в этой науке является *пустое множество*. Встречаются и авторские оксюморонные неологизмы, обороты речи, релевантные в локальных границах индивидуального исследовательского дискурса. Таково, например, отмеченное у А. Ф. Лосева определение числа: «единичность, данная как *подвижный покой* самотождественного различия» [10: 773].

Принято считать, что среди гуманитарных наук лингвистика в наибольшей степени отвечает требованиям терминологической эксплицитности смысла и непротиворечивости операциональных формулировок. Но и здесь оксюморон появляется в качестве эпистемологически релевантного элемента текста, как научно-терминологическая единица. Анализируя литературную цитату из произведения М. М. Пришвина «...но теперь леса вырублены, мужик измелечал, помещик разорился или превратился в кулака», А. В. Бондарко отмечает, что форме единственного числа здесь свойственно значение «репрезентативной собирательной единичности» [11: 110].

Статистически-показательной особенностью оксюморона считается редкость / единичность его появления в тексте и неброская анонимность его компонентов (см. об этом [12]). Под последним понимается отсутствие изоморфизма между структурами значений антонимов – в этом случае контрастные элементы по-разному позиционированы в семантической конструкции компонентов оксюморона. Антонимическое взаимодействие при этом происходит через механизм семантических ассоциаций и валентных связей. Показателен в этом отношении следующий пример. Характеризуя русское вербальное поведение, исследователь говорит о его «установке на глубинную позитивную вежливость, контрастирующей с *негативной вежливостью*, характерной для

европейского поведения» [13: 10]. Наглядный случай асимметрии взаимодействующих в семантическом синтезе антонимов.

При асимметричном положении антонимических семантических признаков, участвующих в образовании оксюморона, в структуре их значения расширяется возможность контекстно-референтной применимости таких образований, в то время как антонимия классического типа ограничивает такую возможность. Последнее имеет место, например, в случае с понятием *положительного отрицания* в логике, не отмеченного в иных контекстно-тематических употреблениях.

Публицистика

Две коммуникативные стратегии определяют лингвистическую природу публицистической речи – установка на стандарт и установка на экспрессию (см. работы В. Г. Костомарова, М. Н. Кожинной и др.). Здесь находят применение все актуальные для данного языка средства экспрессии – в полном их типологическом и качественном разнообразии. Разумеется, при этом элиминируются субнормативные функциональные практики языка, дискредитирующие этический статус публично-дискурсивного словоупотребления (радикальное просторечие, арго и проч.). Оксюморон – частное явление в публицистике, возможно, даже не только в аспекте лингвистической феноменологии. Эта сфера коммуникации нередко функционирует по принципу «Картина мира важнее реальности», и довольно часто медийная интерпретация события противоречит его объективной содержательности, когда, например, желаемое выдается за действительное, «белое называется черным». В сознании человека, знающего объективную фактологию и вынужденного принять, по разным прагматическим соображениям, ее трактовку в медийном пространстве, неизбежно возникает когнитивная структура оксюморонного типа.

Публицистика – сфера, где раскрывается индивидуальная творческая личность субъекта речи. На страницах газет и журналов, в телевизионном и интернет-дискурсе можно найти примеры неординарного использования фигуры оксюморона в экспрессивных целях отдельными авторами. Нас в данном случае интересуют случаи рутинизации (узуализации) публицистических оксюморонов в обозримом для современника временном пространстве («на наших глазах»). Так, недавно вошел в коммуникативный обиход и укоренился в публицистическом (и социологическом) дискурсе термин *конструктивная неопределенность*. Эта атрибутивная конструкция построена на контрадикторности

ее компонентов, они логически несовместимы. Неопределенность традиционно ассоциируется с интенцией дезинтеграции, с признанием невозможности конструктивного прогресса.

К нетривиальным достижениям публицистики как системы практик формирования общественного сознания можно отнести оксюморон *период отрицательного экономического роста*, используемый в денотативном значении традиционного оборота *экономического кризис* – с целью исключения негативно-оценочных коннотаций последнего из семантического пространства дискурса (отнюдь не в интересах создания объективной картины мира).

Религиозный дискурс

В сфере религиозной коммуникации, исторически-репрезентативной и воплощающей собой опыт стилистически-изысканных вербальных практик, существуют свои каноны словоупотребления, среди которых важную конструктивно-прагматическую роль играют риторические приемы и фигуры. Религиозный дискурс трудно представить без речевой экспрессии и ее суггестивных эффектов. В его семантическом пространстве доминируют абстрактные концепты с мощным имплицитивным и символическим зарядом, а функционирование всех риторически значимых элементов регулируется интенциями создания атмосферы интеллектуального и эмоционального подъема. Тексты религиозного дискурса можно отнести к категории наиболее синергичных, стилистически напряженных, семантически многомерных. В обеспечение указанных качеств свой продуктивный вклад вносит и оксюморон – одна из сильнейших стилистических фигур.

В христианском вероучении самым известным и идеологически значимым оксюморонам следует считать *непорочное зачатие*. Теологическое и культурологическое влияние этого концепта огромно и непреходяще. Католическая доктрина непорочного зачатия послужила основой для многочисленных нарративов, связанных с описанием и толкованием этого феномена.

В качестве другого парадигмально значимого оксюморона в данной области можно назвать определение буддизма как *религиозного атеизма*. Такая дефиниция отражает эпистемологический дуализм в трактовке самой системы буддизма, которую часть мыслителей относит к религиозному опыту, другая – к философии. Показательно, что в концептуальной инструментари буддизма также встречаются конструкции оксюморонного типа (например, *оглушительная тишина*).

Проблема функционирования оксюморона в религиозных текстах недостаточно изучена. Из специально посвященных этой теме работ можно назвать [14], в которой аргументированно раскрывается актуальность проблемы и проведен контекстно-лингвистический анализ оксюморонов, извлеченных из древних сочинений путем сплошной выборки. Следует отметить, что большинство из них выступают как ключевые концепты, вокруг которых выстраивается автономный субдискурсивный контекст, ср.: *неразумная мудрость, неизреченное слово, животворящая мертвость*. Это свидетельствует о весомой конструктивной роли оксюморона в организации семантического пространства религиозного текста.

Официально-деловая коммуникация

Фундаментальные свойства оксюморона (незавершенность смысла, его динамическая многоплановость, имплицитность и диффузность, субъективно-оценочная окраска, ореол языковой игры и тяготение к смеховому дискурсу) радикально несовместимы с модальностью, тональностью и семантико-прагматическими характеристиками официально-деловой речи. В систематике коммуникативно-языковых явлений они занимают диаметрально противоположные позиции, когнитивное и дискурсивное взаимодействие между ними исключено. Но все же оксюморон, как и другие стилистические средства повышенной экспрессии, присутствует в текстах рассматриваемого типа – как интенция к его отрицанию, как модель языкового употребления, принципиально чуждая когнитивному образу делового текста. Имплицитно оксюморон участвует в лингвистическом оформлении официально-деловой речи, влияет, в качестве негативного образа (анти-модели, ментальной оппозиции), на формирование ее конструкции и субстанциональности. В редких случаях фоновое присутствие оксюморона в ментальном пространстве официально-делового дискурса проявляется и в практике текстопостроения – в виде узкоспецифицированного словоупотребления, резко контрастирующего с общеязыковой нормой. В качестве примера такого параоксюморона можно привести название Приложения 3 к Федеральному закону «О выборах Президента Российской Федерации» – «Сведения о размере и об источниках доходов, имуществе, о счетах (вкладах) в банках, ценных бумагах и об обязательствах имущественного характера кандидата на должность Президента Российской Федерации и его супруга». Выделенный курсивом тип словоупотребления с характерной для него нейтрализацией семантического признака мас-

кулинности принят (закреплен в качестве дискурсивной нормы) в практике юридической коммуникации. Семантическое противоречие и эффект оксюморона актуализуются только за пределами профессионально-деловой сферы.

Заключение

Изложенные выше концептуальные и эмпирические факты представляются достаточными для выхода в трактовке оксюморона за пределы представления о нем как о дискурсивно ограниченном явлении в сфере эксцентричного словоупотребления. Локально-лингвистическая трактовка этого феномена не отражает его реальной сущности как явления, глубоко укорененного в онтологии человеческого сознания и формируемой посредством его инструментария картины мира. Более того, сама феноменология объективного мира дает множество примеров того, что возможна двоякая, на основе логического противоречия, трактовка явлений в рамках

операциональной модели синтеза противоположностей. Скажем, звезда на небе фигурирует в нашей картине мира одновременно и как крошечный, и как гигантских размеров объект.

В аспекте дискурсивно-жанрового разнообразия коммуникативных практик обращает на себя внимание то, что генетически эта речемыслительная формула коммуникации восходит к разговорной речи, откуда она проникает и в другие функциональные области языка, трансформируясь при этом в соответствии с ожиданиями и потребностями каждой из этих областей. Например, в сфере поэзии получает распространение прием композиционного построения целого произведения по модели оксюморона. В философском дискурсе оксюморон часто выступает не только как способ вербальной репрезентации диалектически-противоречивой сущности явлений, но и как опорно-конструктивный элемент в макроструктуре текста, на котором строится отдельная частно-аспектная линия повествования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шестакова Э. Г. Оксюморон как категория поэтики (на материале русской поэзии XIX-первой трети XX веков). Донецк : НОРД-ПРЕСС, 2009. 209 с.
2. Карасик В. И. Оксюморон в языковом сознании и коммуникативной практике // Социальные и гуманитарные знания. 2022. Т. 8, № 1. С. 114–121.
3. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. 2-е изд. М. : Флинта ; Наука, 2009. 592 с.
4. Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост. Л. И. Тимофеев и С. В. Тураев. М. : Просвещение. 1974. 509 с.
5. Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. М. : Весь мир, 2000. 704 с.
6. Мамардашвили М. К. Беседы о мышлении. СПб. : Азбука ; Азбука-Аттикус, 2019. 480 с.
7. Ильин В. Н. Основная проблема теории познания // Вопросы философии. 2009. № 7. С. 123–134.
8. Густав Шпет и современная философия гуманитарного знания : кол. монография. М. : Языки славянской культуры, 2006. 454 с.
9. Апинян Т. А. Сущностно-универсальное определение игры: феноменология фантома // Вопросы философии. 2008. № 2. С. 58–73.
10. Лосев А. Ф. Миф – число – сущность. М. : Мысль, 1994. 919 с.
11. Бондарко А. В. Грамматическое значение и смысл. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1978. 176 с.
12. Федоров А. В. Некоторые лексико-семантические факторы смысловой многоплановости художественного текста // Русский язык. Проблемы художественной речи. Лексикология и лексикография. Виноградовские чтения IX–X. М. : Наука, 1981. С. 71–82.
13. Сорокин Ю. А. Человек говорящий в его мдухах и отношениях (обзор-дискуссия) // Массовая

культура на рубеже XX–XIX веков: Человек и его курс : сб. науч. ст. М. : Азбуковник, 2003. С. 7–23.

14. Братухин А. Ю. Оксюморон в раннехристианских и византийских текстах // Евразийский гуманитарный журнал. 2019. № 4. С. 62–67.

REFERENCES

1. Shestakova E. G. *Oxymoron kak kategoriya poetiki (na materiale russkoi poezii XIX – pervoi treti XX vekov)* [Oxymoron as a Category of Poetics (Based on the Material of Russian Poetry of the XIX – First Third of the XX Centuries)]. Donetsk, NORD-PRESS, 2009. 209 p. (in Russian).
2. Karasik V. I. Oxymoron in Language Consciousness and Communicative Practice. *Social and Humanitarian Sciences*, 2022, vol. 8, no. 1, pp. 114–121 (in Russian).
3. Baranov A. N. *Lingvisticheskaya ekspertiza teksta: teoriya i praktika* [Linguistic Expertise of the Text: Theory and Practice]. 2nd ed. Moscow, Flinta, Nauka, 2009. 592 p. (in Russian).
4. *Slovar' literaturovedcheskikh terminov. Red.-sost. L. I. Timofeev, S. V. Turaev* [Timofeev L. I., Turaev S. V. eds. Dictionary of Literary Terms]. Moscow, Prosveshchenie, 1974. 509 p. (in Russian).
5. Ortega y Gasset J. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Moscow, Ves' Mir, 2000. 704 p. (in Russian).
6. Mamardashvili M. K. *Besedy o myshlenii* [Conversations about Thinking]. St. Petersburg, Azbuka, Azbuka-Atticus, 2019. 480 p. (in Russian).
7. Ilyin V. N. The main problem of the theory of knowledge. *Problems of Philosophy*, 2009, no. 7, pp. 123–134 (in Russian)
8. *Gustav Shpet i sovremennaya filosofiya gumanitarnogo znaniya* [Gustav Späth and the Modern Philosophy of the Humanities]. Moscow, Languages of Slavic Culture, 2006. 454 p. (in Russian).

9. Apinyan T. A. Essential-universal definition of the game: Phenomenology of the phantom. *Problems of Philosophy*, 2008, no. 2, pp. 58–73 (in Russian)
10. Losev A. F. *Mif – chislo – sushchnost'* [Myth – number – essence]. Moscow, Mysl, 1994. 919 p. (in Russian).
11. Bondarko A. V. *Grammaticheskoe znachenie i smysl* [Grammatical meaning and meaning]. Leningrad, Nauka, 1978. 176 p. (in Russian).
12. Fedorov A. V. Some lexico-semantic factors of the smyslovoy multiplanarity of the artistic text. *Problems of Artistic Speech. Lexicology and lexicography. Vinogradiv Readings IX–X*. Moscow, Nauka, 1981, pp. 71–82 (in Russian).
13. Sorokin Y. A. Man Speaking in His Modes and Relations (Review-Discussion). In: *Massovaya kul'tura na rubezhe XX–XIX vekov: Chelovek i ego diskurs: sb. nauch. st.* [Mass Culture at the Turn of the XX–XIX Centuries: Man and His Discourse : Coll. sci. arts]. Moscow, Azbukovnik, 2003, pp. 7–23 (in Russian).
14. Bratukhin A. Y. Oxymoron in Early Christian and Byzantine Texts. *Euro-Asian Journal for Humanities*, 2019, no. 4, pp. 62–67 (in Russian).

Поступила в редакцию 01.11.2023; одобрена после рецензирования 23.12.2023; принята к публикации 18.01.2024
The article was submitted 01.11.2023; approved after reviewing 23.12.2023; accepted for publication 18.01.2024

Жанры речи. 2024. Т. 19, № 3 (43). С. 247–255

Speech Genres, 2024, vol. 19, no. 3 (43), pp. 247–255

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-3-43-247-255>, EDN: LXJXTJ

Научная статья

УДК 811.161.1'38'42-057.87

Жанрообразующие признаки самопрезентации (на материале самопрезентации студентов)

Т. В. Веселкова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Веселкова Татьяна Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, kuznecova.08@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5546-7893>

Аннотация. Статья посвящена относительно новому жанру речи – самопрезентации. Исследование проводится на материале самопрезентаций студентов-нефилологов географического, социологического, биологического, механико-математического факультетов, факультета компьютерных наук и информационных технологий, Института физической культуры и спорта Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского и филологов, обучающихся в Институте филологии и журналистики. Цель исследования – выявление жанрообразующие черты, наиболее типичные когнитивные модели (сценарии) самопрезентации, которые позволяют сделать вывод о том, что самопрезентация студента – синтетический речевой жанр, преследующий информативные, императивные, оценочные цели. Также можно отнести его к жанру-реакции. Жанр самопрезентации взаимодействует с другими речевыми жанрами, как правило, в самопрезентацию включаются призыв, послание, благодарность. Бакалавры и специалисты выбирают стратегию – желание понравиться, казаться привлекательным для окружающих, магистранты – самопродвижение, саморекламу, доказывая профессиональную компетентность. Выбор данных стратегий связан с базисными характеристиками, которые автор определяет для себя как существенные: у магистрантов – карьера, у бакалавров и специалистов – семья, в которой они живут, и положительные качества личности. Представлен обзор форм самопрезентаций студентов. Примерами нетипичной самопрезентации являются тексты в стихотворной форме и сказки, в которых в качестве средств воздействия на аудиторию выступают словесно-логические и эмоционально-экспрессивные элементы речи. Ирония, шутка, игра слов удачно используются в самопрезентациях студентов, но в целом степень серьезности очень высока, в большинстве своём самопрезентации являются вариантом деловой коммуникации. В работах студентов всех специальностей, кроме филологов, продуктивным и частотным является риторический приём – использование цитаты и ссылки на мнение известных людей, филологи используют лирические раздумья.

Ключевые слова: речевая самопрезентация, речевая стратегия, сценарий самопрезентации, риторический приём

Для цитирования: *Веселкова Т. В. Жанрообразующие признаки самопрезентации (на материале самопрезентации студентов) // Жанры речи. 2024. Т. 19, № 3 (43). С. 247–255. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-3-43-247-255>, EDN: LXJXTJ*

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Genre-forming signs of self-presentation (based on the material of students' self-presentation)

T. V. Veselkova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Tat'yana V. Veselkova, kuznecova.08@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5546-7893>

Abstract. The article is devoted to a relatively new genre of speech – self-presentation. The research is based on self-presentations of non-philological students of the geographical, sociological, biological faculties, Faculty of Mechanics and Mathematics, Faculty of Computer Science and Information Technology, the Institute of Physical Culture and Sports of Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky and philologists studying at the Institute of Philology and Journalism. The purpose of the study is to identify the genre features of these texts. The multidimensional analysis of self-presentations revealed genre-forming features, the most typical cognitive models (scenarios) of self-presentation, which allow us to conclude that the student's self-presentation is a synthetic speech genre pursuing informative, imperative, evaluative goals. It can also be attributed to the genre of reaction. The genre of self-presentation interacts with other speech genres, as a rule, self-presentation includes a call, a message, gratitude. Bachelors and specialists choose a strategy – the desire to please, to seem attractive to others, Master's students – self-advertisement, self-promotion, proving their professional competence. The choice of these strategies is related to the basic characteristics that the author defines for himself as essential: for Master's students this is a career, for bachelors and specialists – a family, in which they live, and positive personality qualities. The article presents an overview of the forms of students' self-presentations. Examples of atypical self-presentation are poetic texts and fairy tales, in which verbal-logical and emotionally expressive elements of speech as means of influencing the audience. Irony, jokes, puns are successfully used in students' self-presentations, but in general the degree of seriousness within the genre is very high, for the most part self-presentations are a variant of business communication. In the works of students of all faculties, except philologists, a rhetorical technique is productive and frequent – the use of quotations and references to the opinions of famous people, philologists use lyrical reflections.

Keywords: speech self-presentation, speech strategy, self-presentation scenario, rhetorical technique

For citation: Veselkova T. V. Genre-forming signs of self-presentation (based on the material of students' self-presentation). *Speech Genres*, 2024, vol. 19, no. 3 (43), pp. 247–255 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-3-43-247-255>, EDN: LXJXTJ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В последние десятилетия активизируются процессы формирования новых форм и типов высказываний, проявляется постоянный интерес к изучению речевых жанров. Основной тенденцией лингвистических исследований является разработка универсальных методов анализа речевого поведения людей в разных коммуникативных ситуациях.

Коммуникативная компетентность является элементом профессиональной компетентности: в любой сфере деятельности необходимо знать особенности коммуникативной среды, определять цели и стратегии контактов, учитывая намерения и способы коммуникации партнёров, менять при необходимости собственные речевые тактики и стратегии. Способность и готовность представить себя, свою точку зрения и коммуникативные намерения позволяют эффективно выстраивать профессиональное общение, повышая конкурентоспособность специалиста на рынке труда. Развивая идею М. М. Бахтина: «Новый тип общения всегда порождает и новые формы речевой жизни: новые речевые жанры, переосмысление или упразднение некоторых старых форм и т. п. ...» [1: 22], лингвисты выделяют, описывают и изучают новые жанры речи, сформировавшиеся в университетской среде [2–4]. Мы изучаем самопрезентацию студентов, которая являет-

ся подготовленным заданием, развивающим умение позиционировать себя в общении при помощи вербальных и невербальных средств, оценивать впечатление, производимое на аудиторию, создавать определенный имидж. *Цель исследования* – выявление жанровых черт этих текстов.

Предлагаемая статья является продолжением изучения самопрезентаций студентов-нефилологов [5]. В предыдущем исследовании подробно анализировались языковые особенности самопрезентации, выделены лексические и синтаксические средства, выявлялись и описывались прагматические характеристики жанра самопрезентации студента, в данной работе рассматриваются соотношение формы и содержания, стилистические особенности. Анализируя работы филологов, мы выявили наличие специфики, связанной со специальностями студентов, так как в работах студентов-нефилологов разных специальностей специфика не проявилась. Материалом исследования послужили 380 самопрезентаций студентов-нефилологов и 120 самопрезентаций студентов-филологов. Перед выполнением задания студенты изучают теоретический материал, формулировка задания не ограничивает объём представленной информации, стиль, форму, а также временные рамки.

Основная часть

Жанр самопрезентации привлекает специалистов-исследователей социологии, психологии, социальной философии, культурологии, психолингвистики, литературоведения. Существует множество теорий самопрезентации и их классификаций. В теории родоначальника понятия «самопрезентация» американского социолога Ирвина Гофмана представлен широкий взгляд на проблему определения данного понятия – в каждом акте коммуникации предполагается наличие феномена самопрезентации [6]. Более узкий взгляд представлен в теории Е. В. Михайловой, она рассматривает самопрезентацию в качестве коммуникативного умения [7]. Исследователи анализируют самопрезентацию и как средство формирования Образа – Я и поддержания самооценки [8]. В некоторых работах самопрезентация представляется как сознательная игра «adonization» – красование [9]. Ю. М. Жуков рассматривает самопрезентацию в аспекте делового общения, выделяя свод правил самопрезентации [10]. Изучение самопрезентации субъекта в том или ином типе дискурса является одним из направлений развития презентационной теории дискурса [11]. Под речевым жанром самопрезентации вслед за А. В. Курьянович мы будем понимать тип текста, появление которого обусловлено авторской целевой установкой самоподачи, самохарактеризации и самораскрытия в условиях определенной ситуации общения [12].

Определяя место самопрезентации студента в типологии речевых жанров, в качестве основания на первом этапе выбрано предложенное Т. Г. Винокур противопоставление двух полярных речевых замыслов – «фаттики» и «информатики» [13]. Коммуникативная цель самопрезентации студентов очевидна, информативный замысел в самопрезентации является основанием отнести её к информативным речевым жанрам. Самопрезентация студента – это учебное задание, в этой ситуации предшествует определённое коммуникативное намерение адресата, которое выражается в необходимости проверить у студента знания, полученные за период изучения определённого курса. Следовательно, самопрезентация студента выполняет две функции: информативную и контролирующую, которые зависят от коммуникативной ситуации (автор / адресат). Наличие данных функций даёт основание говорить о самопрезентации студента как о «жанре-реакции» [3: 269] на требования, предъявляемые к автору со стороны адресата (преподавателя).

В иллокутивно-прагматическом (целевом), языковом, стилистическом, риторическом и т. д. отношении анализируемые тексты

различаются: среди них есть 2 сказки, 17 занятных и грустных судьбоносных реальных историй из жизни, 5 стихотворений, остальная большая часть представлена типичными рассказами о себе. Большая часть студентов отметила, что для них это первый опыт самопрезентации. Многие сравнивали своё выступление с минутой славы, некоторые воспользовались возможностью продемонстрировать свои таланты, чтобы произвести «вау-эффект», меньшая часть студентов оказалась в полной растерянности. Очевидно, что разное восприятие привело к разным формам самопрезентации: восторг – к стихам, растерянность – к официальной форме типичного резюме.

Сказки предложили только студенты механико-математического факультета. В обеих работах повествование ведётся от 3-го лица. Приведём пример одной:

Жила-была Юля, которой было 22 года. С детства она была любознательной и умной девочкой. Она умела рисовать, помогала папе в гараже, но самым большим её увлечением были математика, физика и химия.

В школе Юля училась хорошо, но иногда ей говорили, что она могла бы быть отличницей, если бы больше усердствовала. Но это не так уж её интересовало, потому что её страстью были именно точные науки.

Летом Юля обычно проводила время у бабушки в деревне. Там она зарабатывала карманные деньги на заводе вместе с друзьями, где сортировала разного рода железяки и болтики. Но это не повод для грусти, потому что деревенская жизнь была увлекательной и весёлой. В деревне Юля видела с близкими друзьями, ходила на пикники и на озеро, а вечерами с удовольствием рисовала что-нибудь новое.

Когда настало время выбирать университет, Юля поступила на факультет физики, где получила основы своего образования и открыла для себя программирование. Она быстро поняла, что ей нравится создавать новые вещи, и начала изучать программирование самостоятельно.

Однако Юля всегда интересовалась педагогикой и занималась репетиторством ещё во время учёбы в университете. С течением времени она поняла, что именно обучение и воспитание молодого поколения – это то, что ей нравится и что она хочет делать в жизни.

К сожалению, в каждой истории есть трудности, история нашей героини не исключение. После перевода на другую специальность Юле пришлось забрать документы из вуза и поступить заново. Выбор пал на механико-математический факультет. Она продолжает учиться и работать, а уже летом Юля будет получать дополнительное образование по педагогике.

Юля – это прекрасный пример того, что следование своим мечтам и желаниям помогает в нахождении своего места в жизни. Она стала

перспективным педагогом благодаря своей целеустремлённости, усердию и неотступности.

Пол и имя главной героини совпадают с реальными. На наш взгляд, этот вариант можно рассмотреть как пример сознательной игры – красования, хотя автор пытается это завуалировать, выбирая повествование от 3-го лица вместо типичного 1-го. Во второй сказке главным героем является пчелёнок по имени Перец, хотя самого студента зовут Никита. Оказывается, что имя это он выбрал неслучайно, оно означает «прорывающийся» и очень подходит этому студенту, на занятиях он спорит, много знает, всегда имеет свою точку зрения.

Самопрезентации в стихотворной форме встретились редко: две у студентов-филологов и три у студентов-нефилологов, обучающихся в Институте физической культуры и спорта. Приведём один пример:

*Был довольно трудный год.
К нам в страну пришёл дефолт.
Я, подумав «это мало»,
Родилась в тот год у мамы.
Быстро промелькнули годы,
В ожидании свободы
Шла я гордо в первый класс
Показать всем высший класс.
Я хотела рисовать,
Петь, хотя бы вышивать...
Но меня спросить забыли
И в бассейн запустили.
Привыкая по чуть-чуть,
Приняла я этот путь.
Пролетели так года.
Я меняла города.
Лишь одна была константа.
Я, со стойкостью сержанта,
В дождь и в снег, в палящий зной
Шла в бассейн как домой.
Тренировки, вкус побед...
Так прошло двенадцать лет.
Мне пророчили ИФКиС,
Но запал мой как-то скис.
И, отринув этот путь,
Я решила улизнуть.
Поступила в ИИиМО
И теперь могла легко
Быть экспертом в разговорах
Про межстрановые споры.
Сердце ж было неспокойно.
Экономика и войны
Ему были не близки.
Изнывая от тоски,
Я решила всё вернуть
И ступить на старый путь.
Пусть прошло немало лет,
Снова, спорт, физкульт-привет!*

Так как в рамках статьи не можем разместить все работы, приведём пример того, как

описывает ещё один автор свой путь в спорте: *Долго думали, гадали и, конечно, в спорт отдали. / Ну а так как я ж артистка, то отдали в фигуристки. // Я вставала в 6 утра, в 7 уже на лёд пора. / Было сложно, было больно, было холодно довольно. / Сборы, ОФП, коньки, / Слёзы, сопли, синяки... // Школу жизни здесь прошла, / Множество друзей нашла, / 2-й взрослый получила, / Только травма подкосила. / Врач сказал: «На лёд нельзя!» / Мир мой рухнул навсегда. Ирония, шутка, игра слов удачно используются в самопрезентациях, написанных в стихотворной форме. В начале стихотворений описываются сложные обстоятельства, сопровождающие рождение автора: *Шёл 2003 год. Дел у всех невпроворот. / Мама сессию сдаёт, 3 курс уже идёт. / Тут вмешалась в планы я, и в итоге января / Появилась я на свет, я – Полина, всем привет.* В текстах самопрезентаций важными являются детали, подробности, описания. По-видимому, авторы сказок и стихов являются креативными личностями. Данные примеры могут быть подтверждением идеи В. В. Дементьева: «Многие классификации и выделяемые в них типы личностей естественным образом имеют речевое выражение: креативные личности владеют “творческими жанрами”, такими как жанры художественной речи, занимательный рассказ, изоощрённый тост, и способны к творческому переосмыслению жанров...» [14: 9].*

Занятные и грустные судьбоносные реальные истории из жизни, как правило, рассказываются, чтобы показать, каким путём пришли к выбору учебного заведения и специальности. Приведём примеры грустной и забавной судьбоносных историй:

1) *Спустя четыре месяца подготовки я сдаю экзамены, но не без проблем – во время сдачи экзамена по химии я почувствовал боль в животе, из-за которой мне пришлось провести много времени в медкабинете. Это потерянное время не позволило мне дописать экзамен. И в ночь после экзамена меня отвезли в больницу с подозрением на аппендицит. Совокупность этих факторов не позволила мне поступить на бюджетное направление в университетах Санкт-Петербурга, в которых я хотел обучаться.* 2) *А поступила я на КБ, даже можно сказать, случайно. В последний день подачи документов мы с мамой приехали в 12 корпус СГУ, я написала согласие, но оригиналы документов не оставляла. После чего я собиралась поехать на мех-мат, так как проходила по баллам на Бизнес-информатику. Перед этим мы с мамой зашли в Сбербанк. Затем вызвали такси и поехали на мех-мат. Но по приезде я поняла, что забыла папку со всеми документами на банкомате в Сбербанке, поэтому мне пришлось отправиться обратно. Когда я зашла туда, рядом с банкоматами стояла инкассация, её сотрудники сказали, что отдали мою*

папку какой-то пожилой женщине. Я очень испугалась, расплакалась и позвонила маме, чтобы она приехала, так как она осталась у корпуса мех-мата. Рядом с этим банком находится полицейский участок, оттуда вышел сотрудник полиции, я ему объяснила ситуацию, и он сказал мне писать заявление, что я и сделала, и в процессе его написания мне позвонила мама и сказала, что моя папка нашлась. После того, как я её забрала, у меня оставалось примерно 20 минут до конца срока подачи документов, я решила уже никуда не ехать, а оставить оригинал аттестата на Компьютерной безопасности. Первый семестр я не очень понимала, что я тут делаю, но после первой лекции по предмету «Введение в специальность» я осознала, что это направление действительно меня интересует и та бабушка из Сбербанка была такой рукой судьбы.

В ходе анализа нами выявлены наиболее типичные когнитивные модели (сценарии) самопрезентации, лежащие в основе соответствующего речевого жанра. Самой частотной оказалась модель идентификации «Я = Я / Я = другому», она выбирается как основная во всех формах: «Я перфекционист, особенно в учёбе. Поэтому все учебные заведения, в которых я училась, я окончила с максимальными результатами». «Ещё в школе я поняла, что стану тренером, потому что спорт в моей жизни появился в раннем детстве». «Что касается моих личных качеств, то без угрызений совести могу сказать, что считаю себя самостоятельной, инициативной, ответственной, но главное качество, которое я ценю в себе – это дружелюбность, надеюсь, что многие из вас это заметили». «За прожитые 6743 дня я успела стать частью “Узбечки”, а точнее целых двух (проработала в этой чайхоне около полугода), заняться ушу, танцами, волейболом».

На втором месте выделяется модель, в основе которой лежит ирония «Я - 'Я», она выбирается в реальных историях из жизни, в стихах: «Переболела короной два раза, поэтому по праву можете называть меня королевой». «Я крутилась, я вертелась, / Мне на месте не сиделось. / Бегала как ураган, фору дав всем пацанам». «Я пришла на стадион, он зелёный, как газон. / Я взглянула и влюбилась, / Так в атлетку превратилась». «На данный момент я студентка 151 гр. социологического факультета, по совместительству мать и жена».

Редко встречались другие модели:

- модель отстранения «Я ≠ Я», выбирается в типичных самопрезентациях и стихах: «На данный момент ассоциирую себя с осой, представленной на слайде, так как продаю запчасти на осу». «Я хотела рисовать, петь, хотя бы вышивать... / Но меня спросить забыли и в бассейн за-

пустили». «Планировал стать актёром: посещал театральный кружок 3 года, курсы актёрского мастерства в театре “Грани” год и подготовительные курсы в Саратовском Театральном институте. Разочаровался в выбранной профессии». «Несмотря на имеющуюся почву, позволившую развиться пристрастие к биологии, на период с начала средней школы и по конец старшей меня интересовало всё, что бы ни попало мне на глаза или всё, за что бы я ни брался. Эта заинтересованность всем, что я мог только увидеть, создала большую для меня проблему в виде трудности в определении моего будущего направления и профессии. Меня интересовала механика и инженерия, архитектура и дизайн, в какой-то момент меня интересовала айти-сфера. Также эта затруднённая подпитывалась моим опытом работы в разных сферах: флористике, инженерии слабых систем и пожарной безопасности и многом другом»;

- модель сопоставления «Я ↔ другой», выбирается в типичных самопрезентациях: «Вначале я боялся, что меня могут не принять и останусь белой вороной, но, как оказалось, все мои одноклассники – добрые и хорошие люди». «Могу вас заверить, как и у вас, у меня есть грамоты по русскому медвежонку, кенуру и британскому бульдогу». «Меня всегда отличало от других неповторимое чувство стиля. Я умело сочетала цвета и оттенки, а от моей одежды всегда веяло тяжёлым люксом». «К сожалению, мне трудно сокращать дистанцию в общении с людьми, но многие воспринимают эту мою особенность как агрессию».

Самопрезентант сообщает информацию о себе, своих чувствах и намерениях, оценивает себя с общепринятой точки зрения, как правило, положительно, очень редко отрицательно: «...пристальное внимание всех к одному заставляет индивидуума “соответствовать” их представлениям о себе, или наоборот, продвигать своё собственное представление о себе в общественное сознание, заставляя это сознание признать индивидуальное представление в качестве образцового» [11: 112]. В самопрезентации часто встречается оценка профессиональных качеств и личности учителей, тренеров и наставников. Интересно в перспективе выделить и проанализировать речевые формы в этих оценках [4: 114–115].

Т. В. Анисимова и Е. Г. Гимпельсон отмечают, что в самопрезентации содержание речи задаётся адресатом, его потребностью

в информации, а композиция текста зависит от конкретной ситуации общения: является представлением себя инициативой коммуникатора или просьбой реципиента, существовала предварительная договорённость о коммуникации, является она первичной или вторичной [15]. Наш материал показывает, что для бакалавров и магистрантов характерны разные стратегии, первые выбирают стратегию – желание понравиться, так как самопрезентация даёт возможность представиться коллективу более привлекательным, быть замеченным и высоко оценённым. Мы получаем представление о них как о личности, узнаём о том, чем интересовались в детстве и юношестве, о творческих и спортивных достижениях, жизненных ценностях и целях дальнейшей жизни. Магистранты выбирают стратегию самопродвижения или саморекламы, так как стремятся выглядеть компетентными в своей сфере, рассказывая не только о личных достижениях, но и об успехах воспитанников. Выбор стратегий связан с базисными характеристиками, которые автор самопрезентации определяет для себя как существенные. У магистрантов это карьера: *«И так я стала с 18 лет работать тренером по художественной гимнастике, чтобы передавать свои знания и опыт воспитанницам»*. *«В 20 году я в своём посёлке открыла спортивный зал со всем необходимым оборудованием, изучаю новые методы и приёмы для обучения»*. *«Благодаря моему желанию тренироваться, упорству, я очень быстро выполнила разряд КМС, стала чемпионкой Саратовской области»*. У бакалавров и специалистов к базисным характеристикам относится семья, в которой они живут, и положительные качества личности: *«Самая большая ценность в моей жизни – это моя большая семья, члены которой проживают не только в Саратове, но и в разных городах России»*. *«Мне посчастливилось родиться в большой семье. Только в рамках города Саратова у меня примерно 20 близких родственников. Я считаю это одной из своих главных ценностей»*. *«Начала писать книгу – пошла по стопам дедушки. Как вы могли догадаться, мой дедушка – писатель. Он посвятил мне книгу, которая рассказывает о моём отце, других родственниках. В ней он наставляет меня на тот самый верный путь, заставляя задуматься о многих вещах, переосмыслить семейные ценности»*. *«Мы вместе с папой занимались спортом»*. *«Скорее всего мой интерес к биологии начал появляться с 3-х лет благодаря постоянным походам и выездам с моими родителями»*. Авторы раскрывают себя с тех сторон, которые актуально / потен-

циально востребованы именно собеседником: «равновеликими» одноклассниками и преподавателем.

Наше исследование подтвердило ранее выявленный факт: «РЖС в некоторых работах, которые отличаются творческим подходом, взаимодействует с другими речевыми жанрами, в частности, с выражением: а) призыва..., б) послания..., в) благодарности...» [5: 201–202]. В самопрезентацию включается призыв к здоровому образу жизни, не бояться трудностей, идти к своей мечте; послание встречается не только к слушателям, но и к себе в будущее; благодарность звучит в адрес родителей, учителей и наставников.

Хорошая самопрезентация требует тщательной подготовки и наличия определённых умений у коммуникатора, продуманной композиции выступления, которая позволит систематизировать свое выступление. Вступление в типичной самопрезентации, как правило, содержит приветствие, тему выступления и мотивацию аудитории к слушанию – привлекающий внимание элемент, который одновременно отвечает на вопрос «Почему аудитории это может быть важно и интересно?» и позволяет логически перейти к основной части выступления: *«Всем привет! Меня зовут Краснов Егор Александрович. В настоящее время я учусь в СГУ на первом курсе на факультете КНИиТ, и моя будущая специальность – это компьютерная безопасность»*. *«Дорогие друзья, я Урюков Александр Александрович, и я рад, что сегодня у меня есть возможность рассказать вам о себе»*. *«Здравствуйте! Меня зовут Куренкова Елена Сергеевна. Многие из вас меня знают, но я буду рада познакомиться поближе»*. *«Как и некоторые ребята до меня я расскажу о причине моего поступления на биологический факультет, а именно в Саратовский государственный университет»*. В основной части, как правило, все стремились избежать излишней зажатости, исключая несущественные подробности. Стандартный набор тем, которые освещались, включает дату и место рождения, краткий рассказ об обучении в учебном заведении, представление достижений в различных областях, демонстрацию хобби, краткий рассказ о том, почему выбрал вуз, в котором обучается, и специальность.

Так как в самопрезентации есть возможность визуального сопровождения, большая часть студентов показывала книги, которые любят читать, фотографии, сделанные в путешествии, связанные с детскими годами, а также домашних животных. Один студент показал бирку из роддома, комментируя, что родился он в 2001 г. 17 мая в 12 часов 49 ми-

нут, данный факт, конечно, не столько важен для аудитории, сколько показывает некий способ запомниться.

В единичных примерах автор формально указывал, что рассказ завершён: «*Всем удачи, до свидания*», «*На этом пока всё*». Большая часть работ заканчивалась фразами, в которых звучит благодарность слушателям: «*Спасибо за возможность рассказать о себе*». «*Благодарю за внимание*». «*На этом у меня всё, спасибо за внимание*». «*Благодарю вас за то, что вы выделили время, чтобы узнать обо мне чуть больше*». «*Благодарю за возможность предоставить информацию о себе от первого лица*». Нередко заключение было наиболее эмоционально насыщенной частью выступления, содержало цитату: «*Я хотела закончить цитатой: “Ты должен верить в себя, особенно в те моменты, когда в тебя никто не верит”*» Андре де Грасса. «*Своё выступление хочу закончить цитатой человека, благодаря которому мы, возможно, и получили возможность развиваться в it, а также благодаря этому человеку компьютеры получили массовое распространение среди обычных пользователей. По мнению Стива Джобса: “Быть самым богатым человеком на кладбище – это не главное... Ложиться спать и говорить себе, что сделал действительно нечто прекрасное, – вот что главное”*». «*Своё выступление хочу закончить любимой цитатой: “Найди дело по душе, и тебе не придётся работать ни дня в своей жизни” (Конфуций)*». Данный риторический приём оказался продуктивным и частотным, студенты всех специальностей, кроме филологов, используют цитаты и ссылки на мнение известных людей. Студенты-филологи заканчивали свой рассказ лирическими раздумьями: «*Пока пишу, читаю книги / Ищу себя по всем путям. // Ведь люди в целом многолики / Какой же я себя создам?*».

Очевидно, что в самопрезентациях выделяются общие структурные особенности и вполне четкие границы высказывания.

Частотными оказались клишированные, стандартные фразы с элементами наукообразности, официальности: «*Однако, несмотря на желание трудоустроиться и получать хорошую зарплату, я всё же считаю, что каждый человек должен стремиться не к материальным благам, а к весомому вкладу со своей стороны в какой-либо отрасли, для меня гораздо важнее, что человек оставит после себя, какой вклад он внесёт в развитие мира. Поэтому необходимо ставить перед собой действительно сложные задачи, но при решении их впоследствии вы преис-*

полнитесь в том или ином деле. Заявить о себе миру является действительно достойной задачей человека». «*Считаю, что открытое общение помогает создавать крепкие и долгосрочные взаимоотношения*». «*Я с уверенностью смотрю в завтрашний день. Сегодня я хочу посвятить себя тому, что мне действительно нравится, по-настоящему интересно*». «*Иногда полезно выходить из зоны собственного комфорта*».

Некоторые характерные признаки самопрезентации студента, выделенные в нашем анализе, совпадают с выявленными в высказываниях студентов-активистов: «*рассказывая о событиях, вольно или невольно создает собственный положительный образ*» [2: 196], «*стабильность целого ряда устойчивых выражений в словаре студента-активиста приводит к появлению штампов, клишированных оборотов, которые кочуют от одного высказывания к другому*» [2: 195]. Этот факт можно рассмотреть с двух сторон, во-первых, он подтверждает наши выводы о том, что в своих самопрезентациях студенты хотели выделиться, запомниться, во-вторых, эти признаки характерны не только для высказываний студентов-активистов, а для высказываний, связанных с определённой ситуацией общения.

Заключение

С точки зрения коммуникативных целей самопрезентация студента – синтетический речевой жанр, преследующий информативные, императивные, оценочные цели. В типичных самопрезентациях автор представляет себя как личность с помощью описания лучших черт своего характера. Рассказывая о своих увлечениях, большая часть студентов с удовольствием описывает профессиональное занятие спортом, поэтому неслучайно в нашем материале много примеров, в которых так или иначе упоминается спорт. В сфере увлечений проявляется некоторая специфика: студенты-филологи в большей части увлекаются театральным мастерством и отмечают высокие результаты в обучении в художественной и музыкальной школе. В рассказах о любимых занятиях описываются детали, эмоции, в работах филологов встречаются лирические раздумья. Определённая специфика выявлена в сфере личностной и социальной самоидентификации: бакалавры и специалисты рассказывают преимущественно о своих личных качествах, магистранты – о профессиональных, при этом очевидно, что самопрезентация у магистрантов представляет собой более отработанную речевую практику. В самопрезентации студен-

та степень серьёзности очень высока: ирония, шутка, игра слов используются редко в самопрезентациях, представленных в форме стихотворения, сказки и в реальных историях из жизни, самопрезентации студентов в большинстве своем являются вариантом деловой коммуникации. В качестве специфических,

жанрообразующих признаков речевого жанра самопрезентации студента выделяются осмысленность самопредставления, положительный характер представления себя. Форма самопрезентации может быть разной, она зависит от коммуникативной цели самопрезентанта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. 2-е изд. М. : Худож. лит., 1990. 543 с.
2. Елина Е. Г. Устный рассказ студента-активиста как речевой жанр // Жанры речи. 2019. № 3 (23). С. 193–199. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-3-23-193-199>
3. Абросимова А. В. Отчёт о производственной практике как речевой жанр // Жанры речи. 2019. № 4 (24). С. 267–272. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-4-24-267-272>
4. Анисимова А. Т. Студенческий отзыв о преподавателе как оценочный речевой жанр в российском и американском образовательных дискурсах // Жанры речи. 2021. № 2 (30). С. 109–117. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-2-30-109-117>
5. Веселкова Т. В. Самопрезентация студентов-нефилологов: речевые и лингвистические характеристики // Жанры речи. 2021. № 3 (31). С. 198–206. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-3-31-198-206>
6. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М. : Канон-пресс, 2000. 304 с.
7. Михайлова Е. В. Самопрезентация: теории, исследования, тренинг. СПб. : Речь, 2007. 224 с.
8. Кули Ч. Социальная самость // Американская социологическая мысль / сост. Е. И. Кравченко ; под ред. В. И. Добренкова. М. : Изд-во МГУ. 1994. 495 с.
9. Leary M. R. Self-presentation: Impression Management And Interpersonal Behavior (Social Psychology Series). Brown & Benchmark Publishers, 1995. 246 p.
10. Жуков Ю. М. Эффективность делового общения. М. : Знание, 1988. 64 с.
11. Олянич А. В. Презентационная теория дискурса : монография. Волгоград : Парадигма, 2004. 507 с.
12. Курьянович А. В. Когнитивная сущность речевого жанра самопрезентация в эпистолярном дискурсе М. И. Цветаевой // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2006. № 5 (56). С. 144–146.
13. Винокур Т. Г. Информативная и фатическая речь как обнаружение разных коммуникативных намерений говорящего и слушающего // Русский язык в его функционировании / отв. ред. Е. А. Земская, Д. Н. Шмелев. Т. 1. Коммуникативно-прагматический аспект. М. : Наука, 1993. С. 5–29.
14. Дементьев В. В. Персонологическая генристика // Жанры речи : сб. науч. ст. Вып. 7. Жанр и языковая личность. Саратов : ИЦ «Наука», 2011. С. 5–25.
15. Анисимова Т. В., Гимпельсон Е. Г. Речевая компетенция менеджера : учебное пособие. М. : Московский психолого-социальный институт, 2004. 480 с.

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa. 2-e izd.*

[Creativity of Francois Rabelais and folk culture of the Middle Ages and Renaissance. 2nd ed.]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1990. 543 p. (in Russian).

2. Elina E. G. The oral story of a student activist as a speech genre. *Speech Genres*, 2019, no. 3 (23), pp. 193–199 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-3-23-193-199>

3. Abrosimova A. V. Report on production practice as a speech genre. *Speech Genres*, 2019, no. 4 (24), pp. 267–272 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-4-24-267-272>

4. Anisimova A. T. Student review of a teacher as an evaluative speech genre in Russian and American educational discourses. *Speech Genres*, 2021, no. 2 (30), pp. 109–117 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-2-30-109-117>

5. Veselkova T. V. Self-presentation of non-philological students: Speech genre and linguistic characteristics. *Speech Genres*, 2021, no. 3 (31), pp. 198–206 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-3-31-198-206>

6. Hoffman I. *Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoi zhizni* [Presenting oneself to others in everyday life]. Moscow, Canon-press, 2000. 304 p. (in Russian).

7. Mikhailova E. V. *Samoprezentatsiya: teorii, issledovaniya, trening* [Self-presentation: Theories, research, training]. Saint Petersburg, Speech, 2007. 224 p. (in Russian).

8. Kuli Ch. Social self. In: *Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl'. Sost. E. I. Kravchenok, pod red. V. I. Dobren'kova* [Kravchenok E. I., comp., Dobren'kov V. I., ed. American sociological thought]. Moscow, Moscow University Press, 1994. 495 p. (in Russian).

9. Leary M. R. *Self-presentation: Impression Management And Interpersonal Behavior* (Social Psychology Series). Brown & Benchmark Publishers, 1995. 246 p.

10. Zhukov Yu. M. *Effektivnost' delovogo obshcheniya* [Efficiency of business communication]. Moscow, Znanie, 1988. 64 p. (in Russian).

11. Olyanich A. V. *Prezentatsionnaya teoriya diskursa: monografiya* [Presentation theory of discourse: Monograph]. Volgograd, Paradigma, 2004. 507 p. (in Russian).

12. Kuryanovich A. V. Cognitive essence of the speech genre self-presentation in the epistolary discourse of M. I. Tsvetaeva. *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*, 2006, no. 5 (56), pp. 144–146 (in Russian).

13. Vinokur T. G. Informative and phatic speech as the detection of different communicative intentions of the speaker and the listener. In: *Russkii yazyk v ego funktsionirovanii. Otv. red. E. A. Zemskaya, D. N. Shmelev. T. 1. Kommunikativno-pragmaticheskii aspekt* [Zemskaya E. A., Shmelev D. N., eds. Russian language in its functioning. Communicative and pragmatic aspect]. Moscow, Nauka, 1993, pp. 5–29 (in Russian).

14. Dementyev V. V. Personological genristics. *Zhanry rechi: sb. nauch. st. Vyp. 7. Zhanr i yazykovaya lichnost'* [Speech Genres: Coll. of sci. arts. Iss. 7. Genre and linguistic personality]. Saratov, ITs "Nauka", 2011, pp. 5–25 (in Russian).

15. Anisimova T. V., Gimpelson E. G. *Rechevaya kompetentsiya menedzhera: uchebnoe posobie* [Manager's speech competence: Study guide]. Moscow, Moscow Psychological and Social Institute Publ., 2004. 480 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 23.08.2023; одобрена после рецензирования 29.09.2023; принята к публикации 17.10.2023
The article was submitted 23.08.2023; approved after reviewing 29.09.2023; accepted for publication 17.10.2023

ЖАНРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ

Жанры речи. 2024. Т. 19, № 3 (43). С. 256–265

Speech Genres, 2024, vol. 19, no. 3 (43), pp. 256–265

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-3-43-256-265>, EDN: PAUGRO

Научная статья

УДК 821.161.1.09-1-3+929[Карамзин+Лотман]

**Жанровый синтез в лирической прозе и стихотворениях в прозе
Н. М. Карамзина**

Чжу Биин

Институт иностранных языков, Нанкинский университет, Китай, 210023, г. Нанкин, ул. Сяньлинь, д. 163

Чжу Биин, аспирант, 394200327@qq.com

Аннотация. Рассматривается художественное своеобразие жанрового синтеза в литературном творчестве Н. М. Карамзина. Данная особенность ярко выражена в лирической прозе и стихотворении в прозе писателя. По мнению Ю. М. Лотмана, Карамзин создал такие произведения, которые включают в себя особенности и повествовательную, и лирическую. В данной статье мы будем рассматривать главные произведения Карамзина в жанре лирической прозы и стихотворения в прозе, анализировать процессы их развития и основные художественные особенности, а также эстетические принципы Карамзина, которые проявляются в разных этапах творчества. Новизна Карамзина в жанре соответствует его эстетическому принципу, его стремлению преодолеть каноны классицистического стиля. Строгое разделение жанров ослабевает. Для Карамзина поэзия и проза – это не разные по своему существу и назначению составляющие его творчества. Они по сути являются едиными и тесно связаны друг с другом. В процессе развития лирической прозы Карамзина важное место занимает лирический монолог, где обычно отсутствует конкретный сюжет. Карамзин на основе опыта создания лирического монолога соединил бессюжетный лирический монолог с сюжетной повестью, создал первую в истории русской литературы лирическую повесть «Остров Борнгольм», в которой главное не ход объективно происходящих событий, а смена связанных с ними настроений автора. Среди стихотворений в прозе, созданных Карамзиным, «Сиерра-Морена» отличается элегическим тоном. Она является элегией в прозе с лирическим размышлением на философские темы. Элегический характер этого произведения придает единство лирическому настроению.

Ключевые слова: Н. М. Карамзин, Ю. М. Лотман, жанровый синтез, лирическая проза, стихотворение в прозе, творческая позиция

Благодарности. Исследование выполнено при поддержке особо значимого государственного гуманитарного проекта КНР «Китайский перевод и исследование сборников Юрия Лотмана» (尤里·洛特曼著作集汉译与研究, номер проекта: 21&ZD284) и научно-исследовательского инновационного проекта «Исследование теории автора с точки зрения структурной семиотики Юрия Лотмана» (洛特曼结构—符号学视角下的作者理论研究, номер проекта: KYCX24_0072).

Для цитирования: Чжу Биин. Жанровый синтез в лирической прозе и стихотворениях в прозе Н. М. Карамзина // *Жанры речи*. 2024. Т. 19, № 3 (43). С. 256–265. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-3-43-256-265>, EDN: PAUGRO

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Genre synthesis: Lyrical prose and a poem in prose by N. M. Karamzin

Zhu Biying

School of Foreign Studies, Nanjing University, 163 Xianlin St., Nanjing 210023, China

Zhu Biying, 394200327@qq.com

Abstract. The article considers the artistic originality of genre synthesis in the literary work of N. M. Karamzin. This feature is clearly expressed in the lyrical prose and the poem in the writer's prose. According to Yu. M. Lotman, Karamzin created such works that include both narrative and lyrical features. In this article, we will consider the main works of Karamzin in the genre of lyrical prose and poems in prose, analyze the processes of their development and the main artistic features, as well as the aesthetic principles of Karamzin, which manifest themselves in different stages of creativity. Karamzin's novelty in the genre corresponds to his aesthetic principle, his desire to overcome the canons of the classical style. The strict division of genres is weakening. For Karamzin, poetry and prose are not components of his work that are different in their essence and purpose. They are essentially one and closely related to each other. In the process of developing Karamzin's lyrical prose, an important place is occupied by a lyrical monologue, which usually lacks a specific plot. Based on the experience of creating a lyrical monologue, Karamzin combined a plotless lyrical monologue with a storyline, created the first lyrical novel in the history of Russian literature, Bornholm Island, in which the main thing is not the course of objectively occurring events, but the change of the author's moods associated with them. Among the prose poems created by Karamzin, "Sierra Morena" is distinguished by an elegiac tone. It is an elegy in prose with lyrical reflection on philosophical themes. The elegiac character of this work gives unity to the lyrical mood.

Keywords: N. M. Karamzin, Yu. M. Lotman, Genre synthesis, lyrical prose, prose poem, creative position

Acknowledgments. The writing of this paper was supported by the Significant National Social Science Fund of China "Chinese translation and research of Yuri Lotman's collections" (21&ZD284) and the Postgraduate Research & Practice Innovation Program of Jiangsu Province "A study of the author's theory from the point of view of Yuri Lotman's structural semiotics" (KYCX24_0072).

For citation: Zhu Biying. Genre synthesis: Lyrical prose and a poem in prose by N. M. Karamzin. *Speech Genres*, 2024, vol. 19, no. 3 (43), pp. 256–265 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-3-43-256-265>, EDN: PAUGRO

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Н. М. Карамзин выступал в истории русской литературы не только как прозаик, но и как поэт. «Проза и поэзия Карамзина <...> взаимодополняя друг друга, составляли как бы два полюса – повествовательный и лирический – единой творческой позиции писателя» [1: 435]. Кроме прозы и поэзии, Карамзин создал и такие произведения, которые включают в себя особенности и повествовательную, и лирическую. По мнению литературоведа и культуролога Ю. М. Лотмана, Карамзин создал первые образцы русской лирической прозы и первое в русской поэзии стихотворение в прозе [1: 446]. Новизна Карамзина в жанре соответствует его эстетическому принципу, его стремлению преодолеть каноны классицистического стиля. Строгое разделение жанров ослабевает, и появляются первые в истории русской литературы произведения в жанре лирической прозы и стихотворения в прозе. В этой статье мы будем рассматривать главные произведения Карамзина в жанре лирической прозы и стихотворения в прозе, анализировать процессы их развития и основные художественные особенности.

Процесс развития и главные особенности лирической прозы Карамзина

Известный русский и советский прозаик М. М. Пришвин так оценивает свою лириче-

скую прозу: «Благодарил свою судьбу, что вошел со своей поэзией в прозу, потому что поэзия может двигать не только прозу, но самую серую жизнь делать солнечной» [2: 171]. Эти слова образно раскрывают поэтическую природу лирической прозы. Лирическая проза, по мнению Д. Муравьева, это любая эмоционально насыщенная, пронизанная авторским чувством художественная проза. Она «в таком широком толковании представляет собой не самостоятельный жанр, а стилевую характеристику самых различных видов художественной прозы», а в точном смысле «является прозаической разновидностью лиро-эпического жанра» [3: 175–176]. Лотман использует этот термин, чтобы подчеркнуть лирическую и поэтическую характеристики некоторых прозаических произведений Карамзина. В связи с тем что такие произведения обычно являются повестями, Лотман часто использует в своем исследовании и термин «лирическая повесть». Действительно, жанр повести очень близок к лирике, как отмечает Д. С. Лихачев в предисловии к книге А. И. Кузьмина «Повесть как жанр литературы», «из всех прозаических жанров повесть ближе всего к лирике. Этот жанр связан с размышлениями, иногда вполне открытыми, прямыми, авторскими» [4: 3].

Говоря о лирической прозе Карамзина, мы должны прежде всего проанализировать другую важную жанровую разновидность –

лирический монолог, который занимает важное место в процессе развития лирической прозы писателя. «Если наиболее характерными для художественной манеры предыдущего периода были “Письма русского путешественника” <...> то теперь все большее значение начинает получать лирическая “исповедь” неопределенной формы», и такая лирическая «исповедь» также называется «лирическим монологом» [1: 329]. В. В. Виноградов отмечает, что «монолог – это особая форма стилистического построения речи, тяготеющая к выходу за пределы социально-нивелированных форм семантики, синтагматики. <...> Для монолога же необходимы лишь творческая сила индивидуального своеобразия и соответствующая традиция общественно-бытовых форм речи» [5: 19]. Очевидно, что монолог является подходящей формой речи для выражения собственных чувств, и поэтому он тесно связан с так называемым лирическим характером. По мнению польского историка литературы Станислава Серотвинского, лирический монолог – это «вариант монолога, форма выражения в лирической поэзии, возникновение лирического сюжета с ярко выраженной эмоционально-рефлексивной окраской» [6: 147]. Полагаем, исследователь правильно отмечает главную функцию лирического монолога, но ограничивает этот термин поэтическим жанром. По нашему мнению, монолог является важным лирическим приемом, который употребляется в произведениях разных родов и жанров литературы, в том числе эпосе, драме и лирике.

Такие произведения, как «Ночь» (1792), «Цветок на гроб моего Агатона» (1793) и «Деревня» (1803), Лотман считает лирическими монологами Карамзина [1: 330]. На наш взгляд, лирический монолог Карамзина имеет следующие особенности. Во-первых, лирическим объектом обычно является влюбленная, афинский трагик и природный пейзаж. В этих текстах нет конкретного сюжета. Объект изображения – субъективное ощущение, то есть «субъективное состояние души человека» [1: 329]. В лирических монологах Карамзина ярко выражен большой интерес автора к природе, переживаниям и жизненной обстановке простого человека, что соответствует признакам сентиментализма. Необходимо отметить, что природа имеет особое значение для писателя – она является нерукотворным знаком простоты, чистоты, свободы и святости. Например, в «Деревне» ярко проявляется противопоставление деревни и города как естественного и искусственного объектов: «Вижу сад, аллею, цветники – иду мимо их – осиновая роща для меня привлекательнее. В деревне всякое искусство противно. Луга,

лесе, река, буераке, холме, лучше французских и Английских садов. Все сии маленькие дорожки, песком усыпанные, обсаженные березками и липками, производят во мне какое то противное чувство. <...> Нет, нет! я никогда не буду украшать Природы. Деревня моя должна быть деревнею – пустынею. Дикость для меня-священна; она возвеличивает духе мой» [7: 104–105]. В цикле «Возвратился к садам и полям» великого китайского поэта идиллий Тао Юаньмина (陶淵明, 365–427) есть такие стихи: «Как я долго, однако, прожил узником в запертой клетке / И теперь лишь обратно к первозданной свободе пришёл» [8: 42]. Для Карамзина «клетка» – это не только городская жизнь, но и каноны классицизма. Его привлекают первозданная красота природы, простота сельской жизни, творческая свобода. Во-вторых, в лирическом монологе Карамзина удивительно проявляется признак «потока сознания», который предлагал американский философ и психолог Уильям Джеймс в 1884 году. Литература «потока сознания» посвящена изображению бессознательной деятельности персонажей, использует свободные ассоциации [9: 61]. В лирическом монологе Карамзина обычно отсутствует конкретный сюжет. Главное содержание в нем – это предметы-образы, которые «подчиняются не закону объективной причинности, а субъективным ассоциациям» [1: 329]. Например, «Часто дух наш на крыльях воображения облетал небесные пространства, где Орионе и Сириус в златых венцах сияют» [7: 3–4]. Более того, один из главных лирических приемов писателя – это «прибегать к своеобразному синтаксису – системе соединенных с помощью тире фраз, из которых каждая выражает не законченную мысль, а отрывочный намек» [1: 329]. Например, «Выхожу из рощи – солнце льет на меня пламя – ветерок не дышит – сребрящиеся листочки осинника не колеблются, легкое перо лежит на мураве неподвижно – василек повесил свою головку: пестрая Сильфида отдыхает на нем» [7: 107]. Этот прием, на наш взгляд, в определенной степени придает лирическому монологу особенность киноискусства. С точки зрения современного кинематографа, здесь тире как будто играет роль приема «монтажа» или движения камеры крупным планом, что представляет читателям кадры смены субъективных состояний лирического героя. Кроме того, поток сознания лирического героя обычно кончается философскими думами, связанными с природой. Например, концовка «Деревни» такова: «Я один иду по тихой равнине, в молчании, в глубокой задумчивости. Но вдруг душа моя содрогается от внезапного блеска огненных лучей. Смотр-

рю на восточное небо там в сизых тучах блистает молния, и освещает передо мною развалины старой церкви и густую травую заросшие могилы. С другой стороны восходит светлая луна; небо вокруг ее чисто. – Так мрак и свет, порок и добродетель, буря и спокойствие, скорбь и радость, совокупно владычествуют в нашем мире!» [7: 110–111].

Впоследствии Карамзин на основе опыта создания лирического монолога соединил бессюжетный лирический монолог с сюжетной повестью, создал первую в истории русской литературы лирическую повесть «Остров Борнгольм» (1793) – центральное художественное произведение первого тома альманаха «Аглая». Герой этой повести также является русским путешественником. Он выполняет роль рассказчика, ведет повествование о своих путешествиях по чужим землям. «Остров Борнгольм» дает романтическую версию странствий. Это повесть, посвященная воображаемым путешествиям в географическом, культурном и временном пространстве [1: 100; 240]. Хотя в «Острове Борнгольм» уже есть конкретный сюжет, и автор даже сознательно подчеркивает повествовательность произведения: «Сядем вокруг алого огня и будем рассказывать друг другу сказки и повести, и всякие были. <...> Слушайте – я повествую – повествую истину, не выдумку» [10: 661], в этом произведении главное не ход объективно происходящих событий, а смена связанных с ними настроений автора. «Центральный эпизод повести остается так и не рассказанным, излагаются только связанные с ним переживания автора» [1: 330]. Как отмечает О. Б. Лебедева, «истинный сюжет повести сосредоточен не в этом объективном пласте его содержания, а в неуклонном нагнетении эмоционального аффекта, усиливающегося от эпизода к эпизоду с той же последовательностью, с какой картины внешнего мира сменяют одна другую» [11: 390]. Например, герой на берегу против местечка Гревзенда встречает молодого человека, который держит гитару в одной руке, и благодаря рассказу от первого лица, читатель имеет возможность узнать о переживаниях героя: «Несчастный молодой человек! – **думал** я. – Ты убит роком. Не знаю ни имени, ни рода твоего; но знаю, что ты несчастлив!» [10: 665] И когда герой первый раз приехал на остров Борнгольм, в его сердце появилось невыразимое чувство: «<...> Я смотрел на остров, который **неизъяснимою силою** влек меня к берегам своим; **темное предчувствие** говорило мне: “Там можешь удовлетворить своему любопытству, и Борнгольм останется навеки в твоей памяти!”» [Там же]. Здесь монолог может рассматриваться

как своего рода «самокоммуникация», которая раскрывает внутренний конфликт героя и продвигает сюжет вперед. В повести Карамзин изображает тонкие эмоциональные состояния персонажей – как известно, он считается «новатором в области художественного психологизма» [12: 46]. К тому же в этом произведении немало пейзажных описаний, которые воспринимаются лишь как средство «самораскрытия» авторской субъективности. С точки зрения традиционной теории литературы Китая, «взволноваться от увиденного» и «переплетение чувств и образов» – важные поэтические приемы [13: 693]. Пейзажное описание в конце повести считается типичным: «Море шумело. В горестной задумчивости стоял я на палубе, взявшись рукою на мачту. Вздохи теснили грудь мою – наконец я взглянул на небо и ветер свеял в море слезу мою» [10: 673]. Чувства героя и морской пейзаж сложно переплетаются – шумное море символизирует сильное беспокойство героя, низкое небо над морем усиливает его горе, морской ветер уносит слезу, а эта слеза становится частью моря. В этом отрывке ярко проявляются лирические элементы в прозаическом тексте Карамзина.

Вместе с тем следует отметить, что с появлением лирической повести Карамзин не только не перестал писать лирические монологи, но и развил этот жанр. В 1794 г. Карамзин написал короткий рассказ «Дремучий лес. Сказка для детей», с подзаголовком: «Сочиненная в один день на следующие заданные слова» (следует список слов). Раньше этот рассказ почти не привлекал внимания исследователей. Однако Лотман заметил, что в одном справочнике русских изданий на иностранных языках зафиксирована важная брошюра, единственный сохранившийся экземпляр которой был обнаружен в Исторической библиотеке в Москве [1: 236]. Эта брошюра примечательна, так как она содержит записи литературных игр, в которых Карамзин принимал участие в Знаменском летом 1794 г. Создание рассказов с помощью заданных слов является главной формой среди литературных игр. Таким образом, Лотман пришел к выводу, что по созданию лирического монолога в литературной игре, «знаменская реальность переключается в идиллию». И по нашему мнению, лирический монолог Карамзина вступает в новый этап: его связи с реальной жизнью и окружающим миром усилились.

Появление «Афинской жизни» (1803) ознаменовало следующий этап создания Карамзиним лирической прозы. В этой повести Карамзин повествует о воображаемом путешествии героя в идиллическую древность. Произве-

дение начинается восклицаниями, которые задают главную тональность последующему тексту: *«Греки, Греки! Кто вас не любит? Кто с холодным сердцем может вообразить себе прекрасную картину древних Афин? <...> и жизнь их была, так сказать, самую цветущею Поэзиею»* [7: 56]. В этой повести ярко выражено тяготение Карамзина к классике, к античности как к недостижимому этическому образцу, поэтому П. Н. Берков называет «Афинскую жизнь» «исторической» идиллией-утопией [10: 51]. По мнению В. Б. Муравьева, в «Афинской жизни» Карамзин изображает быт древних Афин, рисует картины уличной жизни, театральное представление и т. д., поэтому она, по сути, представляет собой научно-художественный просветительский очерк, получивший широкое распространение в русской литературе лишь на грани XIX и XX столетий [14]. О. Э. Подойницына отмечает сложность и неопределенность жанра «Афинской жизни». По ее мнению, это произведение, в сущности, не повесть, так как в ней нет ни сюжета, ни системы образов: «Это отчасти эмоциональный монолог, отчасти философское раздумье, нацеленное на то, чтобы противопоставить идеализированный античный мир маловыразительной, скучной, приземленной современности» [15: 31]. Однако Лотман рассматривает «Афинскую жизнь» как лирическую повесть, как следующий этап соединения сюжетного и лирического начал. Он не только не отрицает существования в повести сюжета, но и подчеркивает своеобразие сюжета данного произведения. По его мнению, «Афинская жизнь» имеет «развернутую описательную часть, наделенную внешними признаками эпического повествования» [1: 332]. Лотман отмечает главную сюжетную специфику этой повести: во всех сюжетных частях описываются не реальные жизненные факты, а условный мир, созданный произволом авторской фантазии. Герой повести уходит в мир воображения и становится как бы жителем давних времен: *«Смейтесь, друзья мои! но я отдал бы с радостью свой любимый темный фрак за какой-нибудь Греческой хитон – и в минуты приятных мыслей отдаю его – завертываюсь в пурпуровую мантию (разумеется, в воображении) – покрываю голову большою, распущенною шляпою, и выступаю, в Альцибиадовских башмаках, ровным шагом, с философскою важностию – на древнюю Афинскую площадь...»* [7: 56–57]. Далее идет описание площади, наполняющего ее народа, уличных сцен и разговоров в древних Афинах. В повести ярко проявляется противопоставление «воображение – действительность». В основной части повести описывается условный

мир, а во введении и заключении описывается эмпирическая, чувственно воспринимаемая действительность. Так, повесть начинается словами: *«Наш век имеет свои преимущества – знаю – и великие преимущества. Однако ж –»* [7: 56]. Далее автор уходит в мир воображения. А в концовке автор пробуждается от мечтаний: *«О друзья! все проходит, все исчезает! Где Афины? Где жилище Гиппиево? Где храм наслаждения? Где моя Греческая мантия? – Мечта! мечта! Я сижу один в сельском кабинете своем, в худом шлафроке, и не вижу перед собою ничего, кроме догорающей свечки, измаранного листа бумаги и Гамбургских газет, которые завтра поутру (а не прежде: ибо я хочу спать нынешнюю ночь покойным сном) известят меня об ужасном безумстве наших просвещенных современников»* [7: 79–80].

Хотя в сюжетных частях описывается условный мир, в «Афинской жизни» есть событийная композиция. «Пурпуровая мантия» дарует волшебство, помогая герою свободно перемещаться по различным пространствам повседневной жизни в Афинах. «Темный фрак» и «пурпуровая мантия» – это разные знаки культуры, которые символизируют образы жизни современников Карамзина и древних греков. По мнению Карамзина, реальный мир является хаотичным и трагичным, а мир воображения – это прекрасный мир, мир условной гармонии. Он полностью признает ценность поэзии в повседневной жизни и важность счастья в жизни. В целом в этом произведении отражаются ностальгия автора по прошлому и субъективизм в его творчестве.

Особенности стихотворения в прозе Карамзина

Согласно определению М. Л. Гаспарова, стихотворение в прозе – это **«лирическое произведение в прозаической форме»**; обладает такими признаками лирического стихотворения, как небольшой объем, повышенная эмоциональность, обычно бессюжетная композиция, общая установка на выражение субъективного впечатления или переживания, но не такими, как метр, ритм, рифма» [16: 425]. Обобщающая часть данного определения – «лирическое произведение в прозаической форме» бесспорна. Однако мы не полностью согласны с этим определением. В стихотворении в прозе все же имеется ритм, который приобретает здесь повышенную семантическую нагрузку. Более того, тезис о «бессюжетности» не вполне справедлив. Во многих стихотворениях в прозе наличествуют минисюжеты, микрособытия, а в некоторых произведениях, вместо сюже-

та, имеется событийный сдвиг в сознании лирического субъекта [17: 49–50]. В целом стихотворению в прозе присущи двойственные особенности прозы и поэзии: «От прозы стихотворение в прозе заимствует свободу, смелость, независимость тона. От поэзии этот жанр берет лирическую тональность, ритмы, созвучия, стилевые фигуры» [18: 1]. В произведениях в этом жанре реализуются сложные мировоззренческие, эстетические взгляды поэта и его поэтические принципы. Принято считать, что стихотворение в прозе – это жанр современной литературы, основателем которого является французский поэт Шарль Бодлер (1821–1867). Однако Карамзин уже в конце XVIII века создал первое в русской поэзии стихотворение в прозе, что привлекло наше внимание.

Ранний опыт стихотворения в прозе в творчестве Карамзина – «Песня цюрихского юноши», включенная в «Письма русского путешественника». Объем этого произведения небольшой: в нем всего 138 слов. По мнению Лотмана, стихотворение в прозе обычно распадается на своеобразные прозаические строфы, отделенные в тексте как строфы в стихотворении [1: 330]. «Песня цюрихского юноши» состоит из пяти абзацев. Кроме четвертого абзаца, все остальные абзацы начинаются одинаковыми обращениями «Отечество мое!» Кроме того, тексты первого, третьего и пятого абзацев совпадают: *«Отечество мое! Любовь к тебе горит вся кровь моя; для пользы твоя готов ее пролить; умру твоим нежнейшим сыном»* [19: 89–90]. Это приводит к тому, что весь текст стихотворения в прозе в некоторой степени напоминает романс, а повторяющаяся часть в нем напоминает рефрен. Как известно, «повтор» является основным принципом «текстообразования» в поэзии. Повторяемость придает стихотворению в прозе чувство ритма и поэтичность. Единственный абзац, в котором нет повторяющегося элемента: *«Мы все живем в союзе братском; друг друга любим, не боимся и чтим того, кто добр и мудр. Не знаем роскоши, которая свободных в рабов, в тиранов превращает. Начто нам блеск искусств, когда Природа здесь сияет во всей своей красе – когда мы из груди ее пием блаженство и восторг?»* [19: 90]. В этом абзаце ярко выражена центральная идея данного произведения – идея о братском союзе, а кроме того, проявляется влияние поверхностного руссоизма на Карамзина [1: 317]. Равенство для Карамзина значит законодательное запрещение пользоваться благами богатства. Об этом свидетельствует письмо из Берна в «Письмах русского путешественника»: *«Домы почти*

все одинакие: из белого камня, в три этажа, и представляют глазам образ равенства в состоянии жителей, не так, как в иных больших городах Европы, где часто низкая хижина преклоняется к земле под тению колоссальных палат» [20: 128]. Под влиянием эгалитаризма Руссо Карамзин считает роскошь и искусство источником неравенства: именно роскошь превращает свободных в рабов и тиранов, а искусство кажется лишним по сравнению с красотой Природы.

Когда речь идет о первом настоящем стихотворении в прозе, по мнению Лотмана, это посвящение ко второй книжке «Аглаи», которая вышла в 1794 г. [1: 330]. Посвящение написано в характерной форме лирически-медитативного стихотворения в прозе. Чтобы выяснить смысл этого произведения, сначала нужно обратить внимание на реальную биографию Карамзина. Во-первых, мы не можем игнорировать лирический объект «Посвящения к “Аглае”». Читатели тех лет относили слова, обращенные к Аглае, в адрес Настасьи Плещеевой – близкой подруги Карамзина. Между ними появились совершенно необычные, чистые, возвышенно-дружественные и одновременно чувствительно-близкие отношения [1: 226]. Карамзин посвятил ей свои труды, что придавало альманаху интимный характер. Однако Лотман рассматривает такое поведение Карамзина как некоторую литературную тактику. По его мнению, Карамзин превратил свою сентиментальную дружбу с Настасьей Ивановной из факта своей интимной биографии в факт культуры своего времени и своей литературной деятельности. Но содержание выпуск альманаха «Аглая» все же не по-настоящему интимно. Это имитация дружески-непосредственного общения. Например, «Посвящение к “Аглае”» начинается с нежного обращения к лирическому объекту: *«Тебе, любезная, посвящаю мою “Аглаю”, тебе, единственному другу моего сердца!»* [19: 135]. Этим создается лирическая тональность данного стихотворения в прозе. Во-вторых, нам нужно обратить внимание на настроения Карамзина в эти годы. Как отмечает Лотман, «тяжелый кризис ему пришлось пережить в период между маем и сентябрем 1793 г. Превращение революции в гражданскую войну, выступления санкюлотов, террор заставили Карамзина отказаться от веры в прогресс. Переживаемые им тяжелые настроения усугублялись все более открыто реакционным курсом русской внутренней политики» [21: 560]. Поэтому Карамзин не мог чувствовать себя в безопасности, и такие настроения, конечно, отразились во втором томе «Аглаи». В «Посвящении к “Аглае”» также существуют

прозаические строфы и повторные предложения, напоминающие поэтические строки: «**Мы живем в печальном мире; но кто имеет друга, то пади на колена и благодари вездесущего! / Мы живем в печальном мире, где часто страдает невинность, где часто гибнет добродетель; но человек имеет утешение – любить!**» [19: 135]. Мы замечаем, что повторная часть «Мы живем в печальном мире» впервые появилась в 1791 г. в стихотворении Карамзина «Веселый час». Здесь проявляется оптимистическое настроение поэта: «**Мы живем в печальном мире; / <...> Всё печальное забудем, / Что смущало в жизни нас; / Петь и радоваться будем / В сей приятный, сладкий час!**» [19: 101]. Однако «Посвящение к “Аглае”» пронизано пессимизмом: «**Исчезли призраки моей юности; угасли пламенные желания в моем сердце; спокойно мое воображение. / Ничто не прельщает меня в свете. Чего искать? К чему стремиться?.. К новым горестям?..**» [19: 135]. Очевидно, что стихотворение в прозе «Посвящение к “Аглае”» переключается со стихотворением «Веселый час», и последнее в некоторой степени служит контекстом первого. Появилось противопоставление, с помощью которого создались глубокое символическое значение и философский смысл.

«Сиерра-Морена» – это одно из центральных произведений второго тома «Аглаи». Среди стихотворений в прозе, созданных Карамзиным, «Сиерра-Морена» отличается элегическим тоном. Сюжет этого произведения несложен: герой-рассказчик приехал из России в Испанию. В цветущей Андалузии, где течет река Гвадалквивир и возвышается гора Сиерра-Морена (Черная гора), он увидел прекрасную Эльвиру и в нее влюбился. У Эльвиры был жених – Алонзо, который погиб в пучине моря. Эльвира соорудила на берегу моря памятник возлюбленному и поклялась ему в вечной верности. Однако ее сердце не смогло не ответить на любовь героя-рассказчика. Когда же они шли к алтарю, чтобы стать мужем и женой, явился Алонзо, которого спасли и долго держали в рабстве алжирцы. Он решил своей смертью наказать неверную возлюбленную. В финале Эльвира погребла несчастного Алонзо на том месте, где оплакивала некогда его смерть, оказавшуюся мнимой, и ушла в монастырь, где и скончалась, после чего герой-рассказчик начал свой обратный путь. Лотман отмечает, что в соответствии с подзаголовком «Элегический отрывок», «Сиерра-Морена» имеет характер элегии в прозе [1: 329]. Здесь он имеет в виду не «жанр элегии», а «элегический модус». По мнению Г. А. Токаревой,

«лирические жанры наименее подвержены канонизации в силу их субъективизма» [22: 7]. В «Сиерра-Морене» впечатление элегическое достигается «и усилением элементов ритма, и широко применяемыми эвфоническими приемами» [1: 329]. Например, «**Эльвира говорила мне о своем незабвенном Алонзе, описывала красоту души его, свою любовь, свои восторги, свое блаженство**» [10: 675]. «**Тихая ночь – вечный покой – святое безмолвие! К вам, к вам простираю мои объятия!**» [10: 678]. «Трагический пафос окажется самым устойчивым признаком элегии как жанра <...> дериват термина “элегия” становится маркером широкого круга лирических (а порой и не только лирических) текстов определенной эмоциональной тональности – элегической» [17: 8]. Очевидно, что в «Сиерра-Морене» элегическое настроение связано с утраченной любовью. «Элегический характер отрывку придает единство лирического настроения» [1: 331]. Кроме того, субъективно-лирический характер произведения также проявляется в следующих аспектах. Во-первых, Карамзин использует такие испанские имена, как Эльвира и Алонзо, вместо традиционных русских имен, которые характерны для его ранних повестей. Использование иностранных имен, с одной стороны, соответствует географическому контексту произведения («Гишпаниа»), а с другой – усиливает неоднородность нарративного пространства, что создает условия для субъективной организации произведения. Во-вторых, Карамзин использует для обозначения субъективного чувства прилагательные, которые означают «не столько объект, сколько отношение к нему автора» [1: 331]. Например: «**Там увидел я прекрасную**», «**я успокоил милую**» [10: 674; 676]. В-третьих, «ночь» является важным элементом в развитии действия. Например, «**Часто темная ночь застигла нас в отдаленном уединении. <...> Я был с нею!.. Я радовался сгущению ночных мраков**» [10: 675]. Ночь – это время, когда защитные механизмы психики становятся менее эффективными, что создает условия для «замкнутости героя на собственном сознании (“путешествие в себя”)» [23: 95].

Следует отметить, что в «Сиерра-Морене» ярко выражено размышление автора на философские темы. По мнению Карамзина, человек (авторское «я») живет одиноким в мире: «**мертвое, страшное уединение окружало меня**» [10: 678]. В концовке произведения развалины древней Пальмиры напоминают писателю о быстротечности человеческой жизни, и он «остро чувствует мгновенность, эфемерность своего бытия» [1: 331]. «**Наконец я удалился от Сиерры-Морены – оставил Андалузию, Гишпанию, Европу, – ви-**

дел печальные остатки древней Пальмиры, некогда славной и великолепной, – и там, опершись на развалины, внимал глубокой, красноречивой тишине, царствующей в сем запустении и одними громами прерываемой. Там, в объятиях меланхолии, сердце мое размягчилось, – там слеза моя оросила сухое тление, – там, помышляя о жизни и смерти народов, живо восчувствовал я суету всего подлунного и сказал самому себе: **“Что есть жизнь человеческая? Что бытие наше? Один миг, и все исчезнет! Улыбка счастья и слезы бедствия откроются единою горстию черной земли!”**– Сии мысли чудесным образом успокоили мою душу» [10: 678]. По нашему мнению, важность этого отрывка заключается в том, что Карамзин осознает, что человек ничтожен перед лицом природы, перед тайнами мироздания. Философские размышления о смысле жизни, о месте человека в этом мире, о его взаимоотношениях с природой – вечные темы в мировой литературе. Писатели разных времен и стран создали множество произведений на эти темы. Например, великий китайский поэт и эссеист Су Ши (苏轼, 1037–1101) написал в 1082 году поэму в прозе «Фу о красных скалах (сказ первый)» (Фу – жанр литературы Древнего Китая, сочетающий в себе прозу и поэзию, является своего рода стихотворением в прозе или поэмой в прозе), в котором есть такие слова: «<...> Мы казались себе мотыльками / Между ширью небес и землей / Или зернами риса в безбрежной стихии морской...» И изрек он, мой гость: **“Опечален я: жизнь – это миг! / Полон зависти я: бесконечно течение Чанцзян! <...> “А доподлинно знает ли гость, / Что такое – вода, что такое – луна? / Все идет чередой, как вода, как течение реки, / Все идет чередой, но ничто никогда не уйдет <...>”** [24: 150]. Во время посещения Красных скал Су Ши осознает ничтожность человечества, необъятность природы, скоротечность жизни и вечность истории. Карамзин тоже считает, что все пройдет, все покроется “черной землей”. Черная земля, вода или луна – все это символы вечной природы. Хотя Су Ши не был известен Карамзину, эти два произведения в определенной степени можно рассматривать как диалог между русским и китайским писателями во времени и пространстве. Разница, однако, в том, что в “Фу о красных скалах (сказ первый)” философские размышления автора вызывает реальный пейзаж, а в “Сиерре-Морене” – воображаемый пейзаж, по Лотману, «“лирические” развалины» [1: 331]. В произведении «Мелодор к Филалету» Карамзина также есть такие воображаемые развалины: «<...> прости мне смелое вы-

ражение – видеть все **развалины надежд и замыслов**, над которыми в тихие часы ночи сетует ныне дух мой» [25: 245]. Кроме того, мы также отмечаем связь между развалинами Пальмиры в «Сиерре-Морене» и реальной жизнью Карамзина. В одном из писем Карамзина к И. И. Дмитриеву в 1793-ом году есть такие слова: **«Поверишь ли, что ужасные происшествия Европы волнуют всю душу мою? Бегу в густую мрачность лесов»** [26: 42]. Видно, что Карамзин был глубоко разочарован политической обстановкой в Европе и России того времени, и вот почему он использовал слово «Пальмира» («Северная Пальмира» – образное название Петербурга, возникшее в царствование Екатерины II [27: 566]).

В целом стихотворение в прозе Карамзина имеет огромное значение для истории русской литературы. Принято считать, что стихотворение в прозе – это новый жанр, который в русской литературе создал И. С. Тургенев. Однако в произведениях Тургенева нам нетрудно найти влияние Карамзина. Например, в стихотворении в прозе «Разговор» Тургенев с точки зрения двух гор описывает ничтожность человека и вечность природы. Для Юнгфрау и Финстерааргорн в Альпах минута как тысячелетия человечества, которые проходит незаметно для гор: **«Проходят тысячи лет – одна минута»** [28: 127]. В Карамзине мы в некоторой степени можем видеть предшественника Тургенева. Говоря о влиянии стихотворения в прозе Карамзина, Лотман тоже отмечает, что в нем «проявляется получившая потом столь сильное развитие в романтической поэтике и тесно связанная с субъективистскими, агностическими представлениями идея невыразимости мысли в слове» [1: 331–332].

Заключение

Итак, в произведениях лирической прозы и стихотворения в прозе Карамзина ярко выражен нарастающий субъективизм в мировоззрении и художественном методе писателя. В этих произведениях на первом плане не объективная действительность, а мир авторских переживаний. Мир для Карамзина этих лет – «китайские тени моего воображения» [1: 670]. Читатель словно путешествует по внутреннему миру Карамзина. Для Карамзина поэзия и проза – это не разные по своему существу и назначению составляющие его творчества. Они по сути являются едиными и тесно связаны друг с другом. Карамзин соединил особенности лирическую и повествовательную и создал первые в России произведения в жанре лирической прозы и стихотворения в прозе, такие как «Остров

Борнгольм», «Посвящения к “Аглае”» и др. В жанровом синтезе Карамзина мы можем видеть огромную инновационность писателя, его стремление преодолеть каноны классицизма. Недаром Пушкин считает, что Карамзин –

«великий писатель во всем смысле этого слова». Карамзин является великим писателем, имеющим огромное значение для истории не только русской, но и мировой литературы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лотман Ю. М. Карамзин. СПб. : Искусство-СПб, 1997. 829 с.
2. Пришвин М. М. Собрание сочинений : в 8 т. Т. 7. М. : Художественная литература, 1984. 479 с.
3. Тимофеев Л. И. Словарь литературоведческих терминов. М. : Просвещение, 1974. 509 с.
4. Кузьмин А. И. Повесть как жанр литературы. М. : Знание, 1984. 112 с.
5. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М. : Издательство Академии наук СССР, 1963. 255 с.
6. Stanisław Sierotwiński. Słownik terminów literackich. Wrocław : Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1986. 307 p. (Станислав Серотвинский. Словарь литературных терминов. Вроцлав : Национальный институт им. Оссолинских, 1986. 307 с.)
7. Карамзин Н. М. Сочинения Карамзина : в 9 т. Т. 7. СПб. : Тип. А. Смирдина, 1834. 296 с.
8. Тао Юаньмин. Лирика / пер. с китайского Л. Эй-длина. М. : Художественная литература, 1964. 151 с.
9. 朱立元 当代西方文艺理论. 上海: 华东师范大学出版社, 2014. 435 p. (Чжу Лиюань. Современная западная литературная теория. Шанхай : Восточно-Китайский педагогический университет, 2014. 435 с.)
10. Карамзин Н. М. Избранные сочинения : в 2 т. Т. 1. М. ; Л. : Художественная литература, 1964. 810 с.
11. Лебедева О. Б. История русской литературы XVIII века. М. : Высшая школа, 2003. 415 с.
12. Кудреватых А. Н. Новаторство Н. М. Карамзина-психолога в повести «Остров Борнгольм» // Филологический класс. 2013. № 4. С. 46–52.
13. 刘颺 文心雕龙 (范文澜注). 北京: 人民文学出版社, 1962. 761 p. (Лю се Резной дракон литературной мысли с коммент. Фань Вэньляня. Пекин : Народная литература, 1962. 761 с.)
14. Муравьев В. Б. Карамзин. М. : Молодая гвардия, 2014. URL: <https://libcat.ru/knigi/dokumentalnye-knigi/biografii-i-memuary/113584-vladimir-muravev-karamzin.html> (дата обращения: 21.09.2023).
15. Подойницына О. Э. Стихи в прозаических произведениях Н. М. Карамзина // Наука и школа. 2012. № 1. С. 29–31.
16. Гаспаров М. Л. Стихотворение в прозе // Кожевникова В. М., Николаева П. А. Литературный энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1987. 750 с.
17. Тюпа В. И. Стихотворение в прозе: проблема жанровой идентичности // Новый филологический вестник. 2007. № 2. С. 49–57.
18. Максимова Т. М. Назначение жанра стихотворения в прозе // Вестник ИГЭУ. 2010. № 1. С. 1–6.
19. Карамзин Н. М. Полное собрание стихотворений. М. ; Л. : Советский писатель, 1966. 424 с.
20. Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1984. 717 с.
21. Лотман Ю. М., Успенский Б. А. «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии

русской культуры // Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1984. 717 с.

22. Токарева Г. А. О жанре элегии и элегическом модусе // Вестник КРАУНЦ. Серия «Гуманитарные науки». 2017. № 1. С. 7–11.

23. Кудреватых А. Н. Специфика субъектной организации в повести Н. М. Карамзина «Сиерра-Морена» // Уральский филологический вестник. Серия : Русская классика: динамика художественных систем. 2013. № 1. С. 93–101.

24. Семанов В. И., Бежин Л. Е. Китайская пейзажная лирика III–XIV вв. (Стихи, поэмы, романсы, арии). М. : МГУ, 1984. 255 с.

25. Карамзин Н. М. Избранные сочинения : в 2 т. Т. 2. М. ; Л. : Художественная литература, 1964. 591 с.

26. Карамзин Н. М. Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1866. 727 с.

27. Белова Л. Н., Булдаков Г. Н., Дегтярев А. Я. Санкт-Петербург. Петроград. Ленинград. Энциклопедический справочник. М. : Большая Российская Энциклопедия, 1992. 687 с.

28. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Сочинения : в 12 т. Т. 10. М. : Наука, 1982. 606 с.

REFERENCES

1. Lotman Yu. M. *Karamzin*. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB, 1997. 829 p. (in Russian).
2. Prishvin M. M. *Collected works: in 8 vols., vol. 7*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1984. 479 p. (in Russian).
3. Timofeev L. I. *Slovar' literaturovedcheskikh terminov* [Dictionary of Literary Terms]. Moscow, Prosveshchenie, 1974. 509 p. (in Russian).
4. Kuzmin A. I. *Povest' kak zhanr literatury* [The Story as a Genre of Literature]. Moscow, Znanie, 1984. 112 p. (in Russian).
5. Vinogradov V. V. *Stilistika. Teoriya poeticheskoi rechi. Poetika* [Stylistics. Theory of poetic speech. Poetics]. Moscow, Academy of Sciences of the USSR, 1963. 255 p. (in Russian).
6. Stanislaw Serotvinsky. *Dictionary of Literary Terms*. Wrocław, National Institute named after Ossolinskikh, 1986. 307 p. (in Polish).
7. Karamzin N. M. *Sochineniya Karamzina : v 9 t.* [Karamzin's works: in 9 vols., vol. 7]. St. Petersburg, A. Smirdin's Type, 1834. 296 p. (in Russian).
8. Tao Yuanming. *Lyrics*. Translated from Chinese by L. Eidlin. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1964. 151 p. (in Russian).
9. Zhu Liyuan. *Modern Western Literary Theory*. Shanghai, East China Normal University, 2014. 435 p. (in Chinese).
10. Karamzin N. M. *Izbrannye sochineniya : v 2 t. T. 1.* [Selected works: in 2 vols., vol. 1]. Moscow, Leningrad, Khudozhestvennaya literatura, 1964. 810 p. (in Russian).

11. Lebedeva O. B. *Istoriya russkoi literatury XVIII veka* [History of Russian Literature of the XVIII Century]. Moscow, Vysshaya shkola, 2003. 415 p. (in Russian).
12. Kudrevatykh A. N. The innovation of N. M. Karamzin, a psychologist in the story “Bornholm Island”. *Philological Class*, 2013, no. 4, pp. 46–52 (in Russian).
13. Liu xie. *The Literary Mind and the Carving of Dragons with a comment. Fan Wenlan*. Beijing, Folk Literature, 1962. 761 p. (in Chinese).
14. Muravyov V. B. *Karamzin*. Moscow, Molodaya Gvardiya, 2014. Available at: <https://libcat.ru/knigi/dokumentalnye-knigi/biografii-i-memuary/113584-vladimir-muravev-karamzin.html> (accessed September 21, 2023) (in Russian).
15. Podoinitsyna O. E. Poems in prose works by N. M. Karamzin. *Science and School*, 2012, no. 1, pp. 29–31 (in Russian).
16. Gasparov M. L. A poem in prose. In: Kozhevnikova V. M., Nikolaeva P. A. *Literaturnyi entsiklopedicheskii slovar'* [Literary encyclopedic dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 1987. 750 p. (in Russian).
17. Tokareva G. A. On the genre of elegy and the elegiac mode. *Vestnik KRAUNTS. The series “Humanities”*, 2017, no. 1, pp. 7–11 (in Russian).
18. Maksimova T. M. The purpose of the genre of poetry in prose. *Bulletin of IGEU*, 2010, no. 1, pp. 1–6 (in Russian).
19. Karamzin N. M. *Polnoe sobranie stikhotvorenii* [The complete collection of poems]. Moscow, Leningrad, Sovetskii pisatel', 1966. 424 p. (in Russian).
20. Karamzin N. M. *Pis'ma russkogo puteshestvennika* [Letters of a Russian traveler]. Leningrad, Nauka, 1984. 717 p. (in Russian).
21. Lotman Yu. M., Uspensky B. A. Russian Traveler's Letters by Karamzin and their place in the development of Russian culture. In: Karamzin N. M. *Pis'ma russkogo puteshestvennika* [Letters of a Russian traveler]. Leningrad, Nauka, 1984. 717 p. (in Russian).
22. Tyupa V. I. A poem in prose: the problem of genre identity. *New Philological Bulletin*, 2007, no. 2, pp. 49–57 (in Russian).
23. Kudrevatykh A. N. Specificity of the subject organization in the novella by N. M. Karamzin “Sierra Morena”. *Ural Philological Bulletin. Series : Russian Classics: Dynamics of Artistic Systems*, 2013, no. 1, pp. 93–101 (in Russian).
24. Semanov V. I., Bezhin L. E. *Kitaiskaya peizazhnaya lirika III–XIV vv. (Stikhi, poemy, romansy, arii)* [Chinese landscape lyrics of the III–XIV centuries (Poems, poems, romances, arias)]. Moscow, Moscow University Press, 1984. 255 p. (in Russian).
25. Karamzin N. M. *Izbrannye sochineniya : v 2 t. T. 2* [Selected works : in 2 vols., vol. 2]. Moscow, Leningrad, Khudozhestvennaya literatura, 1964. 591 p. (in Russian).
26. Karamzin N. M. *Pis'ma N. M. Karamzina k I. I. Dmitrievu* [N. M. Karamzin's letter to I. I. Dmitriev]. Saint Petersburg, Type. Imp. Academy of Sciences, 1866. 727 p. (in Russian).
27. Belova L. N., Buldakov G. N., Degtyarev A. Ya. *Sankt-Peterburg. Petrograd. Leningrad. Entsiklopedicheskii spravochnik* [Saint Petersburg. Petrograd. Leningrad. Encyclopedic Reference Book]. Moscow, Bol'shaya Rossiiskaya Entsiklopediya, 1992. 687 p. (in Russian).
28. Turgenev I. C. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t. Sochineniya: v 12 t. T. 10* [The Complete Collection of Works and Letters: in 30 vols. Essays: in 12 vols., vol. 10]. Moscow, Nauka, 1982. 606 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 21.12.2023; одобрена после рецензирования 26.01.2024; принята к публикации 22.02.2024
The article was submitted 21.12.2023; approved after reviewing 26.01.2024; accepted for publication 22.02.2024

ЖАНРЫ СМИ

Жанры речи. 2024. Т. 19, № 3 (43). С. 266–276

Speech Genres, 2024, vol. 19, no. 3 (43), pp. 266–276

<https://zhanry-rechi.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-3-43-266-276>, EDN: QCZCPY

Научная статья

УДК 811.161.1'373.612.2'38:[070(470+571):94(73)]

**Аналитический обзор о США в современных российских массмедиа:
особенности жанровой структуры (на материале пространственных метафор)**

К. И. Кириллова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Кириллова Ксения Игоревна, аспирант, ассистент кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, kirillovakseniya1999@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5302-504X>

Аннотация. Дается характеристика концептуальных метафор как одного из способов структуризации жанра аналитического обзора в современных российских газетных массмедиа. Объектом исследования стали пространственные модели переносов, используемые аналитиками (профессиональными журналистами и экспертами) для репрезентации образа США в современном мире. Материал исследования – 138 пространственных метафор в 410 контекстах, извлеченных из 43 статей шести общественно-политических газетных массмедиа 2022–2023 гг. Актуальность темы связана с необходимостью уточнить место метафор в современных массмедиа, претерпевающих значительные изменения как в жанрово-структурном, так и языковом аспектах. Цель работы – выявить роль пространственных метафор в концептуальном представлении США в жанре аналитического обзора современных российских газетных массмедиа. На основе комплексного анализа с применением современных семантических, когнитивных и дискурсивных методик текстового материала было установлено, что в исследуемом жанре пространственные концептуальные метафоры занимают важное место в осуществлении основных функций аналитического жанра – концептуальной (логико-аргументирующей), оценочной, воздействующей. В частности, показывается, что в современных общероссийских газетах с помощью трех базовых моделей пространственной метафоризации (целенаправленной деятельности, бытия и развития, системных связей и отношений) формируется по-своему целостный, хотя и отрицательный, образ США как активного участника общемировых экономических и социально-политических процессов, основной целью которого становится утверждение своей лидерской позиции за счет подчинения союзников и ослабления противников и конкурентов. Результатом таких действий становится рост конфликтов и общей нестабильности в мире.

Ключевые слова: жанр газетной аналитической статьи, пространственная метафора, концептуальная модель

Для цитирования: Кириллова К. И. Аналитический обзор о США в современных российских массмедиа: особенности жанровой структуры (на материале пространственных метафор) // *Жанры речи*. 2024. Т. 19, № 3 (43). С. 266–276. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-3-43-266-276>, EDN: QCZCPY

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

**Analytical review of the USA in modern Russian Mass Media:
Features of the genre structure (based on spatial metaphors)**

K. I. Kirillova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Kseniia I. Kirillova, kirillovakseniya1999@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5302-504X>

Abstract. The article characterizes conceptual metaphors as one of the ways of structuring the genre of analytical review in modern Russian newspapers. The object of the study is spatial transfer models used by analysts (professional journalists and experts) to represent the image of the United States in the modern world. The research material consists of 138 spatial metaphors in 410 contexts extracted from 43 articles of six socio-political newspapers dating 2022–2023. The relevance of the topic is determined by the need to clarify the place of metaphors in modern mass media, which are undergoing significant changes both in genre-structural and linguistic aspects. The aim of the work is to identify the role of spatial metaphors in the conceptual representation of the United States in the genre of analytical review in modern Russian newspapers. Based on a comprehensive analysis using modern semantic, cognitive and discursive methods of textual material, it was found that in the genre under study spatial conceptual metaphors occupy an important place in the implementation of the main functions of the analytical genre – conceptual (logical-argumentative), evaluative and influencing. In particular, it is shown that in modern all-Russian newspapers, with the help of three basic models of spatial metaphorization (purposeful activity, being and development, systemic connections and relations), an integral image of the United States is formed as an active participant in global economic and socio-political processes, the main purpose of which is to assert its leadership position by subordinating allies and weakening opponents and competitors. The result of such actions is the growth of conflicts and general instability in the world.

Keywords: genre of newspaper analytical article, spatial metaphor, conceptual model

For citation: Kirillova K. I. Analytical review of the USA in modern Russian Mass Media: Features of the genre structure (based on spatial metaphors). *Speech Genres*, 2024, vol. 19, no. 3 (43), pp. 266–276 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-3-43-266-276>, EDN: QCZCPY

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Традиционно вопросы о жанровой классификации общественно-политических (прежде всего – газетных) массмедиа и специфике используемых в них языковых средств являются дискуссионными (ср.: [1–8]). Но в последние годы полемика становится особенно острой, что вызвано объективными причинами. С одной стороны, исследователи отмечают активную перестройку общей структуры газетных текстов, вследствие чего «в настоящее время вопрос о жанровой принадлежности многих публикаций трудно решить однозначно» [9: 73]. С другой стороны, современной журналистике присущи резкое сокращение «объема текстов и сужение жанрового разнообразия» [10: 85], а также «глобальный тренд на визуализацию», на «доминирование видеоконтента» [11: 273]. Это, в свою очередь, влечет за собой упрощение структуры текста [Там же]: статьи становятся «короткими и менее рассудительными» [12: 41]. В результате небесспорным оказывается даже общепринятое определение газетной статьи как «жанра, предназначенного прежде всего для анализа актуальных, общественно значимых процессов, ситуаций, явлений и управляющих ими закономерностей», предметом которого являются «противоречия и проблемы, содержащиеся в актуальных ситуациях

и процессах, а также в вытекающих из них задачах» [13: 60]. Наконец, по мнению ряда исследователей, современные читатели предпочитают, чтобы язык СМИ был простым, разговорным и не содержал средств выразительности [Там же]. Тем самым особую остроту приобретает вопрос, насколько корректной по отношению к общественно-политическим массмедиа последних лет является утверждение, что «мы живем в период высокой степени экспрессивности политической коммуникации» [14: 58].

Объектом нашего исследования стали странственные метафоры, зафиксированные в 43 аналитических статьях (обзорах) 2022–2023 гг. (с 25.02.22 по 31.07.23), опубликованных в электронных вариантах 6 общероссийских общественно-политических газет¹. Наш выбор обусловлен несколькими причинами.

Во-первых, спрос на аналитику, содержащую проработанный материал с фактической информацией и элементом авторского мнения, растет (ср.: [15–20]), поскольку читатель не может проанализировать весь объем новостного материала, представленного в СМИ из-за постоянного роста информационного потока [21]. Основная функция данного жанра – «объяснить читателям как общественную, так и личную значимость актуальных процессов, ситуаций, явлений, их причинно-следственные связи и таким образом инициировать

¹В дальнейшем для обозначения источника материала мы используем следующие сокращения: «Российская газета» (РГ) – <https://rg.ru/>; «Московский комсомолец» (МК) – <https://www.mk.ru/>; «Аргументы и факты» (АиФ) – <https://aif.ru/gazeta/>; «Известия» (Изв.) – <https://iz.ru/>; «Коммерсантъ» («Ъ») – Коммерсантъ; «Ведомости» (Вед.) – <https://www.vedomosti.ru/>.

их размышления» [18: 263]. С одной стороны, достижение поставленной цели невозможно без создания авторитетного и профессионального контента [22], то есть авторами публикации могут быть только высокопрофессиональные журналисты и/или признанные эксперты в определенной области [23–24]. С другой стороны, анализ предполагает апелляцию, прежде всего, к логическим способностям адресата: авторы должны не только проанализировать положение дел, связанных с событием, и оценить его значимость для политики, экономики и общества, но также спрогнозировать развитие ситуации [25: 49]. Это усиливает значимость использования таких языковых средств, которые выявляют сущностные характеристики, причинно-следственные и иные связи в исследуемой ситуации, проблеме и т. п.

Во-вторых, аналитические статьи, безусловно, относятся к той части политической коммуникации, которая предназначена «для воздействия на политическую ситуацию при помощи пропаганды определенных идей, эмоционального воздействия на граждан страны и побуждения их к политическим действиям» [26: 33], что предполагает потенциальную манипулятивность [27: 41].

В-третьих, указанные выше жанрово-функциональные особенности аналитических статей предполагают использование в них метафор в широкой их трактовке – как одного из основных средств смыслопроизводства, формирования экспрессии, выражения социальной и личностной эмоциональной оценки (ср.: [28–31]). Данные языковые средства представляют собой «эффективные лингвистические формулы для достижения убедительной функции языка», поскольку они связаны с концептуальными фреймами, через которые реципиенты «воспринимают многие абстрактные и сложные социальные, экономические и политические события, действия и явления» [32: 73–74]. Кроме того, метафора «широко применяется как способ манипулирования сознанием, навязывания определенных субъективных оценок, установления нужных ассоциативных связей и ослабления нежелательной реакции аудитории на определенную информацию» [33: 136]. В массмедиа переносные значения выполняют моделирующую, популяризаторскую, аргументативную и эмоциональную функции [14; 34]; используются как «эффективно действующий инструмент воздействия на общественное сознание», они «отражают ЯКМ различных политических сил и социума в целом», тем самым выполняют важную когнитивную функцию [15: 1180].

Наконец, пространственные метафоры, характеризующие «непредметную сферу (внут-

ренний мир человека, социальные связи и отношения, абстрактные понятия) через систему пространственных категорий (положение в пространстве, движение и покой и т. д.)», являются «самыми многочисленными и продуктивными» [15: 1181] как в языке, так и в политической коммуникации в целом, поскольку пространственные категории «считаются онтогенетически первичными, а следовательно, основополагающими для человеческого сознания» [35: 242].

Цель исследования – выявить роль пространственных метафор в концептуальном представлении Соединенных Штатов Америки в жанре аналитического обзора российских общественно-политических газетных массмедиа 2022–2023 гг. При анализе использовались современные семантические, когнитивные и дискурсивные методики текстового материала.

Основная часть

1. Общая характеристика объекта и предмета исследования

Соединенные Штаты Америки регулярно становятся объектом аналитических публикаций в современных российских газетных массмедиа, что обусловлено тем, что: (1) деятельность США активно влияет на общую, во многом кризисную мировую ситуацию; (2) отношения между РФ и США носят конфликтный характер (особенно после начала специальной военной операции – с 24 февраля 2022 г.). Авторами таких обзоров выступают как журналисты-аналитики, так и эксперты по проблематике, освещаемой в статье: сотрудники университетов и аналитических центров, чиновники, политологи, экономисты и финансисты. Кроме того, журналисты-аналитики могут активно использовать в своих публикациях мнения экспертов, цитировать их.

Как показал анализ, пространственные метафоры фиксируются во всех исследованных текстах (независимо от того, журналисты или эксперты являются автором публикаций), причем число переносных употреблений достаточно велико (410 контекстов), а сами переносы весьма разнообразны (138 лексических единиц). Вместе с тем в разных изданиях степень востребованности метафор далеко не одинаковая (ср.: «Ъ» – в среднем 11,6 метафорических контекстов на одну статью в рамках пространственной макромоделли; Вед. – 8; Изв. – 7,5; РГ – 5,5; МК – 4,9; АиФ – 4,1). Данное обстоятельство связано, с одной стороны, с системой авторских предпочтений в выборе языковых средств, а с другой – с размером статей и степенью

погружения в материал. Так, было замечено, что в изданиях, для которых характерна более глубокая аналитика, метафоризация текстов выше. Кроме того, на число указанных переносов влияет конкретный аспект анализа деятельности США. В частности, наиболее последовательно система пространственных метафор фиксируется при характеристике следующих ситуаций: отношения США и РФ, США и Украины, США и мировое сообщество в целом (ср.: *Финансовые и политические круги, определяющие курс американской администрации, стремятся к одному – к стратегическому поражению России*. Е. Панина; Изв. 30.10.22²; [США и западные политики в целом] *подталкивают Вооруженные силы Украины к ведению «самоубийственного» наступления*. А. Тихонов; МК. 31.07.23; *США продвигают свои неокOLONиальные притязания на глобальное доминирование*. И. Егоров; РГ. 24.07.23). Реже всего подобного типа переносы представлены при анализе внутренней социально-экономической и политической ситуации в Штатах (ср.: *Соперники [на промежуточных выборах ранее] ... старались не переходить грани приличия, так как это могло скорее оттолкнуть, чем привлечь избирателей*. Э. Лозанский; Изв. 08.10.22).

В функционально-стилистическом аспекте абсолютное большинство используемых переносов относится к общеупотребительным, тогда как ограниченные в этом отношении метафоры (сниженные и книжные) фиксируются спорадически (ср.: *На вопрос обозревателя «РГ» представителям ЮАР о том, могут ли американцы предложить что-то такое, из-за чего республика пойдет в фарватере* (книжн.) *Вашингтона, они ответили буквально следующее: «Мы ... не позволим никому учить нас настоящей демократии»*. И. Егоров; РГ. 24.07.23; *Делать вид, что за минувший год в нашем диалоге [США и РФ] не произошло никаких подвижек* (разг.), абсурдно. О. Карпович; Изв. 12.12.22).

В функционально-типологическом аспекте основной блок метафор относится к языковым живым (образным) или генетическим (стертым, с утраченной образностью) переносам (ср.: *Республиканцы со скрипом берут Палату представителей и находятся в подвешенном* (живая метафора) *состоянии в Сенате* П. Дубравский; «Ъ». 11.11.22; *Финансовые и политические круги, определяющие курс* (живая метафора) *американской администрации, стремятся* (генетическая метафора) к

одному – к стратегическому поражению России. Е. Панина; Изв.; 31.10.22). Значительно реже в аналитических статьях фиксируются речевые (в том числе окказиональные) переносы, развернутые метафоры, причем наибольшее их число содержится в текстах экспертов, а также в цитатах из речи политиков, дипломатов, политологов, экономистов и т. п. (ср.: *Это лишь одна маленькая деталь большого пазла влияния [«украинского» лобби] на американскую внешнюю политику на российском направлении*. Е. Спирин (эксперт Института международных исследований МГИМО); Изв. 29.08.22; *Когда данная система создавалась, Москва и Вашингтон стремились всеми силами отойти от края пропасти, у которой мир оказался на раннем этапе холодной войны*. О. Карпович (проректор Дипакадемии МИД России); Изв. 29.08.22; *Североатлантический альянс [во главе с США] уже влез на Украину по самые уши*. А. Ведруссов (политолог, руководитель аналитического центра «СтратегПРО»; Изв. 16.11.22).

Последнее наблюдение достаточно показательно, однако делать категорический вывод о том, что речь не-журналистов более экспрессивно насыщена, нельзя, поскольку в ней также преобладают генетические или близкие к ним языковые метафоры (ср.: *Дипломат Гаврилов заявил о переходе* (генетическая метафора) *Запада на новый уровень* (генетическая метафора) *противостояния* (генетическая метафора). Д. Ерусалимский; МК. 26.01.23). Как нам представляется это во многом определяется тем, что в аналитических статьях основными функциями метафор все же являются не экспрессивная, а смыслообразовательная и концептуальная, что достаточно ярко проявляется на примере пространственных переносов.

2. Основные концептуальные модели пространственных метафор

Как показал анализ, наиболее многочисленными и концептуально оформленными оказываются пять базовых языковых пространственных моделей, на долю которых приходится примерно 82% всех метафорических употреблений³:

1) «Модель целенаправленной деятельности» (35% всех исследуемых метафорических контекстов), в основе которой лежит философская концепция: «движение есть жизнь»; соответственно движение ассоциируется с активностью кого-, чего-либо, покой – с бездей-

²Для уменьшения объема текста при цитировании мы указываем имя автора статьи, издание и дату публикации.

³При определении моделей и их характеристике мы опирались на систему пространственных переносов в работе: [29: 111–174].

ствием, отсутствием цели и т. п. [29: 125] (ср.: *США стремятся нанести максимальный ущерб России*. А. И. Антонов; АИФ. 26.04.22 (стремиться: 'быстро двигаться, направляться куда-л.' → 'стараться достичь чего-л., настойчиво добиваться чего-л.');

2) «Модель системных связей и отношений» (15% употреблений), в соответствии с которой относительное положение объектов на горизонтальной оси, а также их взаимодействие в рамках замкнутых участков «своего»/«чужого» пространства и т. п. воспринимаются как наличие/отсутствие каких-либо связей и отношений; как гармоничные/конфликтные отношения; как определенная по значимости роль объекта в составе чего-либо и др. (ср.: *Опасная грань* [в отношениях РФ и США]. ... *Одновременно США всеми силами ... Россию буквально вынудили выйти* [из Договора об обычных вооруженных силах в Европе]; О. Карпович; Изв. 12.12.22);

3) «Модель бытия и развития» (14% употреблений), в которой способность сохранять свои свойства, развиваться, а также не изменяться под внешним влиянием ассоциируется со способностью не падать, сохранять устойчивое вертикальное положение и т. п. (ср.: *Это очень быстро увеличивает капитал американских компаний, но с другой – создает целый ряд рисков для устойчивости экономики*. Д. Перепелица; Вед. 16.05.23).

4) «Модель степени проявления и качественных изменений каких-либо характеристик» (10% употреблений), в которой данные признаки и их динамика определяются положением объекта на вертикальной оси, а также движением по ней вверх/вниз (ср.: *Их [американцев] волнуют ... сложности с поднятием потолка госдолга, резкий рост преступности в американских городах. ... Это [37% поддержки] самый низкий показатель господина Байдена и один из худших среди всех американских президентов за время наблюдений Gallup*. Е. Мур.; «Ъ». 23.05.23);

5) «Бытийно-временная модель» (8% употреблений), в соответствии с которой бытие кого-, чего-либо в определенных временных пределах (начало, конец, длительность и т. п.) ассоциируется с пространственными характеристиками объекта (ср.: *Во многом начало конца американской гегемонии связано и с вызывающей уважение взвешенной, свободной от политической конъюнктуры позиции Саудовской Аравии*. Н. Кричевский; Изв. 28.10.22).

Вместе с тем данные модели занимают разное положение в концептуализации образа США. В частности, зафиксированные переносы на базе «бытийно-временной моде-

ли» не выходят за рамки языковой модели и не играют заметной роли в концептуальном представлении США (ср.: *Американский Сенат принял проект оборонного бюджета на следующий финансовый год, начинающийся 1 октября 2023 года. ... В ближайшие недели спецкомиссия попытается свести подготовленный Сенатом проект бюджета с вариантом Палаты представителей.... С необходимостью продолжения военной поддержки Украины согласны при этом в обеих палатах Конгресса*. Е. Черненко; «Ъ». 29.07.23). Аналогичную оценку можно дать метафорам на базе «модели степени проявления и качественных изменений каких-либо характеристик», используемой преимущественно при характеристике экономических показателей развития самих США, их связей с другими странами и т. п. (ср.: [МВФ, Всемирный банк, ВТО и прочие инструменты обеспечения глобальной гегемонии США] неизбежно потеряют свою актуальность по мере снижения доли доллара в мировой экономике. А. Ведруссов; Изв. 20.06.22).

Наиболее значимыми для формирования образа США оказываются первые три названные выше модели, причем у каждой из них есть ряд специфических по сравнению с общезыковыми когнитивными матрицами особенности.

3. Модель целенаправленной деятельности

Данная модель относится к числу наиболее востребованных в языке и политической коммуникации [15: 1181], поскольку именно с ее помощью выражаются основные идеи, связанные с характеристикой социально-экономических, политических, идеологических взглядов, а также с особенностями развития кого-, чего-либо. Специфической особенностью реализации данной модели в рамках исследуемого метафорического корпуса является то, что при ее реализации фиксируется несколько противоречивых тенденций, которые, однако, достаточно четко отражают мнение аналитиков и экспертов в отношении внешней и внутренней политики США.

Во-первых, практически все аналитики подчеркивают активность США. Это осуществляется за счет регулярного употребления глаголов (и их дериватов), именующих в первичном лексико-семантическом варианте однонаправленное движение. Переносы же на базе лексики из семантической группы «Покой, отсутствие движения» при реализации данной модели почти не представлены. Не менее регулярно в контексты включаются переносы

на базе лексики, именующей конечную точку и траекторию целенаправленного движения, что акцентирует внимание на самостоятельности в выборе цели, способов решения поставленной задачи. Такой целью, по мнению авторов публикаций и цитируемых ими экспертов, становится всеобъемлющее лидерство США, ослабление противников (прежде всего РФ), а также усиление общего конфликтного характера отношений в мире (ср.: *США стремятся причинить максимальный вред России*. Д. Ерусалимский; МК. 23.03.23; *Киссинджер не одобряет путь конфронтации, который выбрали США в вопросе Тайваня* Г. Пархоменко; РГ. 17.05.23; *Сергей Лавров назвал последние шаги администрации США на украинском направлении попыткой довести реализацию давнего проекта превращения Украины в анти-Россию до логического завершения* С. Строкань; «Ъ». 03.05.22). Показательно, что достаточно активно аналитики используют переносы на базе глаголов с первичными значениями 'покидать какое-либо место, удалиться от кого-, чего-либо'; 'пройти стороной, огибая, минуя кого-, что-либо', что акцентирует внимание на неблагоприятности цели и/или способов ее достижения (ср.: *США пытаются уйти от ответственности за системные сбои в работе стамбульских договоренностей*. Ю. Рябинина; РГ. 09.08.23; *Вашингтон делал всё возможное, чтобы обойти заложенные в Договор ограничения, например, на количество шахтных пусковых установок и стратегических бомбардировщиков*. О. Карпович; Изв. 12.12.23). Наиболее емко сосредоточенность США на установлении господства в мире в рамках данной модели выражена заимствованной из советского прошлого формулой: *У американцев тяга к «догнать и перегнать» ничуть не меньше, чем у нас*. А. Сидорчик; АиФ. 02.06.2023.

В связи с этим достаточно показательным является концептуальное осмысление переносов на основе лексики, характеризующей движение в обратном направлении. В проанализированных текстах оно ассоциируется не с регрессом, а с позитивной сменой политической парадигмы – нацеленностью США не на конфронтацию, а на сотрудничество (прежде всего – с нашим государством). Однако число таких контекстов невелико, а сами они характеризуют либо события прошлого, либо нереализованного настоящего, либо будущего, вероятность наступления которого довольно низкая (ср. примеры из статьи «Опасная грань» О. Карповича (Изв. 12.12.22): *Когда данная система создавалась, Москва и Вашингтон стремились всеми силами отойти от края пропасти, у которой мир*

оказался на раннем этапе холодной войны; Заявивший о своей приверженности рациональной дипломатии Байден практически ничего не сделал ради возвращения к конструктиву на данном направлении).

Во-вторых, весьма неоднозначной в исследуемых текстах оказывается реализация той части когнитивной матрицы, которая связана с выражением степени результативности предпринятых усилий. С одной стороны, с помощью небольшого числа переносов на базе лексики, именующей достижение конечной точки перемещения, фиксируется эффективность в деятельности США. Но в контекстах обычно содержится также указание на то, что результат (по вине правящей элиты США) негативен или он отнесен к прошлому и связан с иной целью – с равноправным сотрудничеством (ср.: *Это путь к хаосу в Америке*. Э. Лозанский; Изв. 08.11.22; *Американцы подошли к дефолту очень близко*. Д. Евстафьев. Изв. 22.05.23; *Структурные риски для экономики страны [США]... могут привести к техническому дефолту, а в обозримом будущем и к вполне реальному*. Д. Перепелица; Вед. 16.05.23; *эхо Карибского кризиса заставило руководство двух стран [США и СССР в 60-е гг. XX в] прийти к простому пониманию: ядерная война не может быть выиграна*. О. Карпович; Изв. 12.12.22). С другой стороны, более последовательно аналитики подчеркивают безуспешность внешней и внутренней политики руководства США. В рамках данной модели это реализуется с помощью контекстов, в которых указывается на невозможность движения в выбранном направлении из-за различного рода препятствий на пути следования, отсутствия прохода, повреждения, ненадежности дорожного покрытия или транспортного средства и т. п. (ср.: *США столкнулись с экономическим спадом*. М. Хазин; АиФ. 28.04.22; *Джанет Йеллен допустила скатывание американской экономики в рецессию в 2023 году*. Е. Никтовенко. АиФ. 14.12.22; *США во внутренней политике загнали себя в тупик, и как из него выйти никто, похоже, не знает*. В. Васильев; РГ. 20.07.23; *Агентство Standard and Poor's впервые в истории понизило кредитный рейтинг США из-за ситуации политического тупика, влияющего на деятельность правительства*. А. Лосев; «Ъ». 24.05.23; *Шансы американской экономики в следующем году на «мягкую посадку» составляют 30–35%*. А. Абрамов. АиФ. 14.12.22).

В-третьих, около трети метафорических употреблений в рамках данной модели акцентируют внимание на активности США в стремлении контролировать развитие других

стран, международных организаций и мирового сообщества в целом. Такое представление регулярно реализуется за счет следующих концептуальных ассоциаций:

- США управляют движением своих «сателлитов», избирая за них конечную цель и траекторию перемещения (ср.: *По сути, Соединенные Штаты помогают Украине идти по фальшивому пути мнимых «побед», на самом деле **ведущем страну к полному краху.*** Д. Миршаймер; АиФ; 27.06.22; *Они [США] это декларируют для третьих стран, которые привыкли, что Америка рулит.* В. Сергиенко; Изв. 28.07.22);
- США с помощью насилия заставляют двигаться своих «сателлитов» или менее «послушные» государства в избранном Америкой направлении (ср.: *Политолог Миршаймер: Запад подгоняет Украину к наступлению из-за страха проиграть.* А. Тихонов; МК. 31.07.23);
- США перемещают в нужном им направлении полностью зависящие от них государства, отдельные политические силы и организации, которые в данном случае обычно выступают в роли неодушевленного объекта (ср.: *В США и Европе российское поведение нередко называют аномалией, которая якобы должна исчезнуть после подталкиваемой Вашингтоном **«смены режима»** или же «поражения России на Украине».* О. Карпович. Изв. 29.12.22);
- США препятствуют свободному передвижению («развитию») тех государств, которые Америка воспринимает в роли противника, конкурента и т. п. (ср.: *Ему [Байдену] было бы приятно заявить, что под руководством мудрого американского президента и при глобальном лидерстве США удалось **«остановить злого Путина»**, сохранить суверенитет Украины и так далее.* Д. Тренин; 16.05.2023; *Америка стремится доминировать в международной политике, пытаясь сместить всех, кто встанет на ее пути.* С. Марков; МК. 04.06.23).

4. «Модель системных связей и отношений»

При реализации данной модели (второй по употребительности в текстах –15%) обнаруживаются две основные особенности. Во-первых, как и в предыдущей модели, авторы подчеркивают активность США в установлении и изменении в нужном для них направлении определенных связей и отношений с другими мировыми институтами. При реали-

зации модели системных связей и отношений многие переносы включены в модальную рамку с ирреальной модальностью, без перфектного значения. Во-вторых, использование данной модели (по сравнению с предыдущей) достаточно ограничено в ситуативном аспекте. В частности, наиболее последовательно фиксируются следующие варианты реализации модели:

- Стремление США к доминированию в мировом сообществе и в отношениях с отдельными странами (прежде всего – с Россией) осмысляется как нарушение границы «чужого» пространства и/или как увеличение размера «своего» пространства за счет другого (ср.: *Байден передвинул **«красные линии»** Путина.* М. Ростовский; МК. 26.01.23; *Украина станет шаблоном для распространения влияния США на другие регионы.* А. Королева. РГ. 18.07.23; *«И тут кто-то (Россия. – Ред.) решил тем самым американцам не дать залезть на свою границу, не дать уничтожить на своей границе культуру, русский язык и вообще не дать изгонять оттуда русских», – сказал Лавров.* От ред.; Изв. 25.09.22);
- Стремление США подчинить своему влиянию суверенные государства ассоциируется с объединением таких государств в рамках одного («своего») пространства (чаще – с насильственным перемещением в границы «своего» пространства) (ср.: *США втянули НАТО в конфликт на Украине, чтобы получить наибольшую выгоду от продажи оружия.* И. Петров. РГ. 08.02.23; *Поэтому в Хельсинки, где на третий в истории саммит его ждали коллеги из государств Северной Европы, господин Байден приехал в роли **«собирателя земель натовских»**.* А. Забродин; «Ъ». 13.07.23);
- Стремление США ослабить противника и/или конкурента, одержать верх над ними осмысляется как перемещение объекта за пределы общего пространства (международных организаций, договоров и т. п.) или как его пространственная изоляция (ср.: *США не удастся изгнать Россию с международной арены.* Ю. Сергеева; МК. 25.04.22; *В США раскрыли план долгосрочной изоляции России.* От ред.; МК. 18.04.22; *[США стремятся] заблокировать Китай с юга и севера.* С. Марков. МК. 04.06.23);
- Стремление США к доминированию осмыляется в рамках противопоставления центра и периферии, где Америка отводит себе место в центре, а положение дру-

гих стран и организаций устанавливает, меняет произвольно – в соответствии с собственной выгодой. Но параллельно этому аналитики указывают на возможность неудобной для самих США позиции, причем Америка и в этом случае может быть активна, то есть быть причиной своих неудач (ср.: *США и их союзники мыслили себя как ядро системы глобального управления, а «двадцатку» – как ее периферию. [Другим странам] отводилась роль аутсайдеров на обочине нового мирового порядка.* Е. Панина; Изв. 31.10.22; *С самого начала конфликта на Украине США пытались удерживать Китай в стороне от него.* А. Кошеленко. МК. 23.03.23; *Эксперты также отметили, что после встречи в Москве [Си Цзиньпина и В. Путина] ... Вашингтон оказался в неудобной позиции.* От ред.; Изв. 23.03.23; *США опасаются «быть загнанными в угол».* От ред.; Изв. 23.03.23; *Администрация США сама загнала себя в угол.* С. Рябков; АиФ. 12.10.22).

5. Модель бытия и развития

Специфической особенностью в реализации данной модели в исследуемых текстах является относительно равномерное употребление лексики, именующей в первичных ЛСВ как устойчивое, так и неустойчивое положение в пространстве. Наиболее последовательно с помощью данной когнитивной матрицы характеризуется два типа ситуаций:

- Степень экономической и политической стабильности внутри США и их положения в мире, причем в зависимости от конкретной описываемой ситуации и позиции аналитика используются переносы из обеих антонимических групп семантического поля (ср.: *Важно вовремя рухнуть. Дефолт был бы полезен и для американской, и для мировой экономики. ... Рухнет многоуровневая структура фондового рынка., сделав невыгодными и чрезмерно рискованными инвестиции в такую неустойчивую систему.* Д. Перепелица; Вед. 16.05.23; *Экономика США переходит к «более устойчивому росту», заявила министр финансов Джанет Йеллен.* Л. Уварчев; «Ъ». 28.07.23);
- Активные действия США по формированию той или иной социально-экономической и политической ситуации в мире, в отдельных государствах. Здесь использование лексики из группы стабильности или группы нестабильности напрямую зависит от от-

ношения американской правящей элиты к данным процессам и данным странам (ср.: *Лавров о целях США расширить ситуацию в России.* От ред.; Изв. 19.17.23; *С необходимостью продолжения военной поддержки Украины согласны при этом в обеих палатах Конгресса.* А. Забродин; «Ъ». 28.07.23).

Выводы

Анализ аналитических статей общественно-политических газетных массмедиа показал, что пространственные метафоры играют важную роль в осуществлении основных функций аналитического жанра – концептуальной (логико-аргументирующей), оценочной, воздействующей, причем главной среди них становится логико-аргументирующая, тогда как вторая и третья оказываются непосредственно связанными и производными от нее. Это, в частности, обнаруживается в том, что журналисты и эксперты используют преимущественно языковые живые и генетические переносы, в которых смыслообразовательная функция является ведущей. Но основным проявлением такой специфической черты становится то, что аналитики отдают предпочтение целостным концептуальным моделям метафоризации.

Наиболее последовательно авторы аналитических обзоров употребляют три базовые модели: целенаправленной деятельности, бытия и развития, системных связей и отношений, причем в реализации каждой из них можно обнаружить ряд специфических особенностей. Вместе с тем принципиально важным нам представляется тот факт, что с помощью всех исследованных метафорических подсистем формируется целостный образ США как активного участника общемировых экономических и социально-политических процессов, основной целью которого становится утверждение своей лидерской позиции за счет подчинения союзников и ослабления противников и конкурентов. Результатом таких действий становится рост конфликтов и общей нестабильности в мире.

Безусловно, указанные пространственные метафоры не дают исчерпывающей характеристики образа США в современных газетных массмедиа. В рамках реализации других концептуальных моделей – антропоморфной, социоморфной, инструментальной и т. п., могут актуализироваться иные концептуальные признаки, вследствие чего данные выводы являются предварительными, а исследование должно быть продолжено.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дегальцева А. В., Сиротинина О. Б. Изменения в информационных и аналитических жанрах современных СМИ // *Жанры речи*. 2023. Т. 18, № 2 (38). С. 155–165. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-2-38-155-165>
2. Ким М. Н. *Жанры современной журналистики* СПб. : Изд-во Михайлова, 2004. 336 с.
3. Кройчик Л. Е. Система журналистских жанров // *Основы творческой деятельности журналиста : учебник / ред.-сост. С. Г. Корконосенко*. СПб. : Общество «Знание», 2000. С. 125–168.
4. Лазутина Г. В., Распопова С. С. *Жанры журналистского творчества*. М. : Аспект Пресс, 2011. 320 с.
5. Самарцев О. Р. *Творческая деятельность журналиста: очерки теории и практики*. М. : Академический проект, 2007. 528 с.
6. Тертычный А. А. Аналитические жанры в публичном диалоге. М. : Пульс, 2002. 40 с.
7. Rulyova N., Westley H. Changing News Genres as a Result of Global Technological Developments // *Digital Journalism*. 2017. Vol. 5, № 8. P. 986–1005. <https://doi.org/10.1080/21670811.2017.1351882>
8. Ungerer F. *English Media Texts: Past and Present*. Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2000. 304 p. <https://doi.org/10.1075/pbns.80>
9. Ляпун С. В. Смена приоритетов в жанровой системе периодической печати постсоветского периода // *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение*. 2011. № 3. С. 72–76.
10. Упоров И. В. Цифровизация журналистики и основные тенденции ее развития // *Цифровизация коммуникативно-культурной памяти: роль журналистики как социального института : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Екатеринбург, 25–26 апреля 2019 г.) : в 2 ч. Ч. 1*. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. С. 83–88.
11. Вальковский М. А. Процесс трансформации жанров в цифровой медиасреде: характер, факторы и пределы // *Журналистика – медиалогия – наставничество : материалы междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 1 марта 2019 г.)*. Минск : БГУ, 2023. С. 272–276.
12. Ковальчук Л. П. Взаимодействие интернет-контента и СМИ для привлечения молодежной аудитории к проблемам региона // *Пользовательский контент в современной коммуникации : материалы I междунар. науч.-практ. конф. (Челябинск, 22–23 апреля 2021 г.)*. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2021. С. 39–42.
13. Князев А. А. *Энциклопедический словарь СМИ*. Бишкек : Изд-во КРСУ, 2002. 164 с.
14. Чудинов А. П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации // *Политическая лингвистика*. 2012. № 2 (40). С. 53–59.
15. Балашова Л. В. Горизонтальная модель пространственной метафоры в медийном образе России (жанры аналитического обзора и экспертного мнения) // *Quaestio Rossica*. 2017. Т. 5, № 4. С. 1178–1196. <https://doi.org/10.15826/qr.2017.4.274>
16. Добросклонская Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи). М. : Едиториал УРСС, 2005. 288 с.
17. Манаенко С. А. Аналитические тексты массовой коммуникации: функции вводных конструкций // *Когнитивные исследования языка*. 2017. № 31. С. 201–210.
18. Тертычный А. А. *Аналитическая журналистика*. М. : Аспект Пресс, 2010. 352 с.
19. Le E. Editorials' Genre and Media Roles: Le Monde's Editorials from 1999 to 2001 // *Journal of Pragmatics*. 2009. Vol. 41, № 9. P. 1727–1748. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2008.10.013>
20. Izadi F., Saghaye-Biria H. A Discourse Analysis of Elite American Newspaper Editorials: The Case of Iran's Nuclear Program // *Journal of Communication Inquiry*. 2007. Vol. 31, № 2. P. 140–165. <https://doi.org/10.1177/0196859906298073>
21. Никонова Е. А. Функциональный аспект аналитической статьи (на примере англоязычного политического дискурса) // *Филологические науки в МГИМО*. 2019. Т. 18, № 2. С. 5–11. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2019-2-18-5-11>
22. Каминская Т. Л., Ерохина О. В. Экспертный медиаконтент: создание и использование в современных медиа // *Вопросы теории и практики журналистики*. 2023. Т. 12, № 1. С. 24–40. [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2023.12\(1\).24-40](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2023.12(1).24-40)
23. Albæk E. The Interaction Between Experts and Journalists in News Journalism // *Journalism*. 2011. Vol. 12, № 3. P. 335–348. <https://doi.org/10.1177/1464884910392851>
24. Jerit J. Understanding the Knowledge Gap: The Role of Experts and Journalists // *The Journal of Politics*. 2009. Vol. 71, № 2. P. 442–456. <https://doi.org/10.1017/s0022381609090380>
25. Тюнина Е. В. Специфика освещения санкций в российских онлайн-СМИ // *Наука и школа*. 2023. № 2. С. 43–56. <https://doi.org/10.31862/1819-463X-2023-2-43-56>
26. Чудинов А. П. *Политическая лингвистика*. М. : Флинта ; Наука, 2006. 256 с.
27. Доржиева Д. Ц. К вопросу о типе текста «Аналитическая статья» // *Научный диалог*. 2017. № 2. С. 32–43.
28. Арутюнова Н. Д. *Язык и мир человека*. М. : Языки русской культуры, 1998. 896 с.
29. Балашова Л. В. *Русская метафорическая система в развитии: XI–XXI вв.* М. : Рукописные памятники Древней Руси ; Знак, 2014. 632 с. (*Studia Philologica*).
30. Гак В. Г. Метафора: универсальное и специфическое // *Метафора в языке и тексте / отв. ред. В. Н. Телия*. М. : Наука, 1988. С. 11–26.
31. Möller N. Cognitive Metaphor and the «Arab Spring» // *Cognitive Explorations Into Metaphor and Metonymy*. Frankfurt am Main : Peter Lang Edition, 2014. P. 113–147. <https://doi.org/10.3726/978-3-653-03550-6>
32. Borčić N., Kanižaj I., Kršul S. Conceptual Metaphor in Political Communication // *Zbornik Sveučilišta u Dubrovniku*. 2016. № 3. P. 73–94.
33. Окунева И. О. Виды и роль метафоры в печатных СМИ России, Великобритании, США и Канады (на материале газетных статей, посвященных проблеме взаимоотношений между государством, обществом и прессой) // *Политическая лингвистика*. 2010. № 4. С. 135–145.
34. Чудинов А. П. *Очерки по современной политической метафорологии*. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2013. 176 с.

35. Скребцова Т. Г. Когнитивная лингвистика: классические теории, новые подходы. М. : Издательский Дом ЯСК, 2018. 391 с.

REFERENCES

1. Degaltseva A. V., Sirotinina O. B. Changes in informative and analytical genres of modern media. *Speech Genres*, 2023, vol. 18, no. 2 (38), pp. 155–165 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-2-38-155-165>
2. Kim M. N. *Zhanry sovremennoj zhurnalistiki* [Genres of Modern Journalism]. Saint Petersburg, Izd-vo Mikhailova, 2004. 336 p. (in Russian).
3. Kroichik L. E. *Journalistic genre system*. In: *Osnovy tvorcheskoj dejatel'nosti zhurnalista* [Kronosenko S. G., ed.-comp. The Fundamentals of Journalistic Creativity]. Saint Petersburg, Znanie, 2000, pp. 125–168 (in Russian).
4. Lazutina G. V., Raspopova S. S. *Zhanry zhurnalistskogo tvorчества* [Genres of journalistic creativity]. Moscow, Aspekt Press, 2011. 320 p. (in Russian).
5. Samartsev O. R. *Tvorcheskaja dejatel'nost' zhurnalista: ocherki teorii i praktiki* [Creative Activity of a Journalist: Essays on Theory and Practice]. Moscow, Akademicheskii proekt, 2007. 528 p. (in Russian).
6. Tertichnii A. A. *Analiticheskie zhanry v publichnom dialoge* [Analytical Genres in Public Dialogue]. Moscow, Puls, 2002. 40 p. (in Russian).
7. Rulyova N., Westley H. Changing News Genres as a Result of Global Technological Developments. *Digital Journalism*, 2017, vol. 5, no. 8, pp. 986–1005. <https://doi.org/10.1080/21670811.2017.1351882>
8. Ungerer F. *English Media Texts: Past and Present*. Amsterdam, John Benjamins Publishing Company, 2000. 304 p. <https://doi.org/10.1075/pbns.80>
9. Lyapun S. V. Change of priorities in the genre system of periodical press of the post-Soviet period. *The Bulletin of the Adyghe State University*, 2011, no. 3, pp. 72–76 (in Russian).
10. Uporov I. V. Digitalization of Journalism and Main Tendencies of its Development. In: *Digitalization of Communicative and Cultural Memory: The Role of Journalism as a Social Institution: Collection of Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference With International Participation (Ekaterinburg, April 25–26, 2019): in 2 parts. Part 1*. Ekaterinburg, Ural University Publ., 2019, pp. 83–88 (in Russian).
11. Valkovsky M. A. The process of transformation of genres in the digital media environment: Nature, factors and limits. In: *Journalism – methodology – mentoring: Materials of the International Scientific and Practical Conference (Minsk, March 1, 2023)*. Minsk, Belarussian State University Publ., 2023, pp. 272–276 (in Russian).
12. Kovalchuk L. P. Interaction of Internet content and media to attract youth audiences to the problems of the region. *User-Generated Content in Modern Communication: Materials of the I International Scientific and Practical Conference (Chelyabinsk, April 22–23, 2021)*, Chelyabinsk, Chelyabinsk State University Publ., 2021, pp. 39–42 (in Russian).
13. Knyazev A. A. *Jentsiklopedicheskij slovar' SMI* [Encyclopedic Dictionary of Media]. Bishkek, KRSU Publ., 2002. 164 p. (in Russian).
14. Chudinov A. P. Discursive Characteristics of Political Communication *Political Linguistics*, 2012, no. 2 (40), pp. 53–59 (in Russian).
15. Balashova L. V. The Horizontal Model of the Spatial Metaphor in the Media Image of Russia (Genres of Analytical Review and Expert Opinion). *Quaestio Rossica*, 2017, vol. 5, no. 4, pp. 1178–1196 (in Russian). <https://doi.org/10.15826/qr.2017.4.274>
16. Dobrosklonskaya T. G. *Voprosy izuchenija mediatelyk (opyt issledovanija sovremennoj anglijskoj mediatelyki)* [Issues in the Study of Media Texts (experience in Researching Modern English Media Speech)]. Moscow, Editorial URSS, 2005. 288 p. (in Russian)
17. Manaenko S. A. Analytical texts of mass communication: functions of introductory structures. *Cognitive Studies of Language*, 2017, no. 31, pp. 201–210 (in Russian).
18. Tertichnii A. A. *Analiticheskaja zhurnalistika* [Analytical journalism]. Moscow, Aspekt Press, 2010. 352 p. (in Russian).
19. Le E. Editorials' Genre and Media Roles: Le Monde's Editorials from 1999 to 2001. *Journal of Pragmatics*, 2009, vol. 41, no. 9, pp. 1727–1748. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2008.10.013>
20. Izadi F., Saghaye-Biria H. A Discourse Analysis of Elite American Newspaper Editorials: The Case of Iran's Nuclear Program. *Journal of Communication Inquiry*, 2007, vol. 31, no. 2, pp. 140–165. <https://doi.org/10.1177/0196859906298073>
21. Nikonova E. A. Functions of Analytical Article (by the Material of Political Discourse). *Linguistics & Polyglot Studies*, 2019, vol. 18, no. 2, pp. 5–11 (in Russian) <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2019-2-18-5-11>
22. Kaminskaia T. L., Erokhina O. V. Expert Media Content: Creation and Use in Modern Media. *Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2023, vol. 12, no. 1, pp. 24–40 (in Russian). [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2023.12\(1\).24-40](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2023.12(1).24-40)
23. Albæk E. The Interaction Between Experts and Journalists in News Journalism. *Journalism*, 2011, vol. 12, no. 3, pp. 335–348. <https://doi.org/10.1177/1464884910392851>
24. Jerit J. Understanding the Knowledge Gap: The Role of Experts and Journalists. *The Journal of Politics*, 2009, vol. 71, no. 2, pp. 442–456. <https://doi.org/10.1017/s0022381609090380>
25. Tiunina E. V. Specifics of the coverage of sanctions in the Russian online media. *Science and School*, 2023, no. 2, pp. 43–56 (in Russian). <https://doi.org/10.31862/1819-463X-2023-2-43-56>
26. Chudinov A. P. *Politicheskaja lingvistika* [Political linguistics]. Moscow, Flinta, Nauka, 2006. 256 p. (in Russian).
27. Dorzhieva D. Ts. On Question of “Analytical Article” Text Type. *Nauchnyi dialog (Scientific Dialogue)*, 2017, no. 2, pp. 32–43 (in Russian).
28. Arutyunova N. D. *Jazyk i mir cheloveka* [Language and the Human World]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury, 1998. 896 p. (in Russian).
29. Balashova L. V. *Russkaja metaforycheskaja sistema v razvitii: XI–XXI vv.* [Russian Metaphorical System in Development: XI–XXI Centuries]. Moscow, LRC Publishing House, 2014. 632 p. (Studia Philologica) (in Russian).
30. Gak V. G. Metaphor: Universal and Specific. In: *Metafora v jazyke i tekste. Otv. red. V. N. Teliya*

[Teliya V. N., ed. Metaphor in language and text]. Moscow, Nauka, 1988, pp. 11–26 (in Russian).

31. Möller N. Cognitive Metaphor and the “Arab Spring”. In: *Cognitive Explorations Into Metaphor and Metonymy*. Frankfurt am Main, Peter Lang Edition, 2014, pp. 113–147. <https://doi.org/10.3726/978-3-653-03550-6>

32. Borčić N., Kanižaj I., Kršul S. Conceptual Metaphor in Political Communication. *Zbornik Sveučilišta u Dubrovniku*, 2016, no. 3, pp. 73–94.

33. Okuneva I. O. Types and the Role of Metaphor in the Press of Russia, Great Britain, the USA and Canada

(Based on the Newspaper Articles on the Issues of the State, Society and the Press Relations). *Political Linguistics*, 2010, no. 4, pp. 135–145. (in Russian)

34. Chudinov A. P. *Očerki po sovremennoj politicheskoj metaforologii* [Essays on Modern Political Metaphorology]. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2013. 176 p. (in Russian).

35. Skrebtsova T. G. *Kognitivnaja lingvistika: klasicheskie teorii, novye podkhody* [Cognitive Linguistics: Classical Theories, new Approaches]. Moscow, LRC Publishing House, 2018. 391 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 19.11.2023; одобрена после рецензирования 15.01.2024; принята к публикации 18.01.2024

The article was submitted 19.11.2023; approved after reviewing 15.01.2024; accepted for publication 18.01.2024

Жанры речи. 2024. Т. 19, № 3 (43). С. 277–285

Speech Genres, 2024, vol. 19, no. 3 (43), pp. 277–285

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-3-43-277-285>, EDN: QXBJDP

Научная статья

УДК 070-053.2(470+571)|1990/1995|:811.161.1'38

Жанровые формы в детском журнале «Трамвай»

О. В. Марьина, Т. П. Сухотерина[✉]

Алтайский государственный педагогический университет, Россия, 656031, г. Барнаул,
ул. Молодежная, д. 55

Марьина Ольга Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры общего
и русского языкознания, marina_olvik@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4355-7944>

Сухотерина Татьяна Павловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего
и русского языкознания, tatsu81@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5551-6149>

Аннотация. Статья вписана в круг работ, посвященных изучению жанровых характеристик текстов, жанровых форм. Актуальность исследования определяется спецификой природы речевых жанров, их изменчивостью. Целью работы явилось рассмотрение журнала «Трамвай» как речевого жанра в аспекте его жанровых форм. Материалом исследования послужили номера журнала, выпущенные в период с 1990 по 1995 г. Предпринята попытка рассмотреть соотношение понятий «жанр» и «жанровая форма». Авторы придерживаются точки зрения, что «жанровая форма» представляет собой жанр, входящий в структуру другого, более сложного жанра. Одной из жанровых характеристик журнала «Трамвай» и составляющих его жанровых форм является креолизованность/поликодовость, соединение вербального и паравербального компонентов. С одной стороны, взаимодействие названных элементов оказывается приметой всех журналов для детей и подростков. С другой стороны, рисунки, порой их преобладание над вербальным текстом, его расположение на листе, цвет, разнообразие шрифта отличают анализируемый журнал от других. В «Трамвае» выделяются жанровые формы, которые распределяются на две группы – традиционные и новые. Анализ показал, что традиционными жанровыми формами являются рассказы, комиксы, загадки, сказки (народные, авторские, фантастические), произведения юных читателей, инструкции; новыми жанровыми формами выступают беседа с читателем, жанр лимерики, слова-эпиграфы, сказочный рассказ, сообщение о православных праздниках, рецепты («гастрономические странички»). «Традиционность» авторы статьи считают условной, так как при сохранении жанровой формы содержание представленных в журнале текстов отличается от текстов этих же жанровых форм из других детских журналов: в основе загадки лежит не сравнение, метафора, эпитет, а ирония; рассказы построены как диалог, продолжающийся из номера в номер, или их предваряют комментарии составителей относительно автора или содержания произведения; появляются интертекстуальные сказки, в создании которых принимают участие читатели.

Ключевые слова: журнал, детский журнал, жанровые признаки, жанровая форма, текст, креолизованный текст, традиционные жанровые формы, новые жанровые формы

Для цитирования: Марьина О. В., Сухотерина Т. П. Жанровые формы в детском журнале «Трамвай» // *Жанры речи*. 2024. Т. 19, № 3 (43). С. 277–285. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-3-43-277-285>, EDN: QXBJDP

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Genre forms in the children's magazine "Tram"

O. V. Maryina, T. P. Sukhoterina[✉]

Altai State Pedagogical University, 55 Molodezhnaya St., Barnaul 656031, Russia

Olga V. Maryina, marina_olvik@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4355-7944>

Tatyana P. Sukhoterina, tatsu81@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5551-6149>

Abstract. The article is included in the range of works devoted to the study of genre characteristics of texts and genre forms. The relevance of the study is determined by the specific nature of speech genres and their

variability. The purpose of the work is to research the magazine “Tram” as a speech genre and its genre forms. The material for the study was the journal issues published between 1990 and 1995. The article tries to consider the relationship between the concepts of “genre” and “genre form”. The authors adhere to the point of view that a “genre form” is a genre that is part of the structure of another, more complex genre. One of the genre characteristics of the magazine “Tram” and its constituent genre forms is creolization/polycode, a combination of verbal and paraverbal components. On the one hand, the interaction of these elements turns out to be a feature of all magazines for children and teenagers. On the other hand, drawings, sometimes their predominance over the verbal text, their location on the page, color, variety of fonts distinguish the analyzed magazine from others. The magazine “Tram” distinguishes genre forms, which are divided into two groups – traditional and new ones. The analysis shows that traditional genre forms are stories, comics, riddles, fairy tales (folk, author’s, fantasy ones), works of young readers, instructions; new genre forms include a conversation with the reader, the genre of limericks, words-epigraphs, fairy tales, messages about Orthodox holidays, cooking recipes (“gastronomic pages”). The authors of the article considers “traditionality” to be conditional, because while maintaining the genre form, the content of the texts presented in the magazine differs from the texts of the same genre forms from other children’s magazines: the basis of the riddle is not comparison or metaphor and epithet, but irony; the stories are constructed as a dialogue that continues from issue to issue, or they are preceded by comments from the compilers regarding the author or the content of the work; there appear intertextual tales, in the creation of which readers take part.

Keywords: magazine, children’s magazine, genre characteristics, genre form, text, creolized text, traditional genre forms, new genre forms

For citation: Maryina O. V., Sukhoterina T. P. Genre forms in the children’s magazine “Tram”. *Speech Genres*, 2024, vol. 19, no. 3 (43), pp. 277–285 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-3-43-277-285>, EDN: QXBJDP

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Детский журнал «Трамвай» просуществовал с 1990 по 1995 г. – в период глобальных изменений в стране, о которых не могли не упомянуть и создатели журнала в обращении к читателям¹: «Привет, ребята! Как ни странно, мы ещё живём. И хотя социально-политические условия не позволяют нам развернуться в полной мере, мы, однако, надеемся на светлое будущее журнала. Что бы ни случилось в нашей стране, читатель у “Трамвая” всегда найдется. И для этого читателя мы готовы на всё: лишь бы он (она, они или даже онО) получил очередной номер любимого журнала – пусть и с опозданием, но получил бы. Кстати, опоздание это досадное происходит вовсе не по вине редакции. Тут аккурат влияют социально-политические условия, о которых говорилось выше» (1994, № 1). Несмотря на небольшую историю журнала, по сравнению с другими детскими журналами, такими как «Весёлые картинки», «Мурзилка», «Пионер», у «Трамвая» появилась своя аудитория и стали закладываться свои традиции. Такие факторы, как а) недолгое существование журнала в период серьёзных социально-экономических и политических изменений в стране; б) наметившиеся в «Трамвае» традиции, касающиеся подачи материала и выбора авторов;

в) своя читательская аудитория – школьники средних классов (журнал «Трамвай» можно называть одним из первых изданий для подростков); г) «открытость» журнала (в нём печатались как «гневные» послания (Здравствуй, Трамвай! Пишет тебе девочка из г. Баку Сулейманова Наргиз. Я хочу сказать, что мне ваш журнал совсем не нравится. (1991, № 4), так и восторженные письма читателей (Дорогой журнал, «Трамвай»! Пишут тебе две семиклассницы Оксана и Лариса. Мы с удовольствием читаем тебя! В этом журнале очень много интересных страничек, ярких картинок! Нам очень нравишься ты!.. (1991, № 4); д) существование журнала в сложное для страны время, в которое могло возникнуть такое непохожее на все известные издание для детей и подростков и которое «не позволило» издавать его дальше, – обусловили наше обращение к журналу «Трамвай».

Названные факторы не могли не повлиять на выбор жанровых форм, составляющих номера журнала «Трамвай», являющихся предметом нашего изучения.

Жанровые формы в журнале «Трамвай»

Прежде чем приступить непосредственно к рассмотрению жанровых форм журнала «Трамвай», отметим, что в науке на сегодняшний день не существует однозначного

¹Во всех приведенных примерах из журнала сохраняется авторская орфография, пунктуация и графика.

решения относительно соотношения понятий «жанр» и «жанровая форма». Зачастую одна сфера коммуникации, одно коммуникативное событие требует использования не одного, а нескольких жанров, «репертуара жанров» по М. М. Бахтину [1: 159].

Ю. Н. Тынянов предлагает понятие «комбинированный жанр» [2], складывающийся на основе совмещения в художественном тексте черт, характерных для различных жанровых канонов. В свою очередь, Ю. Д. Багров рассматривает его как «сочетание значимых для исходного жанра черт, то есть тех признаков, которое и отличает его от иных жанров, позволяет обособить как отдельную жанровую форму в рамках данной системы жанров. Иначе говоря, комбинируются конструктивные особенности исходных моделей» [3: 9].

В аспекте рассмотрения жанра и жанровой формы нам представляется интересной позиция В. Е. Гольдина и О. Н. Дубровской, которые считают, что «РЖ – это тип, форма, коммуникативная организация речевого действия и соответствующего речевого произведения» [4: 6]; а поскольку журнал возможно рассматривать как вариант газетно-журнального жанра, то следует обратиться к пониманию газетного жанра: он выступает как «типовая речевая структура, состоящая из набора жанрообразующих (обязательных) и факультативных (необязательных) речевых форм, порождаемая типовой коммуникативной ситуацией и предназначенная для передачи типового содержания в соответствии с типовой коммуникативной целью» [5: 26] и др.

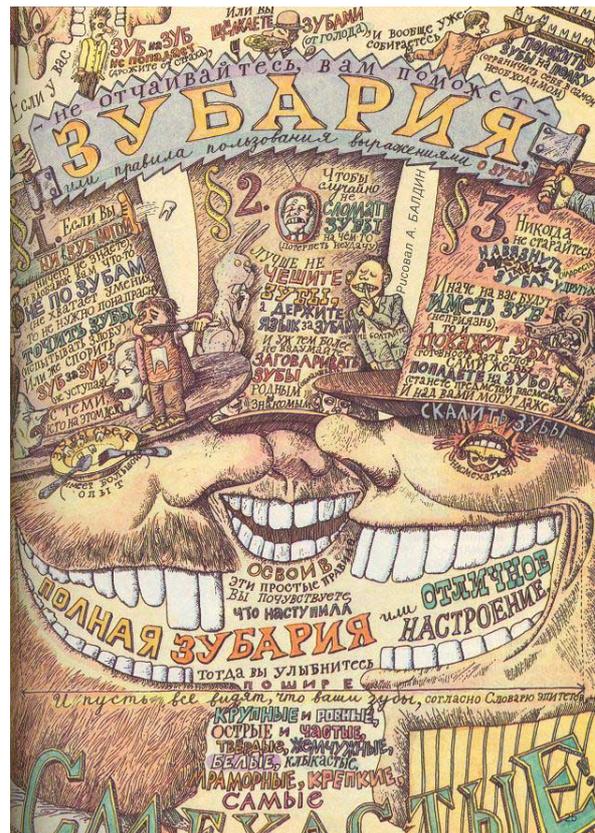
По мнению Н. А. Николиной, «жанровая форма и жанр выступают как своеобразная модель, которая может иметь ряд конкретных реализаций (воплощений). Она носит характер относительно закрытой структуры, представляющей собой сетку отношений между определенным образом организованными речевыми средствами. Эти средства, выполняя жанрообразующую функцию, носят разный характер и условно могут быть объединены в три группы на основе выполняемой ими функции. Они могут участвовать: 1) в формировании содержательно-тематической стороны текста; 2) в формировании структуры повествования и моделировании определенной коммуникативной ситуации; 3) в оформлении композиции текста» [6].

В рамках настоящего исследования мы будем рассматривать понятия «жанровая форма» как жанр, входящий в структуру другого (более сложного) жанра, определяющий его специфику, но при этом обладающий собственными характеристиками, позволяющими

его отличать от других жанровых разновидностей.

Исследуемый журнал – жанр, характеризующийся наличием разнообразных жанровых форм. В этом аспекте жанр «журнал» является сложным жанром, включающим в себя другие жанры (жанровые формы, поджанры): рассказ, сказка, загадка, кроссворд, стихи, конкурс, комикс, рецепты и др.

Одной из жанровых характеристик журнала «Трамвай» и составляющих его жанровых форм является креолизованность/поликодность, соединение вербальной и паравербального компонентов. «Креолизованный текст – это знаковое образование – текст, состоящий из вербальной и невербальной (изображение) частей: речевой цепи и изображения предмета, описанного в этой речевой цепи. В креолизованном тексте содержание отображено языковыми знаками в письменной форме (графемами) и неязыковыми (иконическими) знаками в виде изображений предметов [7: 9].

По мнению М. Б. Ворошиловой, креолизованный текст представляет собой «особый феномен, в котором вербальный и невербальный компоненты образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функционирующее целое, что предполагает его комплексное

прагматическое воздействие на адресата» [8: 177].

Взаимодействие автора и адресата в исследуемом журнале осуществляется в условиях дистантной коммуникации, поэтому невербальные (паралингвистические) средства играют немаловажную роль, помогают визуализировать коммуникацию, актуализировать информацию. В журнале «Трамвай» вербальный и невербальный компонент настолько взаимосвязаны, что порой невозможно установить, какой из них оказывается ведущим. Так, при знакомстве с циклом работ, посвященных частям тела человека, печатный текст отходит на второй план, иллюстрации занимают главенствующее место: в данном случае – это не рисунки к тексту, а текст, сопровождающий рисунки.

В письменном тексте паралингвистические средства оформляют внешнюю организацию текста, «образуют поле паралингвистических средств» [9: 6].

К паралингвистическим средствам относятся такие, как: графическая сегментация текста и его расположение на бумаге, длина строк, шрифт, цвет, курсив, графические символы, рисунки, схемы, фотографии и др. Такое поле паралингвистических средств характерно для журнала «Трамвай».

Традиционные жанровые формы в журнале «Трамвай»

В ходе анализа были выявлены традиционные жанровые формы, например, **рассказы** (Г. Остер «Семь мам Семена Синенородько» (1990, № 3), стихи (Г. Сапгир «Затмение солнца» (1990, № 8), **комиксы** (что ранее было названо в журнале «Весёлые картинки» «правдивой историей в картинках», а позже переименовано в «мультик»). Главными героями комиксов (картинок с текстом) выступает преимущественно инспектор БерТРАМВАЙс и его верный друг – такса Компостер. Именно комиксы оказываются наиболее яркими креолизованными текстами.

В журнале печатаются комиксы и с другими героями, и некоторые из этих «рассказов» в картинках оказываются вообще без сопроводительного текста (например, 1990, № 3; 1990, № 9). Это вполне объяснимо: визуальная картинка в данный период становится очень популярной: её, с одной стороны, красочной, с другой стороны, содержательной, становится вполне достаточно, чтобы адресат получил нужную информацию. Кроме того, в 1990-е гг. появляется отечественная реклама, возникает возможность увидеть зарубежную рекламу и яркие постеры – все это предопределяет появление комиксов без вербального сопровождения. Смеем предположить, что период

«обесценивания слов» и «пустых обещаний» сыграл не последнюю роль в создании комиксов без текста.

Жанры, имеющие четкую, сформировавшуюся форму, в журнале трансформируются.

Так, **загадка**, которая призвана «актуализировать знания коллектива о мире физических реалий во всей сложности их взаимосвязей, что обуславливает специфику тематического круга», в которой «в качестве загадываемых реалий фигурируют объекты материальной природы: от предметов повседневного обихода до технических средств» [Абдрашитова], заметно видоизменяется. «Трамвай» печатает юмористические загадки – «их не нужно разгадывать. Стоит их только прочитать...» (1990, № 9): (– Кто может прыгнуть выше дома? – Любой! Потому что дома не умеют прыгать). Данные загадки не рифмуются – по структуре это одно предложение, начинающееся с вопросительного слова (Что сказала бумага плохо очищенному карандашу). Вторым самостоятельным предложением является отгадка (– Ну, и тупой же ты). И это ещё один обязательный компонент юмористической загадки, на который указывают и сами авторы (Юмористические загадки (а заодно – и отгадки) (1993, № 12). Пожалуй, краткость – это один из критериев, который сближает классическую загадку с юмористическими загадками «Трамвая». Помимо юмористических

загадок, в номерах журнала можно обнаружить «о-о-очень ю-ю-юмористические загадки»: – *Что за невидимка может повторять слова, даже не имея при этом языка? – Это НЕвидимое эхо!* (1994, № 1) или вообще «неюмористические загадки» – загадки авторские, которые по своей структуре и семантике схожи с загадками традиционными: *Он соединил во власти Вместе порванные части: И бумагу, и картон Вмиг соединяет он!* (1993, № 12). В № 1 за 1995 г. собраны «Загадки русского народа про свинью», потому что 1995 г. – год свиньи (по китайскому календарю): *Ходя ходит, Виса висит; Виса пала, Ходя съела – свинья и желуди.* В № 7 (1991 г.), помимо загадок, есть шуточные вопросы, которые по своей структуре схожи с юмористическими загадками, вторым обязательным компонентом которых являются отгадки: – *Что можно увидеть только с закрытыми глазами? – Сон.*

В отличие от других креолизованных текстов, в оформлении некоторых юмористических загадок ведущее место отводится цвету: новый цвет – новая загадка и расположению текста: слева – одна загадка, справа – другая.

Традиционно сюжет **рассказа** является простым, но при этом увлекательным, чтобы заинтересовать читателя. В рассказах в журнале «Трамвай» основное внимание уделено поступкам, мыслям и переживаниям героев. Рассказ как жанр также претерпевает

изменения. Например, в № 3 за 1990 г. был напечатан рассказ «Мой товарищ – бабушка», а в № 6 этого же года – «Мой товарищ – внук», соединившие в себе прозу и поэзию. В № 6 (1991) появляется рассказ Л. Петрушевой «Пуськи бятые», сюжетно соотносимый с жанром рассказа: есть герои, их последовательные действия, есть развязка, повествование ведется от 3-го лица. При этом текст состоит из слов, не понятных читателю (*Сяпала Калуша по напушке и увазила бутявку*), только благодаря заглавным и строчным буквам, служебным частям речи, формам слова читатель может «представить», какие действия совершают герои. В этом же номере журнала напечатан рассказ А. П. Чехова «Сапоги всмятку», имеющий традиционное деление на главы. Ранее были опубликованы рассказы Л. Андреева «Исцеление больного», «Мара», «Царь и корова» (№ 5, 1991), а в № 7 (1991) – небольшие рассказы М. М. Пришвина о природе, которые предваряются следующими словами: *«...взрослые – когда вырастают – забывают язык Природы. И только некоторые из них, те, кого называют писателями (или выдумщиками, фантазерами, чудаками, большими детьми) кое-что ещё помнят. Один из них – русский писатель Михаил Михайлович Пришвин».* В № 10 (1990) представлен рассказ колокола, именно от его лица ведется повествование в произведении.

Как и в других журналах для детей, в «Трамвае» печатаются **сказки**. В самом первом выпуске появляется фантастическая сказка Тима Собакина «Да здравствует сиреневые облака! Или История мировой сенсации», содержащая посвящение новому журналу «Трамвай», главным редактором которого является сам автор фантастической сказки Андрей Викторович Иванов (Тим Собакин). В одном только номере (1990, № 5) была опубликована и шведская сказка «Честный и послушный слуга», и сказка южноамериканских индейцев «Откуда взялась ночь», и африканская сказка «Сватовство паука», и сказка маори (Новая Зеландия) «Каури и кит», и индонезийская сказка «Почему у медведя короткий хвост». Самой последней значилась антарктическая народная сказка, которая завершалась словами: *«И вообще, антарктических народных сказок не бывает. Потому что сказки придумывает народ, испокон веков живущий в какой-нибудь местности. А в Антарктиде только пингвины обитают».* В № 11 за 1990 г. можно найти английскую сказку-небылицу «Пирог для королевского стола», в основе которой соединено несоединимое, невозможное, логичное: *«В прошлое воскресенье это случилось в шесть*

часов вечера на рассвете. Я получил приказание настрелять ворон для шоколадного пирога, который должны были подавать через месяц на обед самому королю!». А в № 1 за 1994 г. – «жутковатую» сказку бушменов хадзапи. «Жутковатая» она потому, что в ней говорится и о смерти (хотя сам факт смерти в сказках не является чем-то трагичным, о чем стоит долго сожалеть), и о «восстании» из мертвых, и о поедании, точнее, проглатывании людей.

В журнале можно найти и **авторские сказки**. Так, в № 8 за 1993 г. напечатана «Сказка о чистой и прекрасной любви» В. Роньшина, название которой указывает как на тему, так и на жанр литературного произведения. О синкретизме названия и жанра мы вправе говорить и в случае со «Сказкой про дворника» С. Седова (1993, № 5). В № 1 за 1994 г. опубликована «просто сказочка» Леонида Андреева «Храбрый волк», которая впервые появилась в детском сборнике «Утро» в 1909 г.; ещё одну «просто сказочку» можно обнаружить в № 4–5 за 1995 г. – это «Сказка про манную кашу» В. Кротова.

Особое место среди сказок занимают «сказки наизнанку» – это аллюзии на известные сказки. Авторы рубрики задаются вопросами: «Но разве у нас нет фантазии? Разве мы не можем пересказать любую историю иначе?» В № 1 за 1993 г. напечатана сказка «Три колобка (и ещё четвертый)», которая начинается со встречи колобка с зайцем, съевшим первый колобок. В № 1 за 1995 г. помещена сказка «Летучий колобок», написанная юной читательницей – Еленой Константиновной Немировской, (11 лет, 8 месяцев), которая откликнулась на посыл «пересказать любую историю иначе». В сказке «У Лукоморья» герои действуют в настоящем времени: они оказываются упрятыми «в психиатрическую больницу с диагнозом “вера в сказки”» (1993, № 5).

Почти в каждом номере «Трамвая» публикуются **произведения юных читателей**. Так, в № 9 за 1990 г. напечатаны стихи четырехлетней Алёны Царьковой (*Вот моя кровать, Спать в ней очень сладко. Пусть приснится мне во сне, Что купаюсь я на дне. На лице моём улыбка, Потому что я ведь рыбка!*), в № 3 за 1991 г. – стихи уже нескольких авторов от 4 до 10 лет. Помимо поэтических произведений, в журнале публикуются рассказы и сказки, авторами которых также являются дети и подростки. Так, в № 2–3 (1990) на суд читателя представлена сказка юного автора Андрея Гришина «Иван Горыныч».

Традиционной для журнала можно считать такую жанровую форму, как **инструкция**, но не в её традиционном понимании,

представляющую собой описание последовательных действий, а инструкцию, начинающую рассказ – историю или даже несколько историй о том, что можно сделать своими руками с помощью подручных средств. Так, в № 1 за 1990 г. читателям предлагают изготовить коня («*У вас есть конь? Нет? Тогда – за дело!*»). Предваряет появление инструкции несколько «рассказов» о лошадях, забавных, тематических и поучительных одновременно. Один из них посвящен памятнику Петру I в Санкт-Петербурге, символизирующему «*победу светлых сил над темными силами зла – конь царя попирает копытом змею*», ниже сообщается о том, когда и кем был этот памятник сооружен. Ещё одна история касается Троянского коня, благодаря которому был повержен город Троя. И если инструкция по созданию коня предназначена для младших школьников, то инструкция по изготовлению подзорной трубы (1993, № 5) – для школьников средних классов. Несмотря на то что конкретный возраст целевой аудитории не называется, описание этапов работы и подача материала позволяют судить об этом. Все инструкции по изготовлению поделок имеют заголовок, представляющий собой образные выражения, например, «*Чудесная труба!*» (1993, № 5) или «*Журавлик счастья*» (1991, № 11).

Новые для журнала жанровые формы

Под «новыми» жанровыми формами мы понимаем такие, которые не характерны для детских журналов и журналов для подростков, а также совмещают в себе несколько жанровых форм. Они обусловлены временем выхода журнала и направлены на диалог с читателем.

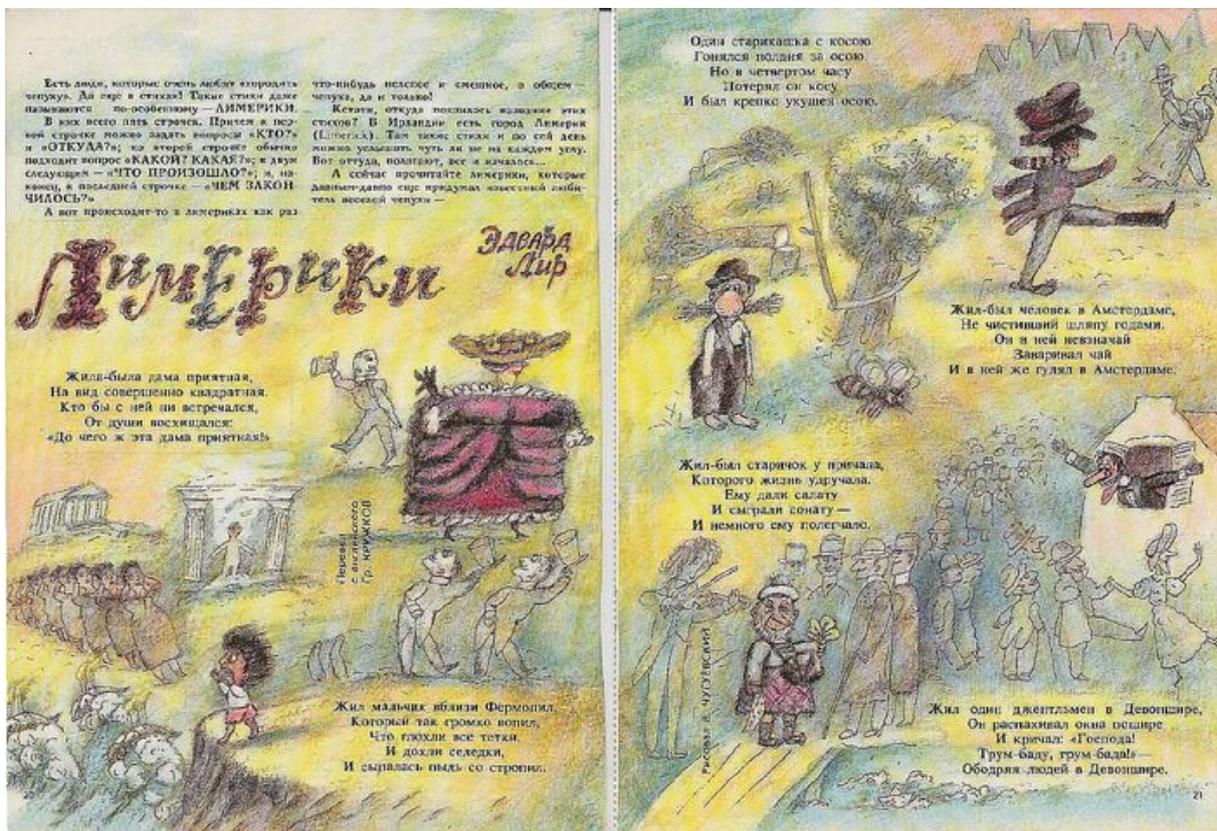
На протяжении всего существования журнала в нем было несколько постоянных разделов. В одном из них печатались произведения писателей и поэтов XIX – XX вв. До того как читатели знакомились с текстами известных мастеров слова, им предлагалось узнать, в какое время создавались произведения, что любили и ценили писатели и поэты. Так, в № 5 за 1991 г. содержится информация о жизни Владимира Галактионовича Короленко, в № 8 за 1991 г. представлен небольшой рассказ «В семье поэтов», начинающийся как сказка «Жила-была Анна Ахматова» (о двух выдающихся поэтах – А. Ахматовой и Н. Гумилеве), предваряющий их стихи. Годом ранее, в журнале № 2 за 1990 г., сообщалось, где родился Николай Заболоцкий и почему его стихи «получались необычными и непривычными». Весь 1993 г. «Трамвай» посвятил писателям XX века и их произведениям. Так, в № 1 опубликовано стихотворение Б. Па-

стернака «Снег идет» и рассказ А. Аверченко «Учитель Бельмесов» из его «Рассказов о старой школе». Информация о жизни писателей подается в форме непринужденной беседы с читателем, заметки, рассказа – учитывается возраст адресата, и поэтому составители рубрики считают необходимым говорить больше о человеческих качествах выдающихся личностей, чем о специфике их творчества. Другой раздел был посвящен художникам – не просто определить жанр, в котором повествуется о Казимире Малевиче (1991, № 4) или Василии Кандинском (1991, № 7), – это не рассказ, не биография, а **непринужденная беседа с читателем**, в которую последний вовлекается автором: *Разложим на столе: карандаш, спицу, пенал, кубик и щепку. Нет, не так... Попробуем еще раз... Вот теперь получается красиво, чувствуете? Оказывается, от взгляда на самые простые вещи можно получать разные впечатления: радоваться, если всё толково разложено, или злиться, если получается кавардак. Хотя, кавардак может быть и веселый, и уютный, и... Еще какой? Вот над этими, над самыми простыми свойствами вещей, предметов и красок задумывался художник Казимир Малевич (1991, № 4).*

«Трамвай» отличается от других журналов для детей и подростков тем, что включает произведения самых различных жанров.

В журнале № 1 за 1990 г. напечатаны произведения Эдварда Лира, написанные в **жанре лимерики**. А так как «Трамвай» – это главным образом литературный журнал, то предшествует приведенным поэтическим текстам объяснение, что представляет собой данная жанровая форма, чем она отличается от других поэтических жанровых форм: лимерики состоят из пяти строчек. *«Гричем к первой строчке можно задать вопросы “КТО?” и “ОТКУДА?”; ко второй строчке обычно подходит вопрос “КАКОЙ?”, “КАКАЯ?”; к двум следующим – “ЧТО ПРОИЗОШЛО?”; и, наконец, к последней строчке – “ЧЕМ ЗАКОНЧИЛОСЬ?”.* А вот происходит в лимериках как раз что-нибудь нелепое и смешное, в общем – чепуха да и только!»: *Жила-была дама приятная, На вид совершенно квадратная. Кто бы с ней ни встречался, от души восхищался: «До чего ж эта дама приятная!».*

В № 4 за 1991 г. опубликована «Языкария, или правила пользования выражениями о языке», которую предваряют не только слова («Для чего человеку язык? Чтобы его высовывать и дразниться! Однако с помощью языка можно делать ещё кое-что»), но и «**научный труд**» (как его назвал сам

автор) «Краткая классификация языков по их форме, размеру, предназначению и др.пр.». Слова, выведенные за рамки статьи «Оксюморония» (1991, № 8), – «Если вы устали отдыхать от усталости, наступившей после долгого отдыха и решили слегка устать от отдыха, то вас ждет страна Оксюморония» – можно назвать эпиграфом. С одной стороны, читатель заранее узнает, что его ожидает в самом «произведении», с другой, – уже до знакомства с основным материалом адресат «включается» в процесс восприятия информации: предваряющий текст построен таким образом, что читателю нужно отвечать на вопросы, соглашаться или не соглашаться с тем, что предлагает автор. **Слова-эпиграфы** – это не столько признак рубрик, касающихся построения текста, его стилистических особенностей, сколько особенность «поддачи материала» в журнале в целом. Автором таких развивающих разделов, состоящих их текстов разных жанров – рассказа и правил, выступил М. Малюков. Например, в № 7 за 1990 г. рассказ называется «Кто как видит», а следующие за ним правила – «Глазария, или правила пользования выражениями о глазах». «Правила» предваряют слова автора: *Что можно делать глазами? Смотреть. А еще что? Можно не смотреть. И всё? Неужели больше ничего не умеете?! Тогда вам просто необходима Глазария...*. В № 10 за 1990 г. представлен **сказочный рассказ** «Кто самый ушастый», а следом за ним – правила «Ушария, или правила пользования выражениями об ушах». Существование текстов разных жанровых форм позволяет юным читателям выбрать, что им нравится, познакомиться с тем, что они никогда не слышали и о чем не знали до настоящего времени, а создателям – заинтересовать аудиторию, привлечь внимание к тексту.

Одна из постоянных рубрик – «Острова Одиночества»: *Но они существуют – острова одиночества. Если причалить к ним, можно обнаружить, что там живут дети. Один ребенок, двое или шестеро – неважно. Главное – все они потерпели крушение. Ведь крушения случаются не только на суше или на море, но и на жизненном пути. Как ураган на судно, обрушивается на человека тяжелая болезнь.* (1990, № 10). Это крик о «помощи», обращение за помощью и одновременно история о ребенке, попавшем в больницу и нуждающемся в поддержке близких и совершенно чужих, до поры до времени не знакомых людей. Это одна из рубрик, нацеленная на обратную связь с читателем. И эта связь устанавливается: юные читатели (авторы называют их спасателями) присылают истории-отчеты, в которых сообщают, как

могут помочь или уже помогают оказавшимся в беде детям и подросткам. В одном только номере журнала (1991, № 11) появились сразу две истории, в которых сообщается о работе по оказанию помощи маленьким пациентам в разных городах России.

Отличало журнал «Трамвай» от всех периодических изданий для детей и юношества, издававшихся и в этот же период и ранее, то, что в нем содержалась **информация о православных праздниках**. Так, в № 1 за 1991 г. говорится о Крещении Господнем, об Иоанне Крестителе; в № 2 за 1991 г. – Сретенье Господнем; в № 8 за 1991 г. – Преображение Господнем – сообщается, что значит этот праздник, когда он отмечается, как возник, в связи с какими событиями. Что касается жанра, в рамках которого ведется изложение, то это, скорее всего, рассказ – вольное интерпретация Библейских сюжетов – указание на отнесенность к жанру «указывается» после текста – «рассказала Наталия Алеева» (1991, № 1). Обращение к теме православия не является случайным: именно в 1990-е гг. отмечается «массовое обращение» к вере, возрождается интерес к православным праздникам, религии, Богу.

Не совсем типичным для журнала оказывается появление в нем **рецептов**, или так называемых «гастрономических страничек». Именно «страничек», потому что в отдельном номере представлено сразу несколько рецептов. Сама «подача» материала не является традиционной для данного жанра. Так, 3 рецепта в № 3 за 1990 г. написаны гексаметром; ранее читателям было объяснено, что представляет собой этот ритм стиха. У «создателей» рецептов «вкусные» фамилии: Елена Эдиповна Ванильская нашла рецепты, а доктор пищевых наук Э. Е. Шоколадкина прокомментировала находку. Вообще, «говорящими» могут быть не только фамилии «авторов» (в № 12 за 1990 г. «автор» рассказа «Без аппетита» Лев Голодный, а статьи «Традиция поедания друг друга как осознанная необходимость» написаны д-р И. А. Шницель), но и названия произведений (в № 12 за 1990 г. опубликованы отрывки из «Книги о гадкой и вредной пище» – рецепты супа «Аляска» и салата «Ой-Ливье»). В этом же номере журнала (1990, № 12) представлен «Ежеобедник тайного общества “Зубы на полку” – “За обе щеки”».

Заключение

Каждый жанр может быть рассмотрен, с одной стороны, как индивидуальный, специфичный по своей природе, а с другой стороны, как исторически сложившийся, характеризующийся функциональными, структурно-ком-

позиционными, содержательно-формальными признаками. Журнал «Трамвай» – это периодическое издание, содержащее материалы, на различные темы, интересные и актуальные для детей-подростков. Жанровая форма презентации материала детерминирована раскрываемой темой, которая, в свою очередь, предопределяет композицию, выбор языковых средств, креолизацию и др.

Проведенное исследование позволило сделать вывод о том, что детский журнал как речевой жанр характеризуется жанрообразующими признаками, подтверждающими его уникальность. Одной из доминантных жанровых характеристик журнала «Трамвай» и составляющих его жанровых форм является креолизованность / поликодовость, представляющая соединение вербального и паравербального компонентов.

Журнал как речевой жанр является сложным жанром, состоящим из различных жанровых форм (жанров, поджанров). Специфика

журнала, его адресность оказывает влияние на наличие тех или иных жанровых форм. Анализ позволяет сделать вывод о том, что в «Трамвае» содержатся разножанровые произведения (тексты), являющиеся для журнала традиционными или новыми.

К традиционным жанровым формам относятся рассказы, комиксы, сказки, загадки (отмечается наличие загадок без рифмы), сказки (среди которых особенно выделяются «сказки наизнанку»), инструкции, произведения, написанные читателями.

Новыми жанровыми формами для исследуемого журнала являются неспецифические для детских журналов и журналов для подростков, иногда гибридные жанровые формы, такие как непринужденная беседа с читателем, в которую его вовлекает один из авторов, жанр лимерики, правила, «научные труды», слова-эпиграфы, сказочные рассказы, информация о православных праздниках, гастрономические странички.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Собрание сочинений : в 5 т. М. : Русские словари, 1996. Т. 5: Работы 1940–1960 гг. С. 159–206.
2. Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М. : Наука, 1969. 424 с.
3. Багров Ю. Д. Что такое «комбинированный жанр» // Вестник СПбГУ. Серия 9. 2012. Вып. 2. С. 9–14.
4. Гольдин В. Е., Дубровская О. Н. Жанровая организация речи в аспекте социальных взаимодействий // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 2002. Вып. 3. С. 5–18.
5. Коньков В. И. Речевая структура газетных жанров : учебное пособие. СПб. : Роза мира, 2004. 219 с.
6. Николina Н. А. Филологический анализ текста : учебное пособие. М. : Академия, 2003. URL: https://royallib.com/read/nikolina_nataliya/filologicheskii_analiz_teksta_uchebnoe_posobie.html#81920 (дата обращения: 05.10.2023).
7. Креолизованный текст: Смысловое восприятие : коллективная монография / отв. ред. И. В. Вашунина. М. : Институт языкознания РАН, 2020. 206 с.
8. Ворошилова М. Б. Креолизованный текст: принцип целостности или принцип заменяемости // Политическая лингвистика. 2013. № 4. С. 177–183.
9. Анисимова Е. Е. Лингвистика и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) : учеб. пособие для студ. фак. иностр. яз. вузов. М. : Академия, 2003. 128 с.

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. The problem of speech genres. Bakhtin M. M. *Collected Works: in 5 vols.* Moscow,

Russkie slovari, 1996. Vol. 5: Works 1940–1960, pp. 159–206 (in Russian).

2. Tynyanov Yu. N. *Pushkin i ego sovremenniki* [Pushkin and his contemporaries]. Moscow, Nauka, 1969. 424 p. (in Russian).

3. Bagrov Yu. D. What is a “combined genre”. *Bulletin of St. Petersburg State University. Series 9*, 2012, vol. 2, pp. 9–14 (in Russian).

4. Goldin V. E., Dubrovskaya O. N. Genre organization of speech in the aspect of social interactions. *Speech Genres : Coll. of sci. arts.* Saratov, GosUNTs “Kolledzh”, 2002, vol. 3, pp. 5–18 (in Russian).

5. Konkov V. I. *Rechevaya struktura gazetnykh zhanrov: uchebnoe posobie* [Speech Structure of Newspaper Genres: Textbook]. St. Petersburg, Roza mira, 2004. 219 p. (in Russian).

6. Nikolina N. A. *Filologicheskii analiz teksta: uchebnoe posobie* [Philological Analysis of Text: Textbook]. Moscow, Akademiya, 2003. Available at: https://royallib.com/read/nikolina_nataliya/filologicheskii_analiz_teksta_uchebnoe_posobie.html#81920 (accessed April 10, 2023) (in Russian).

7. *Kreoizovannyi tekst: Smyslovoe vospriyatie: koll. monografiya. Otv. red. I. V. Vashunina* [Vashunina I. V., ed. Creolized text: Semantic perception : Collective monograph]. Moscow, Institute of Linguistics RAS Publ., 2020. 206 p. (in Russian).

8. Voroshilova M. B. Creolized text: The principle of integrity or the principle of replaceability. *Political Linguistics*, 2013, no. 4, pp. 177–183 (in Russian).

9. Anisimova E. E. *Lingvistika teksta i mezhkul'turnaya kommunikatsiya (na materiale kreoizovannykh tekstov)* [Text linguistics and intercultural communication (based on creolized texts)]. Moscow, Akademiya, 2003. 128 p.

Поступила в редакцию 30.11.2023; одобрена после рецензирования 25.12.2023; принята к публикации 18.01.2024
The article was submitted 30.11.2023; approved after reviewing 25.12.2023; accepted for publication 18.01.2024

ИНТЕРНЕТ-ЖАНРЫ

Жанры речи. 2024. Т. 19, № 3 (43). С. 286–294

Speech Genres, 2024, vol. 19, no. 3 (43), pp. 286–294

<https://zhanry-rechi.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-3-43-286-294>, EDN: WZZOHY

Научная статья

УДК 811.161.1'27'38:004.738.5

Комментарий vs интернет-комментарий: к проблеме специфики жанра виртуальной коммуникации

Л. Г. Ким[✉], А. А. Рольгайзер

Кемеровский государственный университет, Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, д. 6

Ким Лидия Густовна, доктор филологических наук, доцент, директор Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций, kimli09@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1712-9663>

Рольгайзер Анастасия Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, rolgayzer_nastya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5040-5941>

Аннотация. Предлагаемое исследование посвящено анализу комментария как реактивного речевого жанра. Особое внимание уделено его разновидности – интернет-комментарии к различным сетевым материалам (новостям, постам, блогам), широко представленному в процессе виртуальной коммуникации. Цель настоящей статьи – обосновать положение о том, что интернет-комментарий является гибридным речевым жанром, характеризующимся, с одной стороны, признаками традиционного комментария как вторичного жанра, а с другой – особыми признаками, обусловленными виртуальной коммуникативной средой. В ходе исследования решаются задачи: 1) выявления типологических свойств комментария как реактивного жанра; 2) установления особенностей жанра интернет-комментария. Эмпирическим материалом исследования послужили контексты, отобранные методом сплошной выборки с различных интернет-ресурсов (новостных порталов, блогов, развлекательно-новостных сайтов). В процессе анализа использовались сопоставительный метод и метод дискурс-анализа. В результате комплексного анализа различных видов комментариев установлен ряд особенностей, присущих жанру интернет-комментария: полисубъектность, реализация центростремительных и центробежных тенденций, определяющих развитие диалога между пользователями, отражающих субъективное восприятие исходного текста авторами интернет-комментариев и их субъективные когнитивно-речевые реакции, реализация особой коммуникативной цели, языковое оформление и содержание, выражающееся в преобладании модуса над диктумом, особенности оформления текста, что связано с его технической стороной. С точки зрения парадигматических и синтагматических связей, жанр интернет-комментария характеризуется лучеобразным и волнообразным принципом организации. Таким образом, интернет-комментарий является гибридным жанром виртуальной коммуникации, сочетающим, с одной стороны, характеристики традиционного жанра комментария и, с другой стороны, характеристики прочих интернет-жанров.

Ключевые слова: жанр, жанровые особенности, комментарий, виртуальная коммуникация, интернет-комментарий, лучеобразный и волнообразный принцип, диктум, модус, когнитивно-речевые реакции

Для цитирования: Ким Л. Г., Рольгайзер А. А. Комментарий vs интернет-комментарий: к проблеме специфики жанра виртуальной коммуникации // *Жанры речи*. 2024. Т. 19, № 3 (43). С. 286–294. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-3-43-286-294>, EDN: WZZOHY

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Comment vs Internet comment: On the issue of the specific genre characteristics of virtual communication

L. G. Kim[✉], A. A. Rolgayzer

Kemerovo State University, 6 Krasnaya St., Kemerovo 650000, Russia

Lidiya G. Kim, kimli09@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1712-9663>

Anastasia A. Rolgayzer, rolgayzer_nastya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5040-5941>

Abstract. This research presents the analysis of a comment as a reactive speech genre. The authors focus on its specific variation – Internet comment on various online materials (news, posts, blogs), widely presented in virtual communication. The purpose of the article is to substantiate the position that the Internet comment is a hybrid speech genre which is characterized, on the one hand, by the features of a traditional comment as a secondary genre and, on the other hand, by special features resulting from the virtual communication environment. The research solves several tasks: 1) to identify typological features of a comment as a reactive genre; 2) to establish the peculiarities of the Internet comment genre. The empirical material of the research consists of the contexts selected by a continuous sampling method from various Internet resources (news portals, blogs, entertainment news sites). The research is based on comparative method and the method of discourse analysis. As a result of a complex, intergrated analysis of various types of comments, a number of features inherent with the genre of the Internet comment have been revealed: polysubjectivity, the realization of centripetal and centrifugal tendencies which determine the development of dialogue between users, reflecting the subjective perception of the source text by the authors of Internet comments and their subjective cognitive and speech reactions, the realization of a special communicative purpose, language design and content, expressed through the predominance of *modus* over *dictum*, the peculiarities of the text design related to its technical aspect. In the context of paradigmatic and syntagmatic relations, the genre of the Internet comment is characterized by radial and wave principles of organization. Thus, the authors conclude that the Internet comment is a hybrid genre of virtual communication combining the characteristics of the traditional comment and other Internet genres.

Keywords: genre, genre features, comment, virtual communication, Internet comment, radial principle, wave principle, *dictum*, *modus*, cognitive and speech reactions

For citation: Kim L. G., Rolgayzer A. A. Comment vs Internet comment: On the issue of the specific genre characteristics of virtual communication. *Speech Genres*, 2024, vol. 19, no. 3 (43), pp. 286–294 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-3-43-286-294>, EDN: WZZOHY

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Статья посвящена обсуждению проблемы жанра интернет-комментария (далее – ИК), который характеризует современную виртуальную коммуникацию. Развитие Интернета и, как следствие, появление интернет-лингвистики и виртуального жанроведения [1] привело к переключению интереса многих исследователей к проблемам сетевой коммуникации, которая в последнее десятилетие изучается в различных аспектах, включая жанроведческий [2, 3]. Для описания жанров интернет-коммуникации используются термины *интернет-жанр*, *виртуальный жанр*, *сетевой жанр*. Подчеркивая конвергентный характер жанровых форм, возникающих в сетевой коммуникации, Е. И. Горошко и Т. Л. Павлова оперируют понятиями *цифровой жанр или жанр 2.0* [4: 124].

Имеются отдельные публикации, посвященные жанровому своеобразием социальных сетей [5], рассмотрены особенности и вариативность жанра ИК [6]. Однако, как отмечает В. В. Дементьев, каждый отдельный сетевой жанр (блог, форум, чат и др.) заслуживает более пристального изучения, поскольку специфика таких жанров достаточно велика по сравнению с традиционными жанрами ре-

чи, и в настоящий момент можно говорить лишь о начальных и фрагментарных исследованиях в данной области [7: 9].

Особого внимания, по нашему мнению, заслуживают социальные разновидности виртуальной коммуникации, в частности ИК к различным сетевым материалам (новостям, постам, блогам).

Цель настоящей статьи – обосновать положение о том, что интернет-комментарий является гибридным речевым жанром, характеризующимся, с одной стороны, признаками традиционного комментария как вторичного жанра, а с другой – особыми признаками, обусловленными виртуальной коммуникативной средой. В рамках данной статьи осуществляются поиски ответа на вопрос, является ли ИК самостоятельным жанром интернет-коммуникации или модификацией традиционного жанра комментария. Принимая во внимание основные положения теории вариативности жанров, полагаем, что ИК может являться результатом деривационного процесса модификации, вариантом жанра, обусловленным специфической сферой функционирования [8: 93].

При сопоставительном анализе жанровых характеристик традиционного комментария и ИК мы учитываем параметрические

характеристики модели речевого жанра, предложенной Т. В. Шмелевой (коммуникативная цель, образ автора, концепция адресата, факторы коммуникативного прошлого и будущего, диктумное содержание, формальная организация) [9]. Как справедливо отмечает В. В. Дементьев, «анкета речевых жанров» Т. В. Шмелевой требует определенных модификаций при исследовании жанров интернет-коммуникации, поскольку со временем появляются новые речевые жанры, требующие переосмысления или добавления некоторых отдельных параметров» [10: 260].

Материал и методы исследования

Материалом исследования послужили контексты, отобранные с различных интернет-ресурсов (новостных порталов, блогов, развлекательно-новостных сайтов). Исследование осуществлялось на материале комментария А. Иванова «Почему наша образовательная система остро нуждается в переменах?», опубликованного 2 марта 2023 г. в онлайн-версии газеты «Аргументы и факты» (<https://aif.ru/>), работы П. Визгина «Историко-научный комментарий к поэме М. А. Волошина “Путями Каина. Трагедия материальной культуры”, спортивного комментария «Le replay de la finale de la Coupe de France de pétanque 2022 en triplete»» (Повторный матч финала Кубка Франции по петанку 2022 года в тройном разряде), размещенного на канале L'Équipe (<https://www.lequipe.fr/>), а также статьи «Sous-marin disparu près du Titanic: Les garde-côtes veulent rester “optimistes”» (Подводная лодка, пропавшая рядом с Титаником: береговая охрана сохраняет «оптимизм»), опубликованной 21 июня 2023 г. на сайте французской газеты «20 Minutes» (<https://www.20minutes.fr/>) и 277 комментариев к ней. В процессе анализа использовались сопоставительный метод и метод дискурс-анализа.

Комментарий и его жанровые характеристики

В. И. Карасик трактует комментарий как «вторичное текстовое образование, которое выполняет функции разъяснения, подтверждения, уточнения и критической оценки информации, содержащейся в исходном тексте» [11: 46]. Т. И. Стеклова выделяет следующие виды комментариев: комментарий с информативной коммуникативной целью (научный комментарий, комментарий-примечание), комментарий, реализующий воздействующую функцию (аналитический комментарий, протестный комментарий, политический комментарий и др.), интернет-комментарий [6].

В свою очередь отечественные исследователи теории журналистских жанров относят комментарий к **аналитическим жанрам речи**, в основе которого лежит анализ уже известного события с целью его разъяснения или оценки. Отличительной особенностью данного жанра является то, что автор комментария не только высказывает собственную точку зрения, но и ставит свое мнение в центр материала [12]. Таким образом, виды комментариев различают как задачами, так и объектами комментирования.

В качестве примера обратимся к комментарию А. Иванова «Почему наша образовательная система остро нуждается в переменах?», опубликованному в газете «Аргументы и факты» 02.03.2023 (<https://aif.ru/society/education/>). Коммуникативная цель данного комментария – воздействующая. Посредством выражения собственной позиции автор стремится повлиять на мнение людей относительно проблемы современной системы образования: *Эксперты говорят о том, что необходим пересмотр образовательной системы в целом. В переменах нуждается и школа.*

Цель рассматриваемой публикации заключается не только в том, чтобы изложить информацию о положении дел в системе школьного и вузовского образования, но и в том, чтобы убедить представителей власти в необходимости пересмотра подходов к реформированию системы образования в целом: *Бездумные реформы в школе приводят к тому, что кадры уходят. Причём уходят те, кому противна имитация.*

Автор анализируемого комментария конкретен. Это ведущий научный сотрудник Карельского научного центра РАН, специалист, хорошо знающий и понимающий суть обсуждаемого вопроса. Комментарий адресован конкретному кругу лиц, о чем свидетельствует призыв: *Так может, пора от имитации переходить к реальным делам?*

Жанр комментария обладает коммуникативным прошлым. Рассматриваемый нами текст комментария является реакцией на послание президента Федеральному собранию РФ: *В Послании Федеральному собранию президент сказал о том, что в высшей школе назрели существенные изменения. В статье А. Иванова не только раскрываются проблемы в сфере российского образования, но и указываются их негативные последствия: Сейчас вводится «золотой стандарт» в образовании. Меняются программы. Учителя должны разобраться сами, разработать методики и всё это донести до детей ... Притом что дети не усваивают порой даже тот минимум, который требуется на ОГЭ*

в 9-м классе ... В итоге мы получаем не обучение, а имитацию.

Фактор коммуникативного будущего предусматривает последующее развитие речевых событий, выражающееся в появлении других речевых жанров. Анализируемый комментарий может послужить основой для дальнейшего обсуждения затронутой проблемы. Наиболее вероятный будущий речевой жанр – интернет-комментарии читателей.

Диктумное содержание сфокусировано на конкретной теме – проблемах современного образования. Рассматривая языковое воплощение комментария, реализующего воздействующую коммуникативную цель, необходимо отметить следующие характерные особенности.

Текст комментария оформлен в публицистическом стиле в виде доказательного рассуждения. Автор использует риторические вопросы, стараясь направить читателя по заданному автору когнитивному вектору и найти у читателей поддержку: *Откуда тут взяться будущим инженерам и другим специалистам, которых остро не хватает во всех ключевых отраслях?* Включение в текст статистических данных с целью создания эффекта достоверности: *Отсюда недобор на инженерные специальности в вузы. Общее количество впечатляет – десятки тысяч. Но если поделить число учителей на число школ, то выходят печальные цифры. Учителей химии – 0,5, физики – 0,7. То есть в среднем меньше одного. Педагогов не хватает, они работают на 1,5–2 ставки.*

Усиление эмоциональности высказывания осуществляется путем выражения субъективного отношения автора к предмету речи: *Не учится ребенок – его право, у нас же демократия и свобода. Самая страшная свобода – свобода не учиться и не учиться.*

Особыми жанровыми характеристиками обладает академический комментарий. Цель академического комментария – информативная. В качестве примера можно рассматривать работу В. П. Визгина *Историко-научный комментарий к поэме М. А. Володина «Путями Каина. Трагедия материальной культуры»* [13]. Автором академического комментария является компетентный специалист в определенной отрасли знаний, достаточно хорошо осведомленный в данной теме. Адресат – любое заинтересованное лицо, занимающееся изучением данной проблемы. Автор такого комментария обладает большей степенью информированности по сравнению с адресатом, что объясняется самим фактом создания академического комментария. Фактором коммуникативного прошлого выступает реакция на определенный текст

(художественное произведение, закон) или лексическую единицу. Поскольку ответная реакция адресатов академического комментария, и, как следствие, продолжение коммуникации, не представляется возможным, фактор коммуникативного будущего для данного типа комментария оказывается нерелевантным. Диктумное содержание сфокусировано на комментируемом тексте, отдельном предложении или слове.

Языковое воплощение академического комментария тяготеет к научному стилю. Объем комментария может быть разным. Отличительной чертой комментария-примечания является краткость. Это, как правило, небольшой текст, содержащий уточнения или разъяснения, необходимые для правильного понимания произведения. Такой комментарий оформляется в виде постраничных сносок или помещается в конце книги. В свою очередь, юридический или литературный комментарий более подробный, может издаваться как отдельное произведение. Академический комментарий отличается логичностью изложения, информативно насыщен.

Далее обратимся к описанию жанровых особенностей **спортивного комментария**. М. Д. Рыжикова относит данный вид комментария к «условно спонтанному коммуникативному жанру», цель которого – объяснение происходящего и высказывание своего собственного мнения с целью воздействия на слушателей [14].

Жанр спортивного комментария реализуется определенным типом автора – комментатором-аналитиком. Это журналист или компетентный специалист, представляющий спортивное событие через призму своего мировоззрения. Комментатор ведет диалог с потенциальной аудиторией, разъясняет важные моменты игры или соревнования, дает оценку происходящим событиям. Спортивный комментарий адресован заинтересованному коллективному массовому слушателю. Диктумное содержание сосредоточено на комментируемом спортивном мероприятии (соревновании в определенном виде спорта, показательном выступлении и др.). Спортивный комментарий «реактивен», поскольку является реакцией на события, происходящие в режиме реального времени. Фактор коммуникативного будущего подразумевает появление у адресата ответной реакции. В данном случае адресант, не имея возможности получить обратную связь от аудитории, непроизвольно предполагает ее, говоря от лица болельщиков. Жанр спортивного комментария отличается особой структурой, обусловленной ритуальностью самой игры, а также наличием разнообразных языковых средств, передающих динамику об-

суждаемого события, субъективными суждениями комментатора, его эмоциональностью [15, 16].

Рассмотрим пример комментария «Le replay de la finale de la Coupe de France de pétanque 2022 en tripléte» (Повторный матч финала Кубка Франции по петанку 2022 года в тройном разряде). Спортивный комментарий начинается с вводной части (приветствия, обозначения места проведения мероприятия, объявления участников): *Salut à toutes! Salut à tous! Bienvenue à Cesson-Sévigné dans la Glaz Arena qui est quasi comblé pour assister à la dernière partie de la finale de la coupe de France [...] 'Всем привет! Добро пожаловать в Сесон-Севинье на Глаз Арену, которая почти полностью заполнена, чтобы принять участие в финальной игре Кубка Франции'.*

Основная часть комментария сосредоточена на описании действий спортсменов, анализе интересных моментов, разборе спорных ситуаций. Жанр спортивного комментария отличается экспрессивностью при соблюдении норм литературного языка. Эмоциональность речи комментатора подчеркивают многочисленные эпитеты: *C'est un beau succès. Formidable! 'Это прекрасный результат. Потрясающе!'*. Лексические повторы также усиливают эмоциональность высказывания: *C'est sûrement parce qu'il a un peu, sûrement se qu'il a un peu freiné [...] 'Наверное, потому что он немного, наверное, потому что он немного помедлил [...]'.*

Синтаксическая организация спортивного комментария также имеет ряд особенностей. Использование восклицательных предложений оказывает влияние на подачу информации, поскольку сообщение становится интонационно окрашенным и более экспрессивным: *Et Angélique Colombet, Antoine Canon et Richard Meunier ont rajouté 3 points! 'И Анжелика Коломбе, Антуан Канон и Ришар Мёнье добавили еще по 3 очка!'*. Синтаксической особенностью этого жанра также считается эллипсис и парцелляция: *Concentration de Dylan Rocher et de Stéphane Robineau. Stéphane Robineau s'est repris dans l'axe. Il est prêt. 'Сосредоточенность Дилана Роше и Стефана Робино. Стефан Робино занял позицию. Он готов'.* Короткие предложения разделяются интонацией, подчеркивая последовательность происходящих событий.

На лексическом уровне отличительной характеристикой спортивного комментария отмечается использование специальных терминов (*Et le premier point dans la tripléte mixte sera à mettre à l'actif des joueurs du Puy de Dôme. 'И первое очко в смешанном триплете будет занесено в актив игроков Пюи-де-Дом'.*)

и разговорной лексики (*Bof, c'est pas passé loin [...] 'Гф, он прошел не далеко [...]'.*)

Заключительная часть комментария (подведение итогов соревнования/игры, прощание со зрителями) характеризуется использованием оценочных высказываний, апелляцией к определенным фактам: *Quel final! Quelle partie! Quelles équipes! La pétanque qui a inscrit son nom au palmarès de la coupe de France. Un immense, immense coup de chapeau à toutes les joueuses et les joueurs et les coaches de ses équipes. Bravo! 'Какой финал! Какая партия! Какие команды! Петанк, вписавший свое имя в чарты Кубка Франции. Огромная, огромная благодарность всем игрокам и тренерам команд. Bravo!'*

Жанровый статус интернет-комментария

Обращаясь к анализу ИК, особое внимание уделим рассмотрению его жанровых особенностей, которые позволили бы нам ответить на вопрос, является ли ИК одним из многочисленных жанров виртуальной коммуникации, восходящих к жанрам реальной коммуникации, или же это самостоятельный речевой жанр, появившийся благодаря развитию интернет-среды.

Л. Ю. Щипицина относит ИК к субжанрам, существующим в составе сложного жанрового образования (социальной сети, блога или отдельной статьи). С точки зрения языковых, прагматических и медийных параметров, ИК обладает рядом специфических особенностей, которые позволяют отграничить его от других жанров интернет-коммуникации. Но, с другой стороны, лингвистический анализ ИК не всегда возможен отдельно от первичного (исходного) текста. Следовательно, ИК является составляющей частью макротекстового образования [17].

В отличие от позиции Л. Ю. Щипициной, М. А. Егорова подчеркивает жанровую самостоятельность ИК (откликов) [18]. Статус ИК как самостоятельного речевого жанра обосновывается в работах Т. И. Стекловой [6], Е. Н. Василенко [19], М. П. Филипповой [20]. К. М. Шилихина относит ИК к гибридным жанрам, сочетающим в себе свойства монологического и диалогического общения: первоначально монологический текст становится информационным поводом для диалога/полилога пользователей [21].

Принимая во внимание, что ИК представляет собой сложное жанровое образование, считаем целесообразным применить комплексную модель описания жанра, предложенную Л. Ю. Щипициной, которая включает медийные, прагматические, структурно-семантические и языковые параметры.

В качестве примера рассмотрим комментарии к статье *Sous-marin disparu près du Titanic: Les garde-côtes veulent rester «optimistes»* (Подводная лодка, пропавшая рядом с Титаником: береговая охрана сохраняет «оптимизм») от 21 июня 2023 г., представленной на сайте газеты «20 Minutes».

Медийные параметры характеризуют интернет-жанры с точки зрения оформления, мультимедийности, интерактивности, гипертекстуальности, времени и места (синхронности/асинхронности), количества и эксплицированности коммуникантов.

Мультимедийность, как один из основных признаков интернет-жанров, ИК несвойственна. Текст комментария может содержать смайлы (*Paix à leurs âmes car hélas je pense qu'ils ne pourront pas être sauvés* 🙏🙏) 'Упокой, Господи, их души, потому что, увы, я думаю, что их не смогут спасти'), в некоторых случаях есть возможность разместить картинки или gif-анимации.

Интерактивность ИК обусловлена возможностью ответной реакции на комментарии других пользователей. В этом случае после комментария-стимула появляется комментарий-реакция, который, в свою очередь, может дальше разветвляться по лучеобразному или волнообразному принципу.

Гипертекстуальность ИК проявляется в наличии ссылок в структуре имени пользователя, кнопок оценки комментария, возможности оставить жалобу на комментарий. Так, кликнув на иконку пользователя сайта, осуществляется переход к его личному профилю, который предоставляет информацию об общем количестве оставленных на сайте комментариев, текст каждого комментария, количество поставленных лайков и подписок.

С точки зрения временных параметров, ИК является асинхронным, поскольку коммуниканты вступают в общение и создают текст сообщения в разное время. Так, большая часть рассмотренных в нашем примере комментариев пришла на первый день после публикации текста статьи на сайте, тогда как последний комментарий появился спустя три дня. Возможность комментирования текста-стимула сохраняется, несмотря на то что информация теряет свою актуальность и уходит в архив сайта.

Полилогический характер ИК выражается в возможности включения в дискуссию неограниченного количества коммуникантов: любой зарегистрированный пользователь может оставлять свои комментарии. При этом участник обсуждения может вступать в диалог с одним собеседником или полилог одновременно с несколькими коммуникантами. Таким образом, полилогичность и диалогич-

ность ИК оказываются тесно взаимосвязанными. В то же время наличие древовидной структуры комментария стимулирует полилог и обсуждение между участниками.

Прагматические параметры характеризуют жанр с точки зрения коммуникативной цели, наличия автора и адресата, а также диктумного содержания.

ИК представляет собой речевое произведение небольшого объема, нацеленное на обсуждение и оценивание информации, выражение собственного мнения, например: *Il faut espérer que le sous-marin sera retrouvé à l'inérieur seront sauvés, pour le moment 'est tout ce que 'on peut espérer. 'Ostается надеяться, что подводная лодка будет обнаружена вовремя и что люди, находящиеся внутри, будут спасены, на данный момент это все, на что можно надеяться'.*

Автором ИК комментария, как правило, является обычный пользователь, зарегистрированный на определенном сайте, личность которого может быть эксплицированной или неэксплицированной [5: 307]. Иными словами, автор ИК – это виртуальная языковая личность, существующая в интернет-пространстве и воспринимаемая реальными личностями как набор «качеств, характеристик и свойств участника виртуального социума» [22]. Адресат ИК – любой пользователь сети Интернет. В отдельных случаях комментарий может быть адресован конкретному участнику виртуальной дискуссии, например: *Fuseebxl: Drame? Pas vraiment car ils ont signé une décharge et savaient où ils mettaient les pieds 'Драма? Не совсем, потому что они подписали согласие и знали, на что идут ...'; mcabronito (RÉPONDRE À FUSEEBXL) Vous signez une écharge quand vous vous faites opérer aussi. Est-ce à dire que tout est normal si vous y restez pendant l'opération chirurgicale? 'Вы также подписываете согласие, когда вам делают операцию. Значит ли это, что все нормально, если вы останетесь там во время хирургической операции?'*

ИК является «реактивным» жанром. В данном случае фактор коммуникативного прошлого связан с инициальной причиной, представленной текстом-стимулом или предшествующим высказыванием одного из участников виртуального общения: стремлением выразить свое мнение, дать оценку. Это, в свою очередь, порождает фактор коммуникативного будущего, которое связано с ответной реакцией другого участника интернет-дискуссии, т. е. с публикацией последующих комментариев.

Диктумное содержание ИК демонстрирует объективное содержание высказывания, которое может относиться к основной теме,

заявленной в инициальном тексте, к виртуальной личности и др. Нередко в ИК выражается оценка, прогноз, упрек, благодарность, предложение, просьба и т. д., что подчеркивает преобладание модуса над диктумом. В процессе обсуждения могут возникать новые темы, в результате чего диктумное пространство интернет-дискуссии лучеобразно и волнообразно расширяется [23], характеризуясь диктумно-модусным плюрализмом. Закономерным является «соскальзывание» с обсуждаемой в исходном тексте темы на смежные, несмежные, не связанные с исходной публикацией, демонстрируя субъективные когнитивно-речевые реакции участников. Кроме того, отдельные комментарии могут быть бессодержательными речевыми реакциями (например, флуд): *Et ben, une demi heure pour charger une page? 'И что, полчаса на то, чтобы загрузить одну страницу?'*

С точки зрения языковых параметров, ИК представляет собой гетерогенную форму коммуникации, объединяющую характеристики устной и письменной речи. Речь

виртуального комментирования отличается высокой концентрацией разговорных элементов, нередки нарушения общепринятых правил орфографии, пунктуации, синтаксиса: **Lecteur785de616**: *C'est bêta quand même ... ils allaient essayer d'entendre d'éventuels bruits de rescapés!* 'В любом случае, это дурасть ... они собирались попытаться услышать возможные звуки выживших!'. Е. В. Холодковская выделяет следующие синтаксические признаки ИК: упрощение синтаксических структур, языковая краткость, использование эмоционального синтаксиса, меньшая нормированность, влияние синтаксиса разговорной речи [24].

Таким образом, отметим следующие жанровые сходства и различия всех рассмотренных выше видов комментариев (таблица).

В первую очередь необходимо отметить различия в категории адресантов, представленных в разных видах комментариев. В одном случае в роли автора выступают журналисты или компетентные специалисты в той или иной сфере деятельности, в другом –

Жанровые особенности различных видов комментариев

Genre features of different types of comments

Вид комментария	Жанровые особенности
<i>Комментарий, реализующий воздействующую функцию (аналитический комментарий, протестный комментарий)</i>	Коммуникативная цель – воздействующая. Автор – журналист, общественный или политический деятель. Адресат – любое заинтересованное лицо. Диктумное содержание сфокусировано на конкретной теме. Обладает строгой структурой построения. Присущ публицистический стиль
<i>Академический комментарий (научный комментарий, комментарий-примечание, лингвистический комментарий, юридический комментарий)</i>	Коммуникативная цель – информативная. Автор – компетентный специалист. Адресат – любое заинтересованное лицо. Диктумное содержание сфокусировано на комментируемом тексте, отдельном предложении или слове. Научный стиль речи. Логичность изложения, информативная насыщенность
<i>Спортивный комментарий</i>	Коммуникативная цель – информативно-воздействующая. Автор – журналист, комментатор-аналитик. Адресат – заинтересованный коллективный массовый слушатель. Диктумное содержание сосредоточено на комментируемом спортивном мероприятии. Обладает характеристиками устной спонтанной речи. Отличается экспрессивностью и эмоциональностью высказываний
<i>Интернет-комментарий</i>	Коммуникативная цель – оценочная. Автор – эксплицированный или неэксплицированный пользователь сети Интернет, виртуальная языковая личность. Адресат – любой интернет-пользователь. Особая структура, обусловленная техническими возможностями и функциями интерфейса. Наличие медийных характеристик (интерактивность, гипертекстуальность, мультимедийность). Полилогическая форма коммуникации, объединяющая характеристики устной и письменной речи. Присуща субъективность, оценочность

сами читатели, пользователи сети. Различия прослеживаются также в плане интенциональности коммуникантов. Интернет-комментарий стоит особняком, так как его главная цель – дать оценку, выразить свое субъективное мнение относительно того или иного веб-контента. Это оценочный речевой жанр, в котором модус преобладает над диктумом.

Наличие медийных характеристик, а также особая структура оформления, обусловленная техническими возможностями, также позволяет противопоставить ИК другим типам комментариев. Кроме того, полилогичность и устно-письменный характер речи – один из отличительных признаков ИК.

Заключение

Задача выявления и описания специфических параметров жанров интернет-коммуникации весьма актуальна для современных лингвистических исследований. К их числу относится и жанр ИК. Определение его жанро-

вых характеристик обуславливается не только параметрами, принятыми в теории речевых жанров, но и особенностями виртуальной коммуникативной среды.

В результате анализа различных видов комментариев нами был выявлен ряд особенностей, присущих жанру ИК. Жанровая специфика ИК проявляется в способе оформления типа текста, связанного с его технической стороной, реализацией особой коммуникативной цели, языковом оформлении и содержании, выражающемся в диктумно-модусном плюрализме, причем преобладании модуса над диктумом. Важной особенностью ИК является также их парадигматические и синтагматические связи: для жанра ИК характерным является лучеобразный и волнообразный принцип взаимоотношений. Таким образом, ИК является гибридным жанром виртуальной коммуникации, сочетающим, с одной стороны, характеристики традиционного жанра комментария и, с другой стороны, характеристики других интернет-жанров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горошко Е. И., Жигалина Е. А. Виртуальное жанроведение: устоявшееся и спорное // Вопросы психолингвистики. 2010. № 12. С. 105–123.
2. Карасик В. И. Жанры сетевого дискурса // Жанры речи. 2019. № 1 (21). С. 49–55. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-49-55>
3. Усачева О. Ю. К вопросу о жанрах интернет-коммуникации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия : Русская филология. 2009. № 3. С. 55–65.
4. Горошко Е. И., Павлова Л. В. Трансформация текста под воздействием жанровой системы социальных медиа сервисов коммуникативного интернет-пространства (на материале англоязычных политических сайтов) // Жанры речи. 2015. № 1 (11). С. 122–136.
5. Горошко Е. И., Полякова Т. Л. Инстаграм как жанр 2.0 (на примере политической коммуникации) // Жанры речи. 2019. № 4 (24). С. 300–313. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-4-24-300-313>
6. Стеклова Т. И. Комментарий как речевой жанр и его вариативность // Жанры речи. 2014. № 1 (9). С. 81–88. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2014-1-2-9-10-81-88>
7. Дементьев В. В. Жанры в меняющемся мире: креационистские потенции речевых жанров и эпистемологические потенции теории речевых жанров // Жанры речи. 2019. № 1 (21). С. 6–21. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-6-21>
8. Кантурова М. А., Стеклова Т. И. Производность и вариативность речевых жанров. Новосибирск : Новосибирский государственный педагогический университет, 2019. 128 с.
9. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 88–99.
10. Дементьев В. В. «Анкета речевого жанра» Т. В. Шмелевой: прошлое, настоящее, будущее (к 30-летию жанроведческой модели) // Жанры речи. 2020.

№ 4 (28). С. 252–262. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-4-28-252-262>

11. Карасик В. И. Комментарий как жанр герменевтического дискурса // Язык, коммуникация и социальная среда. 2009. № 7. С. 32–47.
12. Колесниченко А. В. Практическая журналистика. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2010. 192 с.
13. Визгин В. П. Историко-научный комментарий к поэме М. А. Волошина «Путями Каина. Трагедия материальной культуры» // Метафизика. 2017. № 2 (24). С. 114–137.
14. Рыжикова М. Д. Спортивный комментарий как жанр спонтанного дискурса (на материале английского языка) // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 10 (420). С. 208–214. <https://doi.org/10.24411/1994-2796-2018-11030>
15. Лягунова С. В. О лексико-стилистических особенностях в жанре спортивного комментария // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2017. Т. 3 (69), № 3. С. 111–123.
16. Зиянгулов Э. К. Языковая структура спортивного комментария футбольного матча // Вестник Башкирского университета. 2017. Т. 22, № 2. С. 462–466.
17. Щипицина Л. Ю. Жанровый статус сетевого комментария // Вестник Башкирского университета. 2015. Т. 20, № 2. С. 528–532.
18. Егорова М. А. Отклики и оценочные комментарии при компьютерно-опосредованной коммуникации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 1. С. 15–20.
19. Василенко Е. Н. Комментарий в жанровом пространстве интернет-дискурса // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1: Филология. 2019. № 3 (100). С. 20–27.
20. Филиппова М. П. Интернет-комментарий и общение на интернет-форуме: Параметры жанрового разграничения // Вестник Удмуртского университета. Сер. : История и филология. 2020. Т. 30, № 6. С. 1049–

1054. <https://doi.org/10.35634/2412-9534-2020-30-6-1049-1054>

21. Шилихина К. М. Лексические маркеры жанров интернет-коммуникации // *Жанры речи*. 2018. № 3 (19). С. 218–225. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-3-19-218-225>

22. Зекерьяев Р. И. Виртуальная личность как объект психологического анализа // *Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета*. Серия : Педагогика. Психология. 2016. № 3 (5). С. 57–61.

23. Голев Н. Д., Ким Л. Г. Диктумно-модусный плюрализм виртуального диалогического дискурса (на материале интернет-комментариев) // *Медиалингвистика*. 2023. Т. 10, № 1. С. 4–26. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2023.101>

24. Холодковская Е. В. Особенности синтаксиса англоязычного интернет-комментария социальной сети Facebook // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Сер. 2 : Языкознание. 2014. № 1. С. 79–83.

REFERENCES

1. Goroshko E. I., Zhigalina E. A. Virtual genre study: Fixed and disputable. *Journal of Psycholinguistics*, 2010, no. 12, pp. 105–123 (in Russian).

2. Karasik V. I. Genres of network discourse. *Speech Genres*, 2019, no. 1 (21), pp. 49–55 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-49-55>

3. Usacheva O. Yu. Looking at the genres of web communication. *Bulletin of the Moscow Region State University, Ser. Russian Philology*, 2009, no. 3, pp. 55–65 (in Russian).

4. Goroshko E. I., Pavlova L. V. Text transformation under the influence of the genre system of communicative internet space social media services (based on English-language political sites). *Speech Genres*, 2015, no. 1 (11), pp. 122–136 (in Russian).

5. Goroshko E. I., Poliakova T. L. Instagram as genre 2.0 (Political communication case). *Speech Genres*, 2019, no. 4 (24), pp. 300–313 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-4-24-300-313>

6. Steksova T. I. Comment as a speech genre and its variability. *Speech Genres*, 2014, no. 1 (9), pp. 81–88 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2014-1-2-9-10-81-88>

7. Demytyev V. V. Genres in changing world: creationistic potentials of speech genres and epistemological potentials of the theory of speech genres. *Speech Genres*, 2019, no. 1 (21), pp. 6–21 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-6-21>

8. Kanturova M. A., Steksova T. I. *Proizvodnost' i variativnost' rechevykh zhanrov* [Derivation and Variability of Speech Genres]. Novosibirsk, Novosibirsk State pedagogical University Publ., 2019. 128 p. (in Russian).

9. Shmeleva T. V. Speech genre model. *Zhanyr rechi: sb. nauch. st.* [Speech Genres: Coll. sci. arts]. Saratov, GosUNTs "Koledzh" Publ., 1997, iss. 1, pp. 88–99 (in Russian).

10. Demytyev V. V. "Questionnaire of a speech genre" of T. V. Shmeleva: Past, present, future (for the 30th anniversary of the genre model). *Speech Genres*, 2020, no. 4 (28), pp. 252–262 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-4-28-252-262>

11. Karasik V. I. Comments as a genre of hermeneutic discourse. *Language, Communication and Social Environment*, 2009, no. 7, pp. 32–47 (in Russian).

12. Kolesnichenko A. V. *Prakticheskaja zhurnalistika* [Practical Journalism]. Moscow, Moscow University Publ., 2010, 192 p. (in Russian).

13. Vizgin V. P. Historical and scientific commentary on the poem by M. A. Voloshin "The Ways of Cain. The Tragedy of material culture". *Metafizika*, 2017, no. 2 (24), pp. 114–137 (in Russian).

14. Ryzhikova M. D. Sports commentary as a genre of spontaneous discourse (on the data of the English language). *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2018, no. 10 (420), pp. 208–214 (in Russian). <https://doi.org/10.24411/1994-2796-2018-11030>

15. Lyagunova S. V. About lexical and stylistic features of sports comment genre. *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological sciences*, 2017, vol. 3 (69), no. 3, pp. 111–123 (in Russian).

16. Ziyangirov E. K. The language structure of sports commentary of the football match. *Bulletin of Bashkir University*, 2017, vol. 22, no. 2, pp. 462–466 (in Russian).

17. Shchipitsina L. Yu. Genre status of an online comment. *Bulletin of Bashkir University*, 2015, vol. 20, no. 2, pp. 528–532 (in Russian).

18. Egorova M. A. User reactions and evaluative comments in computer-mediated communication. *Proceedings of Voronezh State University. Ser. Linguistics and intercultural communication*, 2014, no. 1, pp. 15–20 (in Russian).

19. Vasilenko E. N. A comment in genre space of internet discourse. *MSLU Bulletin, Ser. 1 Philology*, 2019, no. 3 (100), pp. 20–27 (in Russian).

20. Filippova M. P. Online comment and message on the internet forum: Differentiation parameters of genres. *Bulletin of Udmurt University. Ser. History and Philology*, 2020, vol. 30, no. 6, pp. 1049–1054 (in Russian). <https://doi.org/10.35634/2412-9534-2020-30-6-1049-1054>

21. Shilikhina K. M. Lexical markers of the online communication genres. *Speech Genres*, 2018, no. 3 (19), pp. 218–225 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-3-19-218-225>

22. Zekeriaev R. I. Virtual identity as an object of psychological analysis. *Scientific Notes of the Crimean Engineering and Pedagogical University. Ser. Pedagogy. Psychology*, 2016, no. 3 (5), pp. 57–61 (in Russian).

23. Golev N. D., Kim L. G. Dictum-modus pluralism in virtual dialogic discourse (based on Internet comments). *Media Linguistics*, 2023, vol. 10, no. 1, pp. 4–26 (in Russian). <https://doi.org/10.21638/spbu22.2023.101>

24. Kholodkovskaya E. V. Syntactic peculiarities of English internet comments of Facebook social network. *Science Journal of Volgograd State University. Ser. Linguistics*, 2014, no. 1, pp. 79–83 (in Russian).

Поступила в редакцию 24.11.2023; одобрена после рецензирования 13.01.2024; принята к публикации 18.01.2024
The article was submitted 24.11.2023; approved after reviewing 13.01.2024; accepted for publication 18.01.2024

Жанры речи. 2024. Т. 19, № 3 (43). С. 295–303

Speech Genres, 2024, vol. 19, no. 3 (43), pp. 295–303

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-3-43-295-303>, EDN: XBZRBU

Научная статья

УДК 81'42:641.5-028.23

«Так готовили царям»: аттрактивные приёмы в названиях видеорецептов на платформе «Дзен»

А. В. Дегальцева

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Дегальцева Анна Владимировна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного, deganna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3791-9777>

Аннотация. Цифровые технологии, позволяющие массовой аудитории создавать разнообразный контент, привели к тому, что в сети традиционные речевые формы и жанры стали гибридными или видоизменились. Не является исключением и жанр «кулинарный рецепт», который приобрёл видеоформат. Современный видеорецепт нередко представляет собой гипержанр, поскольку в него включаются элементы совета или бытового рассказа. Кулинарные видеорецепты, в отличие от традиционных рецептов, интерактивны: они адресованы зрителям, к которым может обращаться блогер, а те, в свою очередь, могут оставлять комментарии под видео. Целью данной работы является изучение аттрактивных приёмов в названиях видеорецептов на платформе «Дзен» с использованием описательного, сопоставительного и интерпретативного методов. Изучение 350 названий (заголовков) видеорецептов показало, что в них часто используется нарратив, благодаря которому в жанре «вырисовываются» образы коммуникативного прошлого и коммуникативного будущего. В борьбе за внимание зрителей видеоблогеры сочиняют невероятные истории о получении рецепта или приготовлении блюда, которые находят отражение в названии видеорецепта. Типичными невербальными и вербальными аттрактивными приёмами, применяющимися в названиях видеорецептов на платформе «Дзен», являются шрифтовые выделения, цифры, эмодзи, восклицательные знаки, а также лексемы с положительной оценкой. Объектами положительной оценки являются такие аспекты блюда, как вкус, аромат, польза для здоровья, быстрота и простота приготовления, дешевизна ингредиентов и др.

Ключевые слова: видеоблог, кулинарный блог, кулинарный рецепт, видеорецепт

Для цитирования: Дегальцева А. В. «Так готовили царям»: аттрактивные приёмы в названиях видеорецептов на платформе «Дзен» // *Жанры речи*. 2024. Т. 19, № 3 (43). С. 295–303. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-3-43-295-303>, EDN: XBZRBU

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

“This is how food was cooked for kings”: Attractive techniques in the names of video cooking recipes on the Zen platform

A. V. Degaltseva

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Anna V. Degaltseva, deganna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3791-9777>

Abstract. Digital technologies that allow mass audiences to create a wide variety of content have led to the fact that traditional speech forms and genres on the web have changed or acquired a hybrid character. The genre of “a cooking recipe”, which has acquired a video format, is no exception. A modern video recipe is often a hypergenre, since it includes elements of advice or a story of everyday life. Cooking video recipes, unlike traditional recipes, are interactive: they are addressed to viewers, to whom a blogger can address, and those, in turn, can leave comments under the video. The purpose of this article is to study the attractive

techniques in the titles of video recipes on the Zen platform, based on the use of descriptive, comparative and interpretive methods. The study of 350 titles of video recipes showed that they often use a narrative, thanks to which images of the communicative past and the communicative future emerge. Struggling for the attention of viewers, bloggers compose incredible stories about getting a recipe or cooking a dish, which are reflected in the title of the video. Typical nonverbal and verbal attractive techniques used in the titles of video recipes on the Zen platform are font selections, numbers, emojis, exclamation marks, as well as words with a positive valuation. The objects of positive evaluation are such aspects of the dish as taste, aroma, health benefits, speed and ease of cooking, cheapness of ingredients, etc.

Keywords: video blog, cooking blog, cooking recipe, video recipe

For citation: Degaltseva A. V. "This is how food was cooked for kings": Attractive techniques in the names of video cooking recipes on the Zen platform. *Speech Genres*, 2024, vol. 19, no. 3 (43), pp. 295–303 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-3-43-295-303>, EDN: XBZRBU

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Как известно, кулинарный рецепт является «инструкцией по приготовлению еды и напитков, содержащей информацию о наименовании блюда, необходимых ингредиентах, их количестве, последовательности действий во время приготовления и некоторую дополнительную информацию (количество порций, время приготовления, способы подачи)» [1: 85]. Он обладает полиинтенциональностью и находится на стыке информативных и императивных жанров речи.

Изучению письменно зафиксированных рецептов посвящено множество работ. В них рецепт рассматривается как особый тип текста и речевой жанр [2–5]. В современных исследованиях описываются структурные и языковые особенности кулинарных книг [6], анализируется функционирование рецепта в интернет-дискурсе [7, 8] и в СМИ [1, 9, 10]. На примере рецептов изучаются деривационные и мутационные процессы, происходящие в системе речевых жанров в целом [11]. Устное воплощение жанра «кулинарный рецепт» изучено в меньшей степени [12, 13].

П. П. Буркова полагает, что в жанре кулинарного рецепта реализуются три взаимообусловленные функции: информативная, побудительная и обучающая [2]. Кроме того, рецепт может выполнять и развлекательную функцию [1].

В конце XVIII в. происходит дивергенция жанров рецепта и совета [14]. Историческое развитие кулинарного рецепта является результатом «поэтапного становления, трансформирования синтаксической системы, пласта лексики, морфологии, особенностей внешнего оформления. Как один из самых древних, но актуальных во все времена видов текста, рецепт, несомненно, претерпел много преобразований и структурных обновлений» [15: 12]. С течением времени изменяются образы автора и адресата рецепта: «личность автора эксплицируется, адресат

приобретает более четкие характеристики (относится к определенной социальной или гендерной группе). Облигаторность уменьшается»; наблюдается «большая <...> свобода в языковом и структурном воплощениях» [11: 19].

Цифровые технологии, позволяющие массовой аудитории создавать самый разнообразный контент, привели к тому, что традиционные речевые формы и жанры в сети видоизменились или приобрели гибридный характер [16]. Это позволяет говорить о том, что «в современной медиасфере жанровая "плотность" медийных текстов ближе к повседневному общению, когда автор текста решает одновременно несколько коммуникативных задач, давая понять при этом, какова его основная интенция» [17: 274]. Под влиянием этих изменений на смену текстовым кулинарным рецептам приходят видеоролики, отображающие процесс приготовления блюда или напитка. Такие ролики часто содержат элементы совета или бытового рассказа [11]. Следовательно, видеорецепт можно считать гипержанром, то есть макрообразованием, которое сопровождает определённую ситуацию (демонстрацию процесса приготовления еды или напитка) и объединяет в себе черты нескольких жанров [18].

Видеорецепт – это один из довольно популярных сетевых жанров. На крупных видеоплощадках могут набирать несколько миллионов просмотров. Одной из площадок, где русскоязычные блогеры размещают кулинарные видеоролики, является «Дзен». Алгоритмы «Дзена» рекомендуют пользователю видео на основе его интересов. В индивидуально подобранной ленте публикаций появляется сразу несколько рекомендованных каналов одной тематики. Именно поэтому, чтобы выделиться на фоне конкурентов, блогеры используют привлекательные визуальные и речевые средства: броские фото- и видеоматериалы, провокационные заголов-

ки (нередко – кликбейт), обилие восклицательных знаков, эмодзи и др. На наш взгляд, отношение модераторов платформы «Дзен» к таким способам привлечения зрительского внимания более лояльно, чем у иностранных сетевых площадок.

На большинстве платформ размещение видеороликов, в том числе и кулинарных, предполагает заполнение блогером обязательных структурных и содержательных блоков: название, описание, ключевые слова, комментарии (которые автор канала может отключить). На платформе «Дзен» первый блок носит название «заголовок». Именно он должен в полной мере отражать содержание видеоролика.

Целью данной работы является исследование приёмов создания аттрактивных, то есть привлекающих внимание адресата, заголовков (названий) видеорецептов на платформе «Дзен». Отечественная сетевая платформа выбрана нами потому, что видеорецепты на «YouTube» уже становились объектом научного исследования в ряде современных работ, например, в [19–21]. Методом сплошной выборки нами было отобрано по 10 видео 35 популярных кулинарных блогеров (7 мужчин и 28 женщин). Таким образом, материалом исследования послужили 350 заголовков видеорецептов, опубликованных в июле 2023 г. Их примеры приводятся в работе с сохранением авторских орфографии и пунктуации. Исследование базируется на применении описательного, сопоставительного и интерпретативного методов.

Структура и содержание видеорецептов

Видеорецепт отличается от традиционного кулинарного рецепта по многим параметрам: визуальному оформлению, структуре и способам воздействия на аудиторию. Видеорецепты, которые размещаются на платформе «Дзен», состоят из следующих элементов:

- заголовка,
- видеофайла, в котором представлены этапы приготовления блюда,
- описания, содержащего перечень ингредиентов (часто оно может отсутствовать),
- комментариев (если они разрешены блогером).

На платформе «Дзен» видеорецепты призваны не только отразить способ приготовления блюда, но и эпатажить публику, чтобы привлечь на канал трафик, а значит, увеличить доход от роликов. То, что предлагается делать с продуктами на «Дзене», зачастую не оправдано ни рациональностью, ни практичностью, ни гедонизмом. Так, автор канала «Appetitno.Tv» оборачивает целый

батон тонко нарезанными кусочками бекона, создавая своеобразный бутерброд наоборот. На популярном кулинарном канале «Кухня наизнанку» предлагается рецепт «самых скандальных бутербродов» с вареньем и чесноком, а кто-то варит неочищенные от скорлупы яйца в молоке или в кипящем масле. Кроме того, в сети некоторое время назад пользовался популярностью способ приготовления макарон с сосисками, при котором сырая сосиска протыкалась сухими спагетти, а затем всё это отправлялось в кипящую воду. Те, кто пытался приготовить такое блюдо, признавались, что спагетти получались непроваренными, зато внешний вид блюда был интересным. На наш взгляд, в современных видеорецептах форма нередко превалирует над содержанием, а повара-любители таким своеобразным способом невольно или намеренно приближают процесс создания своих блюд к постмодернистскому или деконструктивистскому искусству.

По нашим наблюдениям, в большинстве кулинарных видеороликов на «Дзене» блогер ничего не говорит. Этапы приготовления блюда сопровождаются фоновой музыкой, а речь замещается лаконичными надписями-инструкциями, описывающими действия и помогающими уточнить количество необходимых ингредиентов. Например, блогер помещает масло на разогретую сковороду, и это сопровождается надписью на экране «сливочное масло 20 гр.»; когда он высыпает сахар в кипящее на сковороде масло, внизу экрана возникает подпись «коричневого или белого сахара 1 ст. л.» и т. д. Ввиду того, что звучащая речь в видеорецептах чаще всего отсутствует, большое значение придаётся именно заголовкам контента. Заголовки видеорецептов выполняют аттрактивную, рекламную и контактоустанавливающую функции [20, 22].

Согласно исследованию Н. Ю. Микитенко, Е. Б. Дертыновой и Н. А. Акименко, на платформе «YouTube» названия кулинарных видеорецептов в большинстве случаев включают в себя номинации приготовляемых блогерами блюд: *Мясо в горшочках*, *Стейк на сковороде с чесноком и розмарином* и др. [20]. Однако, по наблюдениям исследователей, встречаются и креативные названия кулинарных роликов, состоящие из нескольких предложений [20].

Наше исследование показывает, что на российской платформе «Дзен» в названиях (заголовках) кулинарных видеороликов нередко полностью отсутствуют стандартные для данного жанра сведения: название блюда или его ингредиенты. Всё внимание здесь уделяется созданию нарратива, который мо-

жет заинтриговать зрителя. Почти в каждом заголовке кулинарного видео на платформе «Дзен» присутствует история, что обуславливает «возможность появления» в жанре рецепта «коммуникативного будущего и коммуникативного прошлого» [11: 19]. По нашим наблюдениям, здесь встречается несколько типовых историй, а именно:

- о способе получения рецепта приготовляемого блюда. Для того чтобы создать эффект эксклюзивности рецепта, кулинарные блогеры придумывают истории о том, с каким трудом он якобы был получен: выменян, выпрошен, вымолен, подсмотрен, подслушан, украден и под.: *Урвала рецепт у бабушки узбечки!* (Моя кухня); *НАУЧИЛА БАБУШКА ИЗ ГЛУБИНКИ РОССИИ! Я ВЫПРАШИВАЛА РЕЦЕПТ 3 ГОДА* (Галерея вкусов); *Я хитростью выманила у бабули рецепт и теперь делюсь с Вами* (Готовка ловко); *Украла рецепт у соседки татарки и ни о чём не жалею* (Вкусно да полезно); *ПОДСМОТРЕЛА РЕЦЕПТ проходя мимо пекарни...* (Ольга Лунгу).

Иногда кулинарные блогеры, нахваливая свои блюда, сочиняют истории о том, что это у них пытались украсть рецепт: *Этот рецепт у меня хотели украсть все мои однокурсницы, а декан предложил срочно закрыть сессию* (Страна кулинарии 02).

Встречаются в заголовках кулинарных видео анекдотически абсурдные истории получения рецепта: *Выменял рецепт этого супа у одного грузина за пару сапог и вантуз. Сегодня я готовлю ЧИХИРТМУ (ЧОБ поесть); За рецепт задушил шеф-повара* (Рецепты. Готовить может каждый).

Интересно, что некоторые из таких историй становятся особенно популярными и тиражируются разными кулинарными блогерами. Например, история о рецепте, которому 3500 лет, выменянном у грека: *НЕ ГОВОРИТЕ МНЕ ЧТО ЭТО НЕ ВКУСНО! Выменял у Грека Дорогой рецепт салата круче оливье, которому 3500 ЛЕТ! Отдаю задаром!* (Люблю еду – Вкусные рецепты); *Выменяла у Грека дорогой рецепт, которому 3500 ЛЕТ! Легендарный Вкус!* (Кухня); *Выменял у Грека Дорогой рецепт, которому 3500 ЛЕТ!!! Отдаю задаром! Легендарный Вкус! Лучшее, чем дорогой крабовый суп из ресторана!* (Страна кулинарии) и др. Помимо грека, в заголовках видеорецептов упоминается ещё один «авторитетный» персонаж – бедный еврей, по видимому, воплощение рачительности и кулинарного таланта: *Картошку больше не жарю. Готовлю сразу в банке. Меня научил этому простому трюку бедный еврей* (Почаваем/Рецепты); *Вкуснее в жизни не ел! Меня научил этому рецепту бедный еврей!*

(Вкусные рецепты); *Котлеты не готовлю! Вкуснее в жизни не ел! Меня научил этому трюку бедный еврей?!* (Борщ).

Иногда в попытке привлечь внимание аудитории к своему видеорецепту авторы кулинарных каналов используют сразу несколько историй: *Научили в дорогом ресторане! Удивила Всех моих гостей! Котлеты не готовлю! Вкуснее не ела! Меня научил этому ТРЮКУ бедный еврей!* (Yasemin Gotovit). Один из гостей канала верно подмечает абсурдность этого текста: *Всё смешалось: дорогой ресторан, бедный еврей, котлеты, гости, трюки. В результате – фигня;*

- о том, как сильно понравилось блюдо, приготовленное по рецепту блогера, его соседям, друзьям, близким, коллегам и др.: *Все соседи будут просить у вас этот рецепт! Вы никогда не видели ничего подобного!* (Только еда); *Муж впервые зарыдал от вкуса макарон!* (Готовим с Назирой); *Муж руки целует за эту закуску! Теперь беру на работу, чтобы задобрить начальника* (Мамулькины рецепты); *Древний рецепт, который чудом дожил до наших дней! Съели 100 штук за раз* (Готовим с Асмой); *БОЖЕ КАК ВКУСНО. Аромат на 2 квартала и очередь с тарелками!* (Vinograd); *Когда я так готовлю завтрак, дети буквально вылизывают тарелки* (Галерея вкусов);
- о том, как рецепт блюда изменил жизнь людей к лучшему: *Нищая домработница ПРОДАВАЛА ТАКИЕ БЛИНЫ и стала БОГАТОЙ МАЖОРКОЙ!* (Страна кулинарии 02); *Знакомый шашлычник разбогател с этим рецептом люля-кебаб из говядины* (Пора поесть!); *Для желающих разбогатеть предлагаю рецепт денежного пирога* (Мамулькины рецепты); *Жена ПРОСТИЛА МНЕ ВСЁ за этот завтрак!* (Папин завтрак самый вкусный);
- о приготовлении блюда кулинарным блогером в ретроспективе и перспективе: *Готовлю по этому рецепту каждый день с 90-х* (Galiya Gotovit); *Завтрак за 5 минут. Уже месяц практически каждое утро готовлю и не надоедает: с начинками экспериментирую* (Щи да Каша); *Один раз попробовал этот рецепт, теперь готовлю его 3 раза в неделю* (Рецепты от шефа); *РЕЦЕПТ МОЕЙ СЕМЬИ НА 100 ЛЕТ! Я НАСТОЯТЕЛЬНО РЕКОМЕНДУЮ ВАМ ПРИГОТОВИТЬ!* (Мамины рецепты); *Смешал апельсины с бананами и вот, что у меня получилось. Готов есть этот десерт каждый день* (Бунбич); *Буду готовить, пока сковородка не сломается* (Простые рецепты).

Итак, характерной особенностью заголовков видеоблогов на платформе «Дзен» (по нашим наблюдениям, далеко не только кулинарных) является использование нарратива вместо «сухой» и обезличенной номинации. Репрезентация блюда происходит посредством истории, в которой нередко имеет место чудовищная гиперболизация: например, 107-летние прадеды кулинарных блогеров едят жареный арахис каждый день; люди с избыточным весом сбрасывают по 30 кг за месяц, питаюсь по рекомендованным блогером рецептам; соседи каждый день умоляют поделиться с ними рецептом, которому 3500 лет и т. д. Подобные невероятные истории играют роль кликбейта: мгновенно привлекают внимание адресата, но, вместе с тем, нередко вызывают у него отторжение. Это приводит к тому, что пользователи «Дзена» обсуждают не столько само блюдо, сколько название видеоролика. Иллюстрацией этого явления может служить следующее название кулинарного видео на канале «Кушать подано»: *Торт, который я готовлю по ночам для ресторанов! Распродаю по 50 штук в неделю! Отдаю рецепт, чтобы выспаться*. Приведём несколько красноречивых комментариев постоянных зрителей и гостей канала под этим видеорецептом (с сохранением авторских орфографии и пунктуации): *Какое глупое название!!!!; Почему нельзя нормальный заголовок?; Список дайте ресторанов, раз рецепт выдали, нам видимо придётся печь. А вы спать. Спокойной ночи; Интересно какой дурак у вас в ресторане!!! это возьмет? Не иначе ресторан с мишленовскими звездами, они прямо спят и видят как вы им готовите это; Ночью спать нужно!!! А не х...рнёй заниматься!!!*

Получается, что такие малоправдоподобные истории в заголовке видео негативно влияют на зрительское восприятие. Тем не менее, блогеры продолжают активно использовать подобный кликбейт, ведь негативные реакции зрителей способствуют росту просмотров и комментариев, а значит, увеличению прибыли владельцев каналов на платформе «Дзен».

Следует заметить, что сегодня к использованию аттрактивных заголовков прибегают далеко не только кулинарные блогеры. Подобные заголовки можно встретить, например, на каналах, посвящённых кройке и шитью: *Хватит тратить деньги! Превращаем старый растянутый джемпер в стильный наряд для офиса (Шить самой здорово); Сшила из СТРОЙМАТЕРИАЛА за КОПЕЙКИ. Ношу круглый год (Любовь Рулевская)*. Способы привлечения зрительского внимания

зависят и от тематики публикаций. Так, на каналах, посвящённых истории и искусству, нередко используются заголовки, в которых присутствуют намёки на интимную жизнь известных личностей: *Заставлял жену раздеваться и усыпал супружеское ложе бриллиантами, а потом... Безумный танцующий маркиз Лэджет (Фаворит); «Как соберёшься спать, бери свечу и приходи ко мне в спальню», – велел царь служанке (История в лицах); Порочная королева и её портрет (История. Старинные портреты и их секреты); С кем спал Лев Толстой? (Новая Русская Волна)*. Думается, такие заголовки прежде всего привлекают невзыскательных зрителей, а также любителей сенсаций и скабрёзностей.

Наряду с нарративом, на платформе «Дзен» кулинарные блогеры используют и другие приёмы создания аттрактивных заголовков. Данные приёмы можно разделить на паралингвистические и вербальные. К первым относятся использование прописных букв, обилие эмодзи, а также восклицательных и вопросительных знаков, цифр: *Старый бабушкин рецепт, эта капуста вкуснее мяса!!! Готовлю уже 3 дня 😊 (Мамины рецепты); Жарим ТВОРОГ и СГУЩЕНКУ. Никто не верит, я готовлю! 🤖 Век живи век учишь! (Готовит Самира); Не знаете что приготовить на ужин или обед? Вот оно идеальное блюдо! (Оля Старова)*.

Отдельно следует сказать об активном использовании цифр для привлечения внимания адресата. Числа включаются в заголовки кулинарных блогов, на наш взгляд, для повышения авторитетности блогера и степени доверия к его рецепту. Изначально заголовки с цифрами обрели популярность в англоязычном сетевом сообществе, затем этот аттрактивный приём был заимствован отечественными журналистами и блогерами. По мнению учёных, заголовки с цифрами популярны по нескольким причинам. Во-первых, «цифры (особенно нечётные номера) выделяются, когда мы прокручиваем бесконечный поток заголовков»; во-вторых, «они организуют информацию пространственно – именно так, как любит наш мозг»; в-третьих, такие заголовки «устраняют (или, по крайней мере, преуменьшают) “проблему выбора”, подставляя вместо неё иллюзию уверенности» [23: 208]. По мнению В. В. Дементьева, использование цифр в заголовке интернет-публикации «помогает привлечь внимание читателя, позволяет повысить интерес и доверие к содержанию в заголовке утверждению и тексту» [24: 8]. Цифры в заголовках видеорецептов могут репрезентировать:

- солидный возраст и, следовательно, жизненный опыт предполагаемого автора рецепта: *Кладём сахар в масло. 100-летняя узбекская бабушка дала рецепт* (Гуля готовит); *Перловку не варю не жарю! 102-летний дедушка использует старый рецепт в течение 40 лет* (Galiya Gotovit);
- возраст должителей, якобы употребляющих в пищу блюда, приготовленные по рецепту кулинарного блогера: *Прабабушка дожила до 102 лет на этом рецепте. Все свое с сада* (Не хочу считать себя редиской); *Это блюдо помогло ему дожить до 109 лет!!! Долгожитель назвал рецепт* (ASCook);
- древнюю историю существования самого рецепта: *Выменяла у Грека дорогой рецепт, которому 3500 ЛЕТ!!* (Кухня); *Рецепту со 100-летней историей меня научила свекровь!* (Со вкусом);
- огромное количество порций приготовленных и съеденных блюд: *Съел 1000 штук! Обалденные бутерброды* (Ложка); *Съели 100 штук за раз! Одной порции не хватило!!* (Еда без труда Ольга Мирошниченко);
- положительный результат от приготовления блюда, соответствующий ожиданиям блогера или превосходящий их: *100% ЛУЧШИЙ КУЛИЧ В МОЕМ АРСЕНАЛЕ. ВЫ ДОЛЖНЫ ПОПРОБОВАТЬ ЕГО* (Chili Pepper); *Будут просить рецепт 100%! Потрясающая выпечка к Чаю* (Мультиварка Простые рецепты); *99.9%ШАШ-ЛЫК СССР ВСПОМНИМ РЕЦЕПТ* (Meat Gourmet);
- вес, который сбросили худеющие, употребляя блюда, приготовленные по рецептам видеоблогера: *На этом салате мы с мужем похудели на 40 кг трижды! Рецепт салата из простых продуктов!* (Люблю еду. Вкусные рецепты); *Без жарки и возни! Похудела на этом рецепте на 10 кг. Могу кушать это блюдо даже ночью!* (На блюдечке);
- время приготовления блюда: *Вкусный завтрак за 5 минут!!!* (1000 рецептов); *Домашний майонез за 1 минуту. Удивительно вкусный* (Рецепты от мамыли) и др.

К вербальным средствам привлечения зрительского внимания относится, прежде всего, обилие оценочной лексики. Кулинарные блогеры беззастенчиво нахваливают свои блюда, что способствует реализации аттрактивной и рекламной функций заголовков видеороликов. Эта тактика уходит корнями в ярмарочную культуру, составляющую огромный пласт русской истории. В отличие от ярмарочных прибауток («*Вот так квас – В самый раз! Баварский со льдом – Даром*

денег не берём! Пробки рвёт! Дым идёт!» [25: 27]), такие рекламные заголовки обычно лишены рифмы и ритмической структуры. Чаще всего кулинарные блогеры используют прилагательные и наречия, выражающие общие или сенсорные оценки: *Вертикальная паста для идеального ужина* (Appetitno TV); *Обалденный вкус! Салат, который съедают первым* (Готовим вместе у Светланы); *Крюшон виноградный – это просто божественный нектар!* (Божественная кухня); *Картошка с мясом на костре. Нереально вкусно!* (Димоньч); *Аппетитно, вкусно, легко и красиво!* Супер! *Канале на праздничный стол* (Видео рецепты от Койды).

Объектами положительной оценки являются такие аспекты блюда, как:

- вкус: *Идеальные свиные ребрышки! Обалденный вкус!* (Готовим с Любаней); *Как можно приготовить сосиски, чтобы они стали еще вкуснее и аппетитнее!* (Щи да Каша);
- аромат: *Не ела вкуснее, запах такой, что все соседи сбегаются!* (Простой видео рецепт); *Аромат такой, что можно с ума сойти.* (Webspoon Plus);
- польза для здоровья: *Капуста вкуснее мяса! Вкусно и полезно!!!* (Мамины рецепты); *3 уникальных полезнейших напитка для похудения!* (Простые рецепты);
- быстрота и простота приготовления блюда: *ПРОЩЕ НЕ БЫВАЕТ! Клубничный ТОРТ без выпечки! Вкусно и Быстро!* (Кулинарим Просто Вкусно);
- дешевизна ингредиентов: *Бюджетный торт за копейки* (Готовьте с узбечкой); *Экономное меню. Прожить на минималку* (Просто белка);
- популярность среди коронованных особ и высших слоёв общества: *Так готовили царям! Древний рецепт, который чудом дожил до наших дней* (Кухня Вебспун); *Любимый пирог императрицы* (Готовим с Ириной Хлебниковой); *Любимое блюдо Путина вареники за 5 минут* (Подвал Ильича); *Так готовят в только в дорогих ресторанах. Куриная грудка с грибами в сливочном соусе* (Рецепты Быстрые Простые).

Иногда блогеры включают сразу несколько оценочных лексем в один заголовок видеорецепта: *Подруга научила правильно готовить овощи: вкуснее чем жареные, только намного проще и полезнее!* (Мелодия вкуса).

Заключение

Как видим, появление видеорецептов свидетельствует о трансформации традиционно жанра «рецепт», размывании его границ,

превращении его в гипержанр. Изменяется характер адресанта и адресата. Благодаря Интернету своими рецептами делятся все, кто любит готовить, а не только профессиональные повара и кулинары. Кулинарные видеоблоги, в отличие от традиционных рецептов, интерактивны. Они адресованы широкому кругу зрителей, к которым в процессе приготовления блюда может обращаться блогер (с вопросами, советами и т. д.). Кроме того, подписчики и гости фуд-блогов становятся комментаторами видеорецептов, а следовательно, активными участниками коммуникативного процесса. Они задают вопросы блогерам, а те нередко на них отвечают. Так устанавливается двусторонняя связь между адресантом и адресатом.

На платформе «Дзен» кулинарные блогеры стараются использовать креативные заголовки видеоматериалов, где на смену

номинации приходит нарратив, благодаря которому в жанре рецепта «вырисовываются» образы коммуникативного прошлого и коммуникативного будущего. Для привлечения зрительского внимания видеоблогеры нередко прибегают к кликбейту, сочиняя самые невероятные истории о получении рецепта или приготовлении блюда. Это нередко раздражает зрителей, но, тем не менее, побуждает многих из них смотреть ролик и оставлять комментарии (часто – негативные), что, в свою очередь, обеспечивает рост просмотров видеоматериалов и доходов блогера. Широко распространёнными аттрактивными приёмами в заголовках кулинарных видео на платформе «Дзен» являются использование шрифтовых выделений, цифр, эмодзи, обилие восклицательных знаков, а также лексем с положительной оценкой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Задорина М. В.* Речевой жанр «кулинарный рецепт» в телевизионном дискурсе // *Филология и человек.* 2023. № 1. С. 85–101. [https://doi.org/10.14258/filichel\(2023\)1-06](https://doi.org/10.14258/filichel(2023)1-06)
2. *Буркова П. П.* Кулинарный рецепт как особый тип текста: на материале русского и немецкого языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2004. 22 с.
3. *Евсеева И. В.* Фреймовое моделирование жанра естественной письменной речи «Рукописный кулинарный рецепт» // *Общетеоретические и типологические проблемы языкознания* : сб. науч. ст. / отв. ред. У. М. Трофимова. Бийск : Изд-во Алтай. гос. гум.-пед. ун-та, 2014. Вып. 3. С. 184–189.
4. *Москалюк Г. С.* Становление типа текста «Кулинарный рецепт»: на материале немецкоязычных кулинарных собраний XIV–XVI веков : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. 20 с.
5. *Норлусенян В. С., Исакова Е. Е.* Структурно-семантические особенности кулинарного рецепта как особого типа текста // *Традиционная и инновационная наука: история, современное состояние, перспективы* : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. А. А. Сукиасян. Уфа : ООО «Аэтерна», 2015. Т. 3. С. 171–173.
6. *Лазеева Н. В.* Структурные и языковые особенности кулинарных рецептов поваренной книги «Cooking for friends» Г. Рамзи // *Инновационная наука.* 2016. № 3. С. 176–179.
7. *Гаврилова Т. С.* Речевой жанр кулинарного рецепта в интернет-дискурсе // *Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения* : сб. материалов VIII (XXII) Междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых / отв. ред. А. Г. Кожевникова. Вып. 22. Томск : Изд-во ТГУ, 2021. С. 63–66.
8. *Гончарова М. А.* Трансформация типа текста «кулинарный рецепт» в интернет-дискурсе // *Эволюция и трансформация дискурсов* : сб. науч. ст. / отв. ред. С. И. Дубинин В. Д. Шевченко. Самара : Изд-во «Самарский университет», 2016. Вып. 1. С. 294–303.
9. *Кантурова М. А.* Речевой жанр кулинарного рецепта в текстах СМИ // *Linguistica Juvenis.* 2010. № 12. С. 74–80.
10. *Лукьянова С. В.* Текст кулинарного рецепта на страницах региональных СМИ // *Актуальные проблемы исследования коммуникационных аспектов PR-деятельности и журналистики* : сб. материалов II Междунар. науч. сем. / сост. Л. А. Капитанова, В. В. Фролов. Псков : Изд-во ПГУ, 2017. С. 69–78.
11. *Кантурова М. А.* Деривационные процессы в системе речевых жанров (на примере речевого жанра кулинарного рецепта) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2012. 28 с.
12. *Китайгородская М. В., Розанова Н. Н.* Кулинарный рецепт как жанр устной речи // *Русский язык сегодня. X Шмелевские чтения* : сб. докл. / отв. ред. Н. Н. Розанова. М. : ИРЯ РАН, 2012. Т. 5. С. 202–210.
13. *Месеняшина Л. А.* Устный кулинарный рецепт как жанр, сохраняющий народную философию питания // *Вестник Челябинского государственного университета.* 2012. № 21. С. 86–88.
14. *Руберт И. Б.* Типологические характеристики английских малоформатных текстов «рецепт» и «полезный совет» : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1991. 17 с.
15. *Попцова Е. Д.* Принципы построения и языковые особенности немецких прескриптивных текстов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. 28 с.
16. *Ермакова М. А.* Цифровая культура и новые формы СМИ: особенности воздействия на аудиторию // *Культурное наследие России.* 2021. № 1. С. 66–73. <https://doi.org/10.34685/NI.2021.32.1.009>
17. *Шмелёва Т. В.* «Уплотнение жанров» как тенденция медиасферы // *Жанры речи.* 2018. № 4 (20). С. 270–276. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-4-20-270-276>
18. *Дементьев В. В.* Теория речевых жанров. М. : Знак, 2010. 600 с.
19. *Бакеева Д. А., Яшина А. Р.* Food-контент в условиях new media: анализ рекламных стратегий телевидения и кроссплатформ // *Знак: проблемное поле медиаобразования.* 2020. № 2 (36). С. 45–53. <https://doi.org/10.24411/2070-0695-2020-10205>

20. Микитенко Н. Ю., Дертынова Е. Б., Акименко Н. А. Структура и семантика наименований блюд в лингвокультурологическом аспекте (на материале кулинарных каналов YouTube) // Вестник КалмГУ. 2022. № 1 (53). С. 86–95. <https://doi.org/10.53315/1995-0713-2022-53-1-86-95>

21. Яшина А. Р. Методы самопрезентации и самопродвижения личности в контексте видеоплатформ (на примере food-блогов видеохостинга YouTube) // Огарёв-Online. 2020. № 4 (141). С. 1–6.

22. Федорова К. М., Руфова Е. С. Текстологические особенности понятия «рецепт» // Наука, образование и культура. 2016. № 10 (13). С. 14–20.

23. Богданова Д. А. Кликбейты и листиклы – современные приёмы подачи информации онлайнными медиа // Народное образование. 2019. № 4 (1475). С. 203–210.

24. Дементьев В. В. Заголовки с цифрами в интернет-медиа: лингвистические и прагматические характеристики // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2020. № 63. С. 5–27. <https://doi.org/10.17223/19986645/63/1>

25. Хотько Е. Г. Характер и формы проявления русской ярмарочной культуры прошлого // Культурное наследие России. 2014. № 2. С. 26–29.

REFERENCES

1. Zadorina M. V. The speech genre “culinary recipe” in television discourse. *Philology and Man*, 2023, no. 1, pp. 85–101 (in Russian). [https://doi.org/10.14258/filichel\(2023\)1-06](https://doi.org/10.14258/filichel(2023)1-06)

2. Burkova P. P. *Culinary recipe as a special type of text: Based on the material of Russian and German languages*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Stavropol', 2004. 22 p. (in Russian).

3. Evseeva I. V. Frame modeling of the genre of natural written speech “Handwritten culinary recipe”. In: *Obshcheteoreticheskie i tipologicheskie problemy yazykoznaniiya: sb. nauch. st. Vyp. 3. Pod red. U. M. Trofimovoj* [Trofimova U. M., ed. General theoretical and typological problems of linguistics: Coll. of sci. arts. Iss. 3]. Biysk, Shikhschin Altai University for Humanities and Pedagogy Publ., 2014, pp. 184–189 (in Russian).

4. Moskalyuk G. S. *The formation of the text type “Culinary recipe”: Based on the material of the German-language culinary collections of the XIV–XVI centuries*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Saint Petersburg, 2005. 20 p. (in Russian).

5. Norlusenyan V. S., Isakova E. E. Structural and semantic features of a culinary recipe as a special type of text. In: *Traditsionnaya i innovatsionnaya nauka: istoriya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy: sb. st. mezhdunar. nauch.-prakt. konf. T. 3. Pod red. A. A. Sukiasyan* [Sukiasyan A. A., ed. Traditional and innovative science: History, current state, prospects: Coll. of arts. of the Int. sci. and pract. conf. Vol. 3]. Ufa, Aeterna LLC, 2015, pp. 171–173 (in Russian).

6. Lazeeva N. V. Structural and linguistic features of culinary recipes of the cookbook “Cooking for friends” by G. Ramzi. *Innovative Science*, 2016, no. 3, pp. 176–179 (in Russian).

7. Gavrilova T. S. The speech genre of a culinary recipe in Internet discourse. *Aktual'nye problemy lingvistiki i literaturovedeniya: sb. materialov VIII (XXII) Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. molodykh uchenykh. Pod red.*

A. G. Kozhevnikovoi

 [Kozhevnikova A. G., ed. Actual problems of linguistics and literary studies: Coll. of materials of the VIII (XXII) Int. sci. and pract. conf. of young scientists]. Tomsk, TSU Publishing House, 2021, pp. 63–66 (in Russian).

8. Goncharova M. A. Transformation of the text type “culinary recipe” in Internet discourse. *Evolutsiya i transformatsiya diskursov: sb. nauch. st. Pod red. S. I. Dubinina, V. D. Shevchenko. Vyp. 1* [Dubinin S. I., Shevchenko V. D., eds. Evolution and transformation of discourses: Coll. of sci. arts. Iss. 1]. Samara, Publishing House “Samara University”, 2016, pp. 294–303 (in Russian).

9. Kanturova M. A. The speech genre of a culinary recipe in the texts of the media. *Linguistica Juvenis*, 2010, no. 12, pp. 74–80 (in Russian).

10. Lukyanova S. V. The text of a culinary recipe on the pages of regional mass media. *Aktual'nye problemy issledovaniya kommunikatsionnykh aspektov PR-deyatelnosti i zhurnalistiki: sb. materialov II Mezhdunar. nauch. seminar. Sost. L. A. Kapitanova, V. V. Frolov* [Kapitanova L. A., Frolov V. V., comp. Actual problems of research of communication aspects of PR-activity and journalism: Coll. of materials of the II Int. Sci. Sem.]. Pskov, Pskov State University Publ., 2017, pp. 69–78 (in Russian).

11. Kanturova M. A. *Derivational processes in the system of speech genres (on the example of the speech genre of a culinary recipe)*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Novosibirsk, 2012. 28 p. (in Russian).

12. Kitaygorodskaya M. V., Rozanova N. N. Culinary recipe as a genre of oral speech. *Russkij yazyk segodnya. X Shmelevskie chteniya: sb. dokl. T. 5. Otv. red. N. N. Rozanova* [Rozanova N. N., ed. Russian language today. X Shmelev readings: Coll. of reports. Vol. 5]. Moscow, IRL RAS, 2012, pp. 202–210 (in Russian).

13. Mesenyashina L. A. Oral culinary recipe as a genre preserving the folk philosophy of nutrition. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2012, no. 21, pp. 86–88 (in Russian).

14. Rubert I. B. *Typological characteristics of English small-format texts “recipe” and “useful advice”*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Leningrad, 1991. 17 p. (in Russian).

15. Poptsova E. D. *Principles of construction and linguistic features of German prescriptive texts*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Moscow, 2017. 28 p. (in Russian).

16. Ermakova M. A. Digital culture and new forms of mass media: Features of impact on the audience. *Cultural Heritage of Russia*, 2021, no. 1, pp. 66–73 (in Russian). <https://doi.org/10.34685/HI.2021.32.1.009>

17. Shmeleva T. V. “Consolidation of genres” as a trend of the media sphere. *Speech Genres*, 2018, no. 4 (20), pp. 270–276 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-4-20-270-276>

18. Dementyev V. V. *Teoriya rechevykh zhanrov* [Theory of speech genres]. Moscow, Znak, 2010. 600 p. (in Russian).

19. Bakeeva D. A., Yashina A. R. Food-content in the conditions of new media: Analysis of advertising strategies of television and cross-platforms. *Sign: Problematic field of media education*, 2020, no. 2 (36), pp. 45–53 (in Russian). <https://doi.org/10.24411/2070-0695-2020-10205>

20. Mikitenko N. Yu., Martynova E. B., Akimenko N. A. Structure and semantics of names of dishes in the linguoculturological aspect (based on the material of culinary YouTube channels). *Bulletin of KalmSU*, 2022,

no. 1 (53), pp. 86–95 (in Russian). <https://doi.org/10.53315/1995-0713-2022-53-1-86-95>

21. Yashina A. R. Methods of self-presentation and self-promotion of personality in the context of video platforms (on the example of YouTube video hosting food blogs). *Ogarev-Online*, 2020, no. 4 (141), pp. 1–6 (in Russian).

22. Fedorova K. M., Rufova E. S. Textual features of the concept of “recipe”. *Science, Education and Culture*. 2016, no. 10 (13), pp. 14–20 (in Russian).

23. Bogdanova D. A. Clickbaits and listicles – modern methods of presenting information by online media. *National Education*, 2019, no. 4 (1475), pp. 203–210 (in Russian).

24. Dementyev V. V. Headlines with figures in Internet media: Linguistic and pragmatic characteristics. *Bulletin of the Tomsk State University. Philology*, 2020, no. 63, pp. 5–27 (in Russian). <https://doi.org/10.17223/19986645/63/1>

25. Khotko E. G. The nature and forms of manifestation of the Russian fair culture of the past. *Cultural Heritage of Russia*, 2014, no. 2, pp. 26–29 (in Russian).

Поступила в редакцию 02.09.2023; одобрена после рецензирования 05.10.2023; принята к публикации 17.10.2023

The article was submitted 02.09.2023; approved after reviewing 05.10.2023; accepted for publication 17.10.2023

Редактор *Е. А. Митенёва*
Корректор *Е. А. Митенёва*
Технический редактор *С. С. Дударева*
Оригинал-макет подготовил *И. А. Каргин*

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского».
410012, Саратовская область, Саратов, ул. Астраханская, 83

Подписано в печать 22.08.2024. Подписано в свет 30.08.2024.
Формат 60 × 84/8.
Усл. печ. л. 11.43 (12.25). Тираж 100. Заказ 106-Т.

Издательство (редакция) Саратовского университета.
410012, Саратов, Астраханская, 83.
Типография Саратовского университета.
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А.